

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Si e vernye t s i e ty

PROPERTY OF

*The
University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

Ивановъ А. Купечество

И. П. Павловъ и П. П. Павловъ

СЪВЕРНЫЕ

ЦВЕТЫ.

1826.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ С. Петербургѣ.

Въ С. Петербургѣ.

Sievernnye tsviety
С Ъ В Е Р Н Ы Е
Sievernnye tsviety
Ц В Ъ Т Ы

НА 1826 ГОДЪ,

№ 6879 6P8930
СОБРАННЫЕ *P II*

БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ.

ИЗДАНЫ

ИВАНОМЪ СЛЁНИНЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

У КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА СЛЁНИНА.

~~PG 3201~~
~~S 5~~

891.708
S573
1825a
V. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпешербургъ, Февраля 25 дня, 1826 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

104837

'07

**ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

1826.

754m 92200

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Проза.

Стран.

О состояніи художествъ въ Россіи	3	В . . . . .
Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Д.	101	
Трактирная лѣсница	107	
Путешествіе на Сентъ-Бернардъ	145	
Непонятный союзъ	182	Т . . . . .
Неразлучныя	189	
Фирдоуси	199	
Вожаемый	212	
Рускіе поклонники въ Иерусалимѣ. (Отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году)	214	
Еще нѣсколько словъ о Серальской библиотекѣ	283	Дашковъ

Поэзія.

О. С. Пушкиной	3	
Къ N. N.	4	
Отрывокъ изъ повѣсти Алл.	5	
Подражаніе Корану	9	Нуминъ

Б203-285099

II О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Подражаніе 136 Псалму	10
Спаны кь Д***	12
Кь друзьямъ. (Спихи, приписанные кь собрانیю Стихотвореній А. Х. Воспо- кова.)	13
Въ Альбомъ С. Е. К — ой.	14
Кь Аннепѣ.	15
Смерть Фигнера.	16
17 Сентября, 1824.	24
Элегія.	25
Черны Осени.	27
Міръ Фантазій	28
Барашынскому. (Изъ Бессарабіи.)	29
Явленіе Клоринды Танкреду. (Изъ Освобо- деннаго Іерусалима.)	30
С. М. С — ой.	32
Развалины.	33
Слава Богу.	34
Поощада пѣвца.	35
Характеристика.	38
Л. С. П. — ну.	39
Идеаль	40
Персидскій романсъ. (Изъ повѣсти: Ор- санъ и Деила.)	41
Сстроеніе Склада. (Изъ Сербскихъ народ- ныхъ пѣсень.)	43

О Г Л А В Л Е Н І Е.

III

Стран.

Альбомъ.	53	<i>Воспом.</i>
Н. И. Гнѣдичу.	55	<i>Сказ.</i>
Отрывки изъ второй пѣсни Евгения Онегина, поэмы А. Пушкина.	56	<i>Мужик</i>
Надпись къ Порфирею Лирика.	62	<i>х х х</i>
Подражаніе Аріосту.	63	<i>Баттальн.</i>
Нарвскій водопадъ.	—	<i>Воспом.</i>
Мы.	66	<i>Воспом.</i>
Эпитафія.	—	
Надпись.	67	
Поясъ Киприды. (Отрывокъ изъ XIV пѣсни Иліады.)	68	<i>Томъ дв.</i>
Объясненіе.	83	<i>Воспом.</i>
Спансы къ Николаю Ивановичу Гнѣдичу. (На Кавказъ и Крымъ.)	84	<i>Кавказ.</i>
Отрывки изъ Персидской повѣсти: Орсанъ и Лейла	88	<i>Сказ.</i>
Вечеръ. (Изъ Шиллера.)	90	<i>Мужик.</i>
Къ увядающей красавицѣ.	91	<i>Мужик.</i>
Молишва.	92	
Три слѣпца.	93	<i>Мужик.</i>
Надпись къ испочинку.	94	<i>Мужик.</i>
Н. Н., поднося ей яблоко.	—	
Княжѣ С. Р — ль.	95	<i>Воспом.</i>
Степная жизнь. Воспоминанія. Походъ.	97	<i>Воспом.</i>
Отрывокъ изъ Поэмы: Цыганы.	100	<i>Мужик.</i>

	Стран.	
З. С. С.	Семь пятницъ на недѣль.	102
З. С. С.	Луна.	105
Паша	Къ Лидѣ. (Подражаніе К. Галлу.)	106
З. С. С.	Къ мнимои счастливиць.	108
Майя	Сирѣлки. (Басня.)	113
Майя	Еврейская Мелодія. (Изъ Байрона.)	115
Майя	Къ подаренному докону	116
Майя	Лилія и Роза. (Въ Альбомѣ Т. Е. Е — ой.).	118
	На погребеніе Авглійскаго Генерала Сира	
	Джона Мура.	120
Майя	Эпипафія.	122
Майя	Моя Эпипафія. (Подражаніе Скаррону.)	—
Майя	Элегія.	123
Майя	Мадригалъ.	124
Майя	Двѣ каршины.	125
Майя	Руская пѣсня.	127
Майя	Элегія.	128
Майя	Двѣ звѣздочки.	129

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

П Р О З А

Напечатано:

Читай:

Спран. Спрок.

4 — 19 ии	ни
65 — 5 вниманія	вниманія
115 — 17 безопасности	безопасности
130 — 6 наединѣ	наединѣ
146 — 13 Маршинала	Маршинаха
« — 20 Шамуни	Шамуни
147 — 1 завтраму	завтрему
« — 10 Forlas	Forclas
150 — 13 и не даешъ	и очень даешъ
154 — 2 смотрѣшь его	смотрѣшь
155 — 7 распрей	и распрей
156 — 14 другія	орудія
159 — 3 и дашь	а дашь
161 — 2 ошъ полей	ошъ голой
173 — 2 по необходимости	по необширности
222 — 1 Мусселимскаго	Мусселимова
224 — 15 пулешешвенни-	пулешешвенни-
ковъ	ковъ
227 — 12 Bell.	Bell.

Напетатамо:

Читай:

Стран. Спрок.

233 — 8 импрореге

Импрореге

« — 13 просши

просши

245 — 22 въ продолженіи

въ теченіи

263 — 18 Ошь

Ошь

П О Э З І Я.

54 — 9 поже

пожь

62 — 9 Еро

Его

120 — 4 На погребеніе Ан-

На погребеніе Ан-

глійскаго Генерала

глійскаго Генерала

Сира Джона. Изъ

Сира Джона Мура.

Мура.

Картинки принадлежатъ къ слѣдую-
щимъ страницамъ:

Ангель со статуи *Мартоса* къ страницѣ 55

Сусанна *Егорова* 77

Іоаннь Креститишель *Шебуева* 81

Ошдыхающій Садовникъ *Кипренскаго* . . . 84

Входъ въ храмъ Гроба Господня *Воробьева*. 231

П Р О З А.

I

О СОСТОЯНІИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ РОССІИ.

Письмо I.

Я исполняю швое желаніе, любезный другъ! Готовъ представить тебѣ очеркъ состоянія художествъ въ Россіи. Но, по простой пословицѣ Русской уговоръ лучше денегъ: хочу съ тобою напередъ условиться.

Ты много видѣлъ, много знаешь; но (по чему не сказать правды)? не знаешь еще своего опечества. Воспитанный далеко отъ него, подъ чужимъ небомъ, ты новъ въ Россіи. Ты смотришь на нее сквозь уменьшительное стекло, которое пріобрѣлъ въ чужихъ краяхъ отъ своихъ наставниковъ; а потому и не удивишельно, если многое

• •

въ письмахъ моихъ покажется для себя новымъ и, быть можетъ, несовершенно справедливымъ. Не будь опромѣшивъ въ заключеніяхъ: это первое условіе. Второе: не жди отъ меня невозможнаго. Мои дѣла и обстоятельства не позволяютъ мнѣ написать къ тебѣ въ это время болѣе трехъ, или четырехъ писемъ. Въ нихъ я не могу всего высказать, и такъ останься на первый разъ доволенъ малымъ. Наконецъ третье: позволь мнѣ сдѣлать небольшое вступленіе, а потомъ говоришь о дѣлѣ въ общихъ выраженіяхъ безъ подробностей, которыя завели бы меня очень, очень далеко.

Начнемъ: *Изящныя искусства* тогда становящяся достойными сего имени, когда они начинаютъ приближаться къ своей цѣли. Первые опыты дикаря въ рѣзбѣ, или въ раскрашиваніи, не могутъ быть называемы

ни скульпшурою, ни живописью, хопя бы и имѣли они нѣкоторый признакъ подражанія природѣ. Искусства изящныя улаждають бытіе челоуѣка. Можеть ли чувствовашь нужду въ сему улаженіи шопь, кто не умѣеть удовлетворять первымъ потребностямъ жизни? Художества начинались съ образованіемъ народовъ. По этому можно утвердительно сказаць, что у Славянъ, предковъ нашихъ, не было художествъ. Они имѣли боговъ, изображали ихъ подъ принятыми видами; но виды сіи были уродливы не менѣе шого, какъ и самыя понятія ихъ о божествѣ были весьма странны и нелѣпы.

Сношенія съ Греками до Владиміра великаго не могли послужить къ пользѣ въ сему отношеніи. Причина: различіе вѣръ и образъ жизни Славяно-россовъ. Но при Владимірѣ принятіе вѣры христіанской привело къ намъ

и науки и искусства. Съ X вѣка художества появились въ Россіи; воздвигнуты храмы по образцу погдашнихъ греческихъ; живопись, мозаика и рѣзьба украшали ихъ: и если бы въ послѣдствіи не суждено было Россіи испытать бѣдствій ужасныхъ, чрезвычайныхъ; то нѣтъ сомнѣнія, что въ XIII и XIV вѣкахъ она могла бы для Европы быть тѣмъ же, чѣмъ была Европа для Россіи въ царствованіе ПЕТРА I.

Храмы умножались. Знапнѣйшіе были сооружены въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ и Владимірѣ. Они претбовали живописи; но живопись сія могла ли возвыситься въ то время выше того состоянія, въ которомъ была она при самомъ началѣ своемъ. Подражаніе принятымъ образцамъ и понятія вѣка, недопускавшія ничего новаго, особенно въ отношеніи къ изображеніямъ

священнымъ, копорья одни составляли предметъ живописи, связывали дарованія. Если же художества не упали у насъ совершенно: по сему причиною повременное появленіе людей даровитыхъ, которые по крайней мѣрѣ шли вѣрно по стопѣ проложенной. Въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчающія похвалы чрезвычайныя иконописцамъ и другимъ искусникамъ. Положимъ, что вкусъ тогда не былъ ни сколько образованъ; но отзывъ объ однихъ и молчаніе о другихъ доказываютъ, что наши предки различали уже между худымъ лучшее.

Съ тѣхъ поръ, когда Россія свергла иго могольское, государи наши начали чувствовашь необходимость въ просвѣщеніи народномъ. Были призываемы иностранцы; но добрые предки наши не много лучше смотрѣли на нихъ, какъ нынѣ Кишайцы на Европей-

цевъ. Успѣховъ было мало. Государи сами не могли бытъ чужды предразсудковъ своего времени, были недо-вѣрчивы, и хопя желали добра своимъ подданнымъ, но въ отношеніи къ об-разованію ихъ дѣйствовали медлен-но. Россія ждала генія-воскресителя: наконецъ онъ явился.

ПЕТРЪ великій постигъ первый, что народу рускому не должно оспа-ваться долѣе на чредѣ посредственно-сти. Онъ взвѣсилъ духъ и силы наро-да; уничтожилъ преграду, отдѣлявшую Россію отъ Европы, и открылъ пути, по копорымъ должны были проник-нуть въ нсе лучи свѣта благошворна-го. Онъ все обнималъ, все видѣлъ, все из-слѣдовалъ. Онъ зналъ что иностранцы, призванные въ Россію, (люди по большей части съ великими достоинствами), принесуть пользу новому опечеству, но менѣе прославятъ Россію, нежели

вѣрные, родные сыны ея. Не мѣсто говорить здѣсь о томъ, въ какой степени пользовался сей великій государь пособіями ума и познаній иностранцевъ, при немъ бывшихъ. То истина, что онъ хотѣлъ имѣть вездѣ и во всемъ *свое*; что не было отрасли познаній человеческихъ, для которой онъ не назначалъ бы Россіянь, и что не было предпріятія его, которое не увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ.

Пусть охотники до сшарины соглашались съ похвалами, приписываемыми какимъ-то Рублевымъ, Ильинымъ, Ивановымъ, Васильевымъ и проч., живописцамъ, жившимъ гораздо прежде времени царствованія Петра: — я симъ похвалямъ мало довѣряю. Всѣ успѣхи тогдашнихъ художниковъ могли состоять въ числѣ и нѣжности работы, пріятности красокъ, словомъ, въ механизмѣ, но не болѣе. Имъ недоставало образцевъ. Они

не знали древнихъ. Если же художники рускіе, жившіе въ это время, равнялись съ современными греческими, или если даже и превосходили ихъ въ чемъ нибудь, то все это небольшой шагъ къ совершенству. Правда, въ южной Россіи издавна были довольно хорошіе зодчіе и живописцы. Вліяніе Польши на Малороссію, во многихъ отношеніяхъ вредное для послѣдней, было причиною раньшаго образованія вкуса между художниками сего края. Можно сказать утвердительно, что во всей Малороссіи нельзя найти ни одного сипарнипаго образа, подобнаго тѣмъ, которые встрѣчаются въ значнѣйшихъ церквахъ Москвы и другихъ городовъ великороссійскихъ; но это частность, а я говорю вообще.

Художества (помни, любезный другъ, что я разумью ихъ въ надлежащемъ

смыслъ) художества водворены въ Россіи Петромъ великимъ. Съ сихъ поръ начинаея ихъ бытіе въ нашемъ отечествѣ. Съ сихъ поръ они заслуживаютъ вниманіе.

Извѣстно, что Петръ, возвратясь изъ чужихъ краевъ, гдѣ онъ ничего не опуспилъ безъ вниманія, гдѣ споль часно любовался швореніями Художества, и гдѣ даже сдѣлалъ значущее пріобрѣтеніе картинъ, особенно фламандской школы и другихъ художественныхъ произведеній; отправилъ нѣсколько молодыхъ людей въ чужіе краи учиться художествамъ. Земцовъ, Еропкинь обучались внѣ отечества архипектурѣ, а Никишинъ, Машвѣевъ, Захаровъ, Меркурьевъ и Васильевскій живописи. Не могу шебѣ дать полнаго понятія объ успѣхахъ сихъ художниковъ. Ихъ произведенія сплишкомъ мало извѣспны. Полагаю должно, что Ники-

пинъ и Машвѣевъ превозходили прочихъ. О первомъ я сужу такъ по отличному уваженію къ нему Петра великаго, а о второмъ по тому, что онъ писалъ образа и портреты для двора, имѣлъ еще при Петрѣ I (если только надпись на одной картинѣ, мною видѣнной не поддѣльна), званіе гофъ-маллера. Машвѣевъ былъ дѣйствительно весьма отличный художникъ. Произведенія, ему приписываемыя, соединяють въ себѣ многія достоинства живописи: хорошій рисунокъ, сильный тонъ красокъ, кисть наипрѣятнѣйшую. Машвѣевъ можетъ быть поставленъ наряду съ весьма хорошими живописцами голландской школы.

Со времянь Петра, церкви, особенно въ столицахъ, начали строить въ лучшемъ вкусѣ и наполнять ихъ прекрасными священными изображеніями. Возвратившіеся художники наши безъ

сомнѣнія были занимаемы. Они могли имѣть учениковъ, которые въ свою очередь образовали другихъ, и такъ художество разпространялось. По мѣрѣ умноженія надобности въ искусствахъ умножались и люди искусные. Сооруженіе храмовъ, дворцовъ и зданій частныхъ давало пищу художествамъ. Но мы столь мало знаемъ ходъ послѣднихъ въ сіе время, что весьма трудно опредѣлить его съ точностію. Отъ людей просвѣщенныхъ, которые исключительно могутъ заняться симъ предметомъ, остается ждаться въ послѣдствіи вѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Онѣ могутъ быть весьма любопытны. Жаль только, если самыя произведенія не сохраняются до сихъ поръ. Не умѣю описать тебѣ сожалѣнія, съ какимъ я смотрѣлъ неоднократно на мѣстные образа здѣшней Семіоновской церкви (сооружен-

ной по чертежу Земцова). Они теперь уже много потерпѣли, хотя ни какъ нельзя отнести произведеніе ихъ далѣ послѣднихъ годовъ царствованія императрицы Анны Іоанновны, или первыхъ Елисаветы Пепровны. Прекрасный рисунокъ, стиль болѣе чистый, нежели каковъ видѣнъ обыкновенно въ погдашнихъ живописныхъ работахъ, доказываютъ, что образа сіи произведены рукою искусною. Я ничего не могъ о нихъ узнать достовернаго; но полагаю, что они должны принадлежать Никишину, или кому либо изъ его товарищей. Въ соборъ, что въ здѣшней Петропавловской крѣпости, есть образа Машвѣва.

Петра не спало; но художества уже существовали, хотя и не утвердились еще. Вновь художниковъ въ чужіе края для усовершенствованія не

посылали, но довольствовались теми, которые были, или приглашали иностранцевъ.

Мирное въ началѣ правленіе Елисаветы позволило обратить ей главнѣйшее вниманіе на дѣла внутреннія. Слава двора рускаго требовала блеска.

Императрица воздвигла величайшія зданія и украсила ихъ великолѣпнѣйшимъ образомъ. Довольно напомнишь себѣ о Смольномъ монастырѣ, Зимнемъ и Царскосельскомъ дворцахъ, произведеніяхъ зодчества, достойныхъ существовать въ позднѣйшемъ попомствѣ. Ты имѣешь уже о нихъ понятіе изъ чертежей, мною не задолго предъ симъ къ себѣ посланныхъ. Это памятники искусства знаменитаго графа Растрелли. Кстапи скажешь здѣсь, что Гваренги (ты вѣрно слыхалъ о немъ) часто говори-

валь: «я не могу видѣть церкви Смольнаго монастыря, не снявъ шляпы.» Онъ находилъ планъ сей церкви превосходнымъ, и ему можно вѣрить.

Надобность въ художникахъ во всѣхъ родахъ была причиною вызова многихъ изъ чужихъ краевъ вновь. Отличнѣйшіе изъ нихъ были: графъ Ромари, славный историческій живописецъ, и Фоншебассо, написавшій много плафоновъ. Перваго есть прекраснѣйшая картина въ Александроневской лаврѣ, представляющая Рождество Спасителя. Мысль сей картины заимствована художникомъ въ извѣстной Ночи Корреджіа: свѣтъ исходитъ отъ Божественнаго младенца и освѣщаетъ всѣ предметы. Въ дѣйстви свѣта и тѣни, въ силѣ картины, въ прелести колорита, Ромари слишкомъ далекъ отъ своего неподражаемаго образца, но въ силѣ рисунка едва ли не пре-

возходитьъ его. Есть въ Петергофѣ большое собраніе портретовъ руки сего художника. Ротари умеръ въ первые годы царствованія Екатерины II, и, если не ошибаюсь, въ 1768 году. Работы Фоншебассо находятся въ Царскосельскомъ и другихъ дворцахъ. Онъ отзываются манеромъ Тиеполо. Торелли (весьма отличный художникъ), былъ также приглашенъ въ Россію. Онъ разписалъ между прочимъ Китайскій дворецъ, что въ Ораніенбаумѣ въ саду. Пылокое воображеніе, свобода исполненія и прелестный манеръ отличаютъ работы сего художника.

Всѣ произведенія сихъ художниковъ нравились императрицѣ; но она желала дать способы Рускимъ превзойти ихъ, и положила первое основаніе Академіи художествъ. Это было въ 1758 году.

Кто бы повѣрилъ, что въ сіе самое время явишся художникъ руской, до-

стойный соперничества съ первѣйшими современными художниками Европы? Но онъ былъ двисствительно для славы Россіи и своего вѣка. Хочешь знать имя его? Эпо Какориновъ.

Все, что могу сообщить о немъ по словамъ покойнаго Гловачевскаго, перваго инспектора Академіи, умершаго за два года предъ симъ, заключается въ томъ, что Какориновъ, уроженецъ Сибирскій, строилъ вмѣстѣ съ Чевапинскимъ церковь св. Николая Морскаго, что Чевапинскій былъ старше его лѣтами, слѣдовательно могъ быть его учителемъ, а Чевапинскій вѣроятно учился у одного изъ пенсіонеровъ Петра великаго, и наконецъ, что Какориновъ, во время основанія Академіи, имѣлъ уже славу и пользовался покровительствомъ Ивана Ивановича Шувалова, извѣстнаго вельможи-Мецената, перваго начальника Ака-

деміи. Вотъ всѣ свѣдѣнія о Какориновѣ. О достоинствахъ его въ качествѣ зодчаго скажу послѣ. Теперь присовокуплю только, что въ то же время былъ какой-то живописецъ Аргуновъ, первый учитель извѣснаго въ послѣдствіи Лосенка, и еще одинъ рускій живописецъ, имѣвшій исключительное право писать портреты императрицы Елисаветы Петровны. Къ сожалѣнію покойныи Гловачевскій, часто рассказывая мнѣ о семъ, не могъ припомнить имени сего художника.

Въ это время приглашены были изъ чужихъ краевъ для составленія Академіи: Лорренъ, живописецъ перспективный, Кювилье историческій, Жилепшъ скульпторъ и Ла Мошпъ архитекторъ. Какориновъ также назначенъ былъ профессоромъ Академіи. Сорокъ человекъ учениковъ было взя-

* *

по изъ Московскаго Университета для образованія школы.

Первые художники, вышедшіе изъ оной, были Баженовъ и Спаровъ, оба отличные зодчіе; Лосенко и Козловъ историческіе живописцы, изъ коихъ первый принесъ весьма важную пользу художествамъ въ Россіи, а послѣдній служилъ Академіи и имѣлъ свою особенную школу. О Художникахъ сихъ буду говорить въ слѣдующемъ письмѣ подробнѣе. Они принадлежатъ болѣе вѣку Екатерины II, съ началомъ котораго начинается новая эпоха художествъ въ Россіи.

Письмо II.

Въ предыдущемъ письмѣ я далъ тебѣ, любезный другъ, легкое понятіе о ходѣ художествъ въ Россіи до временъ Екатерины великой. Теперь бросимъ

взглядъ на состояніе ихъ въ ея счастливое царствованіе.

Академія художествъ, заведенная при Елисаветѣ, не получила еще надлежащаго прочнаго существованія. Смерть возпрепятствовала сей императрицѣ исполнить это. Екатерина довершила начатое. Въ 1764 году она утвердила уставъ Академіи; даровала ей привилегію; назначила весьма значущія суммы на содержаніе Академіи и награды за успѣхи и искусство, а въ 1765 торжественно положила первый камень основанія прекраснѣйшему, огромнѣйшему и величественнѣйшему дому Академіи.

Я упоминаю о немъ; потому что онъ почестся можетъ однимъ изъ превосходныхъ публичныхъ зданій, во всей Европѣ существующихъ. Утверждаютъ, что многіе проекты для него были предсавлены, но императрица, всегда

осторожная во всѣхъ дѣлахъ своихъ, не рѣшилась сама сдѣлать выбора, не узнавъ прежде мнѣнія о сихъ проэктахъ людей опытныхъ и искусныхъ, и для того повелѣла послать ихъ въ Парижъ для разсмотрѣнія въ тамошней Академіи. Французская Академія судила сіи проэκты строго, и рѣшительно предпочла прочимъ одинъ, во всѣхъ отношеніяхъ преимущественнѣйшій; проэκтъ сей былъ Какоринова.

Ты знаешь, что въ публичныхъ зданіяхъ три условія наиболее необходимы: удобство въ разположеніи, прочность въ сооруженіи и величіе въ цѣломъ. Зданіе Академіи соединяетъ въ себѣ выполненіе всѣхъ сихъ условій. Прибавь къ тому еще соразмѣрность частей, хорошій стиль и огромную массу, двѣ тысячи чешыреста квадратныхъ сажень занимающую и опъ одиннадцати до двѣнадцати сажень имѣю-

щую возвышенія, и ты составишь себѣ нѣкоторую идею о томъ величинѣ, котораго должно быть исполнено подобное зданіе.

Меня увѣряли, что мысль Академическаго зданія взята съ извѣстнаго Казертскаго дворца близъ Неаполя. Судя по времени сооруженія его это правдоподобно. Рисунки сего дворца изданы Ванвипелліемъ въ 1756 году; но согласишься съ симъ значило бы опымать славу у нашего зодчаго. Казертскій дворець и С. Петербургская Академія имѣють форму параллелограмма въ планѣ и украшены пиластрами дорическаго чина: но можно ли назвать это сходствомъ? Казертскій дворець имѣеть чепыре двора, а зданіе Академіи пять. Средній академическій круглый превосходень. По формѣ и величинѣ это почти Пантеонъ римскій, только безъ свода. При

шомъ ни разположеніе, ни самыя со-
размѣрности частей и цѣлаго не сход-
ны въ сихъ зданіяхъ. Въ академичес-
комъ все принадлежишь Какоринову.
Гдѣ же, ты спросишь, получилъ Ка-
кориновъ столь великія познанія и
вкусъ, что, не руководствуясь извѣст-
ными памятниками, произвелъ первый
изъ русскихъ во всѣхъ отношеніяхъ
образцовое зданіе? На это отвѣчаю:
онъ былъ геній. Нѣкоторые полага-
ють, что графъ Распрелли былъ его
учителемъ, но я имѣю причины въ себѣ
сомнѣваться: до Распрелліа были въ
Россіи славные зодчіе. Зданія, соору-
женныя ими и самымъ Распрелліемъ,
могли научить Какоринова. Впрочемъ
замѣтишь должно, что вкусъ сего по-
слѣдняго и чище и обработаннѣе.

Къ сожалѣнію въ С. петербургѣ нѣтъ
ни одного строенія, кромѣ академи-
ческаго, кошорое можно бы припи-

самъ Какоринову. Старинные дома частные измѣнены до того, что нельзя повѣрить, чтобы С. Петербургъ существовалъ болѣе тридцати лѣтъ. Нянь, или шесть зданій и нѣсколько церквей напоминаютъ только о вѣкѣ Петра и Елисаветы. Вкусъ ли, или другія какія причины это произвели, рѣши ты самъ; а я обращаюсь къ художникамъ.

Баженовъ и Спаровъ учились въ Академіи подъ руководствомъ Какоринова и Ла Монтта, который также былъ отличный зодчій. Баженовъ умеръ въ 1799 году, а Спаровъ лѣтъ за десять предъ симъ. Первый былъ весьма уважаемъ за свои дарованія и искусство. Проектъ его возобновленія Кремля почтипаютъ превосходнымъ. Онъ остается неисполненнымъ. Спаровъ извѣстенъ, какъ художникъ съ величайшими дарованіями. Главная церковь

Александроневской Лавры одна изъ самыхъ лучшихъ въ Россіи; Таврическій дворець, коего большая галлерей достоина соперничества съ превосходными швореніями Палладіевъ, прекрасная церковь св. Софіи въ Царскомъ Сель и другія зданія спавяяпъ Сшарова въ число знаменитѣйшихъ русскихъ зодчихъ.

Одинъ просвѣщенный любитель называлъ Лосенка Ломоносовымъ въ живописи. Я согласенъ съ нимъ нѣсколько. Ломоносовъ и Лосенко оставили каждый въ своемъ искусствѣ образцы для подражанія. Лосенко былъ весьма хорошій рисовальщикъ. Въ бытность свою во Франціи и Испаліи онъ обратилъ на себя вниманіе и, возвращаясь въ отечество, посвятилъ себя Академіи и былъ, можно сказать, основателемъ русской школы, имѣющей характеромъ своимъ вѣрность рисунка.

Двѣ академическія фигуры, писанныя Лосенкомъ, находящіяся въ Академіи и другія его произведенія по части исторической живописи, показываютъ, что онъ живя въ Парижъ во время Буше, столько имѣлъ въ себѣ силы, что принялъ въ руководство прекрасную Напуру. Онъ много учился съ антиковъ; множество сдѣлалъ образцовыхъ рисунковъ для воспитанниковъ и велъ ихъ по настоящей дорогѣ. Нельзя похвалить колорита Лосенка, но должно отдать ему справедливость, какъ первому художнику - живописцу, давшему у насъ хорошее направленіе художествамъ. Въ его произведеніяхъ видно чувство, виднѣнь умъ, видны дарованія великія. Нельзя смотрѣть равнодушно на голову св. Апостола Андрея, написанную симъ превосходнымъ художникомъ. Чувство самоотверженія въ ней выражено въ выс-

шей степени. Это произведение находится въ Академіи художествъ.

Козловъ, живописецъ историческій, не былъ гений; но онъ, какъ умной чловѣкъ и какъ чловѣкъ съ дарованіями, служилъ Академіи и воспитанникамъ; кромѣ того имѣлъ у себя собственную школу живописи, изъ которой вышли многіе хорошіе живописцы. Въ Академіи есть его картина: отреченіе св. Апостола Петра.

Къ сему же времени должно еще причислить Рокотова, художника хорошаго по портретной части и Чемезова и Колпакова гравёровъ.

Всѣ сіи художники сдѣлались болѣе, или менѣе извѣстными до вступленія на престолъ Екатерины великой и по времени образованія своего принадлежатъ вѣку Елисаветы.

Я сказалъ уже выше, что Академія получила настоящее учрежденіе свое

при Екатеринѣ. Главнымъ начальникомъ назначень тогда же Бецкіи, весьма просвѣщенный вельможа. Подъ его-то начальствомъ и руководствомъ перваго директора Академіи Какорина, при неунынныхъ стараніяхъ профессоровъ, въ числѣ которыхъ находился и Торелли, извѣстный живописецъ историческій, Академія произвела въ короткое время многихъ достойныхъ художниковъ. Въ теченіе тридцати четырехлѣтняго царствованія Екатерины Академія успѣла приобрести европейскую славу. Многие великіе люди вмѣняли себѣ въ честь принадлежать къ числу членовъ ея. Знаменитѣйшіе художники иностранные, здѣсь и внѣ Россіи находящіеся, искали званія Академиковъ, или почетныхъ вольныхъ общниковъ. Фельшень, здѣшній уроженецъ, ученикъ и помощникъ графа Распрелли, архисекторъ,

извѣстный многими прекрасными зданіями и особенно превосходною лѣшницею, находящеюся въ академическомъ зданіи; Фальконетъ, знаменитый ваятель, вызванный для произведенія памятника Петру великому; Гваренги, одинъ изъ славнѣйшихъ архитекторовъ XVIII столѣтія; Доженъ историческій живописецъ, весьма отличный художникъ; Лампи и многіе другіе, жившіе въ Россіи, были членами Академіи. Не исчисляя произведеній сихъ знаменитыхъ художниковъ, что конечно увлекло бы меня слишкомъ далеко, я скажу только, что всѣ они, украшая столицу и Россію своими твореніями, способствовали разпространенію вкуса и любви къ искусствамъ.

Екатерина, имѣя въ виду истинную пользу народа своего, не щадя суммъ на сооруженіе и украшеніе великолѣпныхъ

публичныхъ зданій и памятниковъ; приобрѣла многія собранія картинъ, спашуй, камеевъ и прочихъ художественныхъ вещей и образовала эрмитажъ; подарила Академіи единственное собраніе алебастровыхъ отливокъ съ древнихъ спашуй, и словомъ, все дѣлала, чтобы споспѣшествовать художествамъ въ Россіи возвыситься на степень, достойную уваженія современниковъ и потомства.

Примѣръ монархини дѣйствовалъ на вельможъ, которые (я говорю о знатнѣйшихъ) наперерывъ другъ предъ другомъ начали собирать отличнѣйшія художественныя произведенія, и нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно составили превосходныя.

Вѣкъ Екатерины утвердилъ и вкусъ и художества въ Россіи. Въ ея время Академія выпустила около тысячи художниковъ, которые разсѣялись по

имперіи и конечно не могли не содѣйствовать своими произведеніями полезному на вкусъ общій вліянію.

Знаменистѣйшіе изъ художниковъ, явившихся въ царствованіе Екашеріны, суть слѣдующіе.

По части живописи исторической.

Соколовъ. Къ сожалѣнію сей художникъ жилъ не долго. Его дарованія и искусство заставляють жалѣть о ранней смерти его. Онъ могъ бы прославить Россію своими твореніями. Онъ былъ искусный рисовальщикъ и хорошій колористъ. Въ бытность свою въ Римѣ онъ полюбилъ произведенія славнаго въ то время Батонія и усвоилъ вкусъ его; но, идучи собственною своею дорогою, былъ бы, можетъ быть, и лучше и оригинальнѣе. Изъ произведеній Соколова одно особенно заслуживаетъ ошличное вни-

манія. Это картина Меркурій, усиляющій Аргуса, въ естественную величину, находящаяся въ Академіи. Его же есть превосходная копія въ Александроневской Лаврѣ съ картины Петра Теспа: Введеніе во Храмъ Пресвятыя Богородицы и нѣкоторыя весьма хорошія работы у людей частныхъ:

Акимовъ, художникъ весьма умный. Онъ долго служилъ Академіи. Большой почитатель древнихъ произведеній и человекъ, обладавшій особеннымъ даромъ пріятнаго слова, онъ умѣлъ поселить въ воспитанникахъ спросъ къ ученію и любовь къ прекрасному. Иконоспась въ Александроневской Лаврѣ и картина въ Академіи: Геркулесъ, сожигающійся на костръ, суть лучшія его произведенія. Въ сей послѣдней фигура Геркулеса нарисована весьма хорошо.

Угрюмовъ. Этошь художникъ имѣлъ

чрезвычайную способность къ многосложнымъ сочиненіямъ; рисоваль правильно; колоритъ его не блестящъ въ родѣ Лосенкова. Лучшія шворенія его кисти суть: покореніе Казани и возведеніе на царство Михаила Ѳеодоровича, принадлежавшія прежде Михайловскому замку и нынѣ находящіяся въ Академіи. Но самымъ лучшимъ дѣломъ его жизни и служенія опеченству было образованіе Егорова и Шебуева, двухъ знаменитѣйшихъ художниковъ, намъ современныхъ. Подробнѣе свѣдѣніе объ Угрюмовѣ ты можешь получить изъ журнала изящныхъ искусствъ.

По части Портретной Живописи.

Левицкій. Одинъ изъ первыхъ художниковъ, явившихся въ царствованіе Екашерины. Кажется, онъ учился у Рокопова. Впрочемъ имѣлъ свой соб-

ственный манеръ весьма пріятный. Краски его блестящи. Онъ особенно отличался въ выполненіи матерій.

Боровиковскій получилъ въ Малороссіи, своей родинѣ, первыя начала въ живописи. Кстапи расскажем здѣсь, какимъ образомъ онъ сдѣлался извѣстнымъ Екатериинѣ. Анекдотъ о семъ послужишь доказательствомъ дарованій Боровиковскаго по части изобрѣтенія. Во время путешествія по Россіи, Государыня останавливалась въ нарочно выстроенныхъ для отдохновенія домахъ, гдѣ не было удобныхъ для шого у жителей. Одинъ изъ такихъ домовъ былъ построенъ вновь въ Малороссіи, въ Миргородскомъ повѣтѣ (если не ошибаюсь). Предводитель дворянства, извѣстный Капнистъ желалъ украсить сей домъ просто, но прилично случаю, и поручилъ Боровиков-

скому, который будучи въ опшавкѣ по-ручникомъ, занимался по спраси живописью, написать двѣ или три каршины. Художникъ сдѣлалъ ихъ нѣсколь-ко, и въ шомъ числѣ двѣ особенно примѣчательныя. Онѣ представляли слѣдующіе предметы: одна семь Гре-ческихъ мудрецовъ предъ книгою На-каза и Екатерины, въ видѣ Минервы, объясняющую имъ совершенство сего безсмертнаго творенія; а другая ПЕТРА великаго, орющаго землю, ЕКАТЕРИНУ, въ слѣдъ за нимъ сѣющую сѣмена, и двухъ Геніевъ позади Ея: Александра и Константина, которые боронящъ землю, вспаханную и засѣян-ную. Мысль сихъ каршинъ опмѣнно поправилась Монархинѣ. Она пожелала узнать художника и, узнавъ его, повелѣла опправить въ Петербургъ къ Лампію. Прибывъ сюда, Боровиковскій въ са-мое скорое время сдѣлался соперни-

комъ своего учителя и, подружась съ Левицкимъ, воспользовался у сего послѣдняго тѣмъ, что было согласно съ его собственнымъ вкусомъ. Боровиковскій былъ порепретный живописецъ, но онъ писалъ весьма много и оплично хорошо священныхъ изображеній для церквей. Онъ былъ трудолюбивъ до невѣроятности. Едва ли кто либо изъ Рускихъ живописцевъ произвелъ столько, сколько Боровиковскій. Многія его произведенія прекрасны въ полномъ смыслѣ слова. Лучшія находятся въ Казанской церкви. Если бы эпопѣ художникъ имѣлъ основательнѣйшія начала, то безъ сомнѣнія былъ бы однимъ изъ величайшихъ художниковъ Россіи. Впрочемъ, по обдуманности своихъ сочиненій, совершенной сообразности съ избираемыми предметами и механизму живописи, онъ имѣетъ право на почетнѣйшее мѣсто въ числѣ живо-

писцевъ нашихъ. Свѣжестъ его красокъ, кисть (я разумью о лучшемъ времени сего художника) и выполненіе шканей, всегда будутъ почитаемы образцовыми. Боровиковскій писалъ почти всю Императорскую фамилію.

Щукинъ учился въ Академіи. Онъ также принадлежишь къ числу отличныхъ Художниковъ. Нѣкоторыя портреты написаны имъ съ большимъ искусствомъ и пріятностію. Портретъ Императора Павла есть важнѣйшее его произведеніе.

По части Пейзажной Живописи

сдѣлались извѣстными : Щедринъ (Семень), Машвѣевъ, всегда жившій въ Римѣ, Ивановъ (Михайла), который былъ вмѣстѣ съ шѣмъ и бапалическимъ живописцемъ, Марыновъ и еще нѣкоторые. Первый былъ чрезвычайно за-

нятъ при Императорѣ Павлѣ и произвель нѣкоторыя вещи оплично хорошо. Съ его картинь много есть эспамповъ. Они пріятнѣе картинь, попому что Щедринь, при всѣхъ достоинствахъ пейзажиста, имѣлъ колоритъ не совершенно правдивый. Второй сдѣлалъ себѣ имя въ самомъ Римѣ. Онъ былъ страшенъ къ своему искусству. Нѣкоторыя работы его превосходны. Художникъ сей любилъ природу и изображалъ ее вѣрно. Ивановъ болѣе извѣстенъ какъ рисовальщикъ; онъ написалъ мало картинь. По нѣкоторымъ можно судить, что онъ былъ человѣкъ съ необыкновенными дарованіями. Маршыновъ, ученикъ Щедрина, напрошивъ писалъ очень много; его картины находящяся во дворцахъ и у людей частныхъ. Нѣкоторыя превосходны. Ихъ опличаютъ вѣрность поновъ, вкусъ и необыкновенная свобода кисти.

По части Перспективной Живописи

мы имѣли своего Каналешпа въ Алексѣевѣ. Этого художникъ имѣлъ даръ рѣшительный; лучшія картины его дышають правдою; скажу болѣе, онѣ обманываютъ зрителя. Это натура. Въ перспективѣ воздушной Алексѣевъ былъ весьма силенъ; писалъ весьма много и мало произвелъ посредственнаго. Онъ образовалъ Воробьева.

Нельзя, говоря о живописцахъ, забыть Евреинова, который былъ превосходный художникъ по части живописи на финифти.

Симъ оканчиваю взглядъ на живописцевъ Екаперинина вѣка. О ваятеляхъ и зодчихъ Ея же времени поговорю послѣ.

—————

Письмо III.

Писать коротко о предметъ обширномъ очень трудно. Ясность мыслей и точность выражений преобладаютъ предварительной обдуманности; я боюсь за себя: поспѣшность рѣдко производитъ что нибудь хорошее. Сдѣлай милость, будь ко мнѣ снисходителенъ.

Я общалъ говорить тебѣ въ нынѣшнемъ письмѣ о ваятеляхъ Рускихъ Екашерина вѣка, и ты вѣроятно удивился, почему я ни слова не сказалъ прежде о ваятеляхъ, предшествовавшихъ сему времени. Виновать, но не болѣе какъ воевода, который почелъ себя виноватымъ за то, что въ его воеводской канцеляріи не было никакихъ сяжебныхъ дѣлъ.

Ваятелей до царствованія Екатерины II Россія вовсе не имѣла: и вопль причина, по которой я умолчалъ объ

нихъ , кажется достапочная. Ты въ правѣ болѣе обвинишь меня за то, что я сказала такъ мало о зодчествѣ въ Россіи до царствованія Петра Великаго. Согласенъ, но послѣ десяти или двадцати словъ, ничего уже не остается говоришь мнѣ о семь предметъ.

До Владимира великаго какіе были храмы и даже были ли они почто у язычниковъ, Россію населявшихъ: мы положишельно не знаемъ. Первые храмы христіанскіе, я сказала уже, строились по образцу современныхъ Греческихъ. Послѣдовавшіе за сими были также болѣе или менѣе подражанія, уродуемая по прихотямъ зодчихъ или строителей. Зодчество Византійскаго вкуса замѣнено какимъ то Готическо-Индійскимъ. Но что за новый характеръ и какъ онъ явился въ Россіи, ты спросишь безъ сомнѣнія: отвѣчаю объясненіемъ. Наши церкви

оставались въ планахъ своихъ почти неизмѣнными до времени Пепровыхъ. Обыкновеннѣйшая форма плановъ квадраты съ четырьмя столбцами по срединѣ, внутри хоры (кромѣ средняго главнаго отдѣла) съ придѣлами на нихъ, съѣна олшаря, выдававшаяся полукругомъ, а если было при престола въ рядъ или болѣе, то нерѣдко столбцами же полукругами выдававшаяся, припворъ отъ главнаго входа, или крытая галлерей снаружи вокругъ всей церкви: въ семь заключались всѣ планы нашихъ церквей. Но въ лицевыхъ своихъ сторонахъ онѣ разнообразились до чрезвычайности; и кто наблюдавъ зодчество Индѣйцовъ, хоть согласился со мною, что въ формахъ куполовъ нашихъ церквей есть много общаго съ куполами Индѣйскихъ храмовъ; даже въ украшеніяхъ наружныхъ очень много восточнаго вкуса, шоль-

ко не Срацынскаго или Маврскаго, а
какаго по особеннаго, собственно
нашимъ церквамъ принадлежавшаго.
Не пушешеспвія ли въ орду вольныя
и невольныя привили сей вкусъ, или
одна прихоть или причудливоспъ зод-
чихъ сему виною?

Послѣ царя Ивана Васильевича III
и до Петра у насъ бывали зодчіе Евро-
пейцы. Они ввели въ Россію Италі-
янско - Гопическое зодчество и со-
орудили многіе храмы и зданія въ
семъ вкусѣ.

Церковь Василія блаженнаго въ Мос-
квѣ всегда обращала на себя особен-
ное мое вниманіе: по общей пира-
мидальной формѣ, ее причислишь дол-
жно къ зданіямъ Гопическаго вкуса,
а по девяти куполамъ ея, изъ коихъ
одинъ другаго спраніе и одинъ дру-
гаго зашѣйливѣ, она еспъ произведе-
ніе, не подходящее ни подъ какой вкусъ

зодчества, произведеніе, можетъ быть единственное въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ по своей странности. Предки наши не имѣли и не могли имѣть понятія о красотѣ зданій. Они менѣе просвѣщены были другихъ Европейцевъ; богатство сославляло крайнюю цѣль украшеній церковныхъ. И вызываемые иностранные зодчіе строили, сообразуясь со вкусомъ земли, въ которой находились. Отъ того что нѣкоторые старинные памятники зодчества въ Россіи имѣють что-то свое.

Обратимся къ ваянію: при введеніи Христіанской вѣры въ Россіи кумиры испреблены, и отъ Владиміра до Петра вѣроятно не было въ Россіи ни одной статуи, исключая однако жъ изваяній золотыхъ и серебряныхъ, разные предметы изображающихъ, которыя могли бытъ присылаемы царямъ

въ подарокъ ошь дворовъ Европейскихъ, или приобрьшаемы ошь ино-
 сипранцевъ поупкою, и украшали пала-
 ты царскія, если не по достоин-
 ству художесипва, то по цѣности
 вещесипва, изъ котораго состояли.
 Упомянуть о рьзбѣ изъ дерева, укра-
 шеній для иконоспасовъ и проч. п.
 н., почишаю излишнимъ. Золото или
 позолота давали цѣну имъ, а не иску-
 сипво.

Петръ великій первый имѣлъ у себя
 во дворцѣ спашуи. Онъ первой цѣнилъ
 сие искуспво. Венера, извѣспная подь
 именемъ Таврической (она находи-
 ся въ Таврическомъ дворцѣ), одно изъ
 первокласныхъ швореній древности,
 какъ увѣряють, куплена имъ. Эпо
 чудесное произведеіе лучшихъ вре-
 мень Греціи едва ли извѣспно те-
 перь въ чужихъ краяхъ, но оно до-
 стоинно соперничесипва съ Венерою

Медицисскою и въ нѣкоторомъ отношеніи даже превосходитъ ее. Венера Таврическая есть дѣва Венера, Медицисская — жена.

Въ царствованіе Елисаветы произведена конная спашуя Петра великаго, что предъ бывшимъ Михайловскимъ Замкомъ, и Императрицы Анны Іоанновны спощей, доспойная нѣкотораго вниманія по искусству, но къмъ именно, почно не извѣстно; послѣднюю приписываютъ графу Распрелли: слѣдовательно онъ былъ и ваятель. Мало по малу появились ваятельныхъ произведенія въ Россіи, но до Гордѣева не было ни одного ваятеля Русскаго.

Теперь будемъ говорить о художникахъ нашихъ.

По части Ваянія:

Гордѣевъ. Онъ былъ изъ первыхъ

художниковъ, вышедшихъ изъ Академіи при Екашеринѣ. Получивъ твердыя начала въ рисованьи, онъ занялся своимъ искусствомъ подъ руководствомъ Жилета, образовавшаго многихъ достойныхъ ваятелей. Вкусъ Гордѣва былъ чистый, лѣпка прелестная, стиль складокъ въ одеждахъ приближающійся къ древнему Греческому. Онъ произвелъ многія весьма достойныя вещи. Скажу объ одной небольшой фигуркѣ, изображающей осень, изъ обожженной глины. Сіе прекраснѣйшее произведеніе сдѣлано подъ пару Фальконетовой фигуркѣ веснѣ, и не боюсь сказать, несравненно превосходитъ сей послѣдней. Ты не повѣришь? Но я желалъ бы, чшобы ты имѣлъ случай сравнить сіи два произведенія. Имѣя вкусъ образованный и любя правду, ты ошдалъ бы спра-

ведливость Гордѣву, при всемъ помѣ, что ты Рускихъ мало знаешь.

Шубинъ также былъ весьма отличнѣйшій ваятель. Его бюсты живы; шло въ нихъ есть совершенное шло; всѣ возвышенія безъ сухости и безъ излишней мягкости. Въ семь родѣ произведеній онъ единственъ; но въ статуяхъ имѣлъ менѣе удачи. Въ постановленіяхъ и положеніяхъ вкупѣ современный французскій.

Щедринъ (Федось, братъ пейзажиста) отличался лѣпкою; будучи въ Парижѣ, онъ изучалъ произведенія славнаго Пигалля, и возвратясь въ общество, произвелъ нѣкоторыя вещи во вкупѣ его прекрасно. Щедринъ въ произведеніяхъ своихъ не искалъ красоты идеальной: онъ слѣдовалъ природѣ съ большимъ успѣхомъ. Марціасъ, спящій Эндиміонъ, его копія съ несравненнаго мальчика Пигалева и не-

сеніе креста, барельефъ въ Казанской церкви, сушь лучшія произведенія, которыя онъ когда либо сдѣлалъ.

Козловскій былъ испинный геній. Воображеніе пламенное, сочиненіе умное, исполненіе рѣшительное отличали все выходившее изъ рукъ сего знаменитаго художника. Онъ былъ славный рисовальщикъ, Почитатель и подражатель Буонаротія, Козловскій иногда, подобно сему знаменитому ваятелю, увлекался желаніемъ блеснуть познаніями своими въ анатоміи и излишесіпвовалъ въ выраженіи мускуловъ. Трудно впрочемъ опредѣлить, какое лучшее произведеніе его. Они всѣ прекрасны, всѣ имѣють одни и тѣже достоинства и (я говорю съ тобою, а не съ его записными почитателями) почти всѣ одинъ и тотъ же недостаткокъ. Дѣвочка, сидячая фигура изъ мрамора, принадлежащая

Императрица Александръ Феодоровна, кажесть, чужда онаго, и попому можеть почестья въ числѣ изящнѣйшихъ его произведеній. Колосальныя спашуи Суворова на Суворовской площади здѣсь въ С. Петербургѣ, и Самсона, въ Петергофѣ пославленная, произведены также Козловскимъ. Художникъ сей много шрудился; въ Императорскомъ эрмишажѣ есть его фигура геній изъ мрамора и нѣсколко небольшихъ произведеній изъ обожженной глины.

Марпось. Творенія сего знаменитаго художника и имя его извѣстны въ цѣлой Европѣ. Онъ принадлежишь къ числу превосходнѣйшихъ ваятелей новѣйшаго времени. Въ Россіи онъ можеть почестья лучшимъ изъ всѣхъ, какихъ она имѣла и имѣеть досель. Современникъ Гордѣева, Шубина, Щедрина и Козловскаго, онъ избралъ дру-

гіе пуши въ своемъ искусствѣ. Обдуманное подражаніе древнимъ поспешно усовершало стиль его и нѣкошорыя произведенія, имъ исполненныя, изящны въ высшей степени. Онъ менѣе пылокъ, нежели каковъ былъ Козловскій, но произведенія его болѣе удовлетворительны въ глазахъ безпристрастнаго критика. Маршось рѣдко поражаетъ своими твореніями съ перваго взгляда; но они стѣмъ болѣе привлекають вниманіе, чѣмъ болѣе смотришь на нихъ; произведенія Маршоса не имѣють сколько прелести и движенія, сколько творенія знаменитаго Кановы, но они не имѣють за то ничего манернаго, ничего принужденнаго, ничего излишестваго. Благородство есть отличительный характеръ сочиненій Маршоса; выполненіе его вѣрно, тщательное, пріятно; въ драпированіи фигуръ онъ

превосходитъ Канову; а въ барельефахъ и особенно многосложныхъ онъ едва ли теперь имѣетъ себѣ равнаго.

Предѣлы письма не позволяютъ мнѣ распространяться въ изчисленіи произведеній Маршоса, ихъ очень много: но я не могу не поименовать тебѣ по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ.

Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежатъ памятники, украшающіе садъ Павловска. Барельефъ, предсавляющій Гименя, потушающаго пламеникъ (на памятникъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ), можетъ итти наряду съ произведеніями древнихъ Грековъ; памятникъ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, извѣстный тебѣ по гравировкѣ заглавнаго листа въ сочиненіяхъ Жуковского (изд. перв.), есть также одно изъ лучшихъ твореній Маршоса; памятникъ Императору Павлу и въ особенности барельефъ, помещенный

на цоколь онаго, изображающей Августейшее семейство, оплакивающее потерю отца и государя своего, особенно превосходень; сипатую Актеона, колосальный памятникъ гражданину Мишину и князю Пожарскому и многія другія произведенія Мартоса приносятъ честь ему и Россіи. Художникъ сей уже въ преклонныхъ лѣтахъ; но силы генія его еще не угасаютъ: послѣднія его работы не уступаютъ тѣмъ, которыя имъ исполнены въ лучшія лѣта жизни; онъ и шеперь трудился.

Посылаю тебѣ рисунокъ съ одного изъ послѣднихъ произведеній сего знаменитаго художника, не съ тѣмъ, чтобы я почиалъ его превосходнѣйшимъ (изъ работъ Мартоса трудно сдѣлать подобный выборъ), но оно подаешь два важные предмета къ размышленію: во первыхъ назначеніе и

Св. М. Михаилъ въ Цркви Св. Михаила

Грав. Е. Тюринъ

всего произведения, а во вто-
рой — искусно устроена.

Одну из самых вельмож приго-
товивъ въ своемъ помѣстьи своего
для себя гробъ, оцѣль украсилъ
двойнымъ изваянемъ Ангела-хранителя,
держанца въ одной рукѣ образъ,
звѣрь и блаженство разлученъ, а
въ другой — мѣсяцъ, востокъ солнца:
полонъ онъ символическимъ смысломъ
природному. Это изваяние Марино-
сомъ: въ рисункѣ вы можете судить
о художественномъ достоинствѣ всего
священнаго изваянія. Сочиненіе фату-
ры съ художественною оцѣнкою про-
порцій и величій мѣста, священныхъ пред-
метовъ и важности означеній.

Прокоевъ есть послѣдній изъ вя-
делей Екаверинна вѣка. Его произве-
денія, въ видахъ современно въ Фран-
цузскомъ, уступаютъ въ стилистиче-
ской формѣ произведеніямъ Мариноса; но

The figure in the foreground is the same as the figure in the background.

See page 100 of the book.

мысль сего произведенія, а во впо-
рых искусство художника.

Одинъ набожный вельможа приго-
повивъ въ церкви помѣстья своего
для себя гробъ, хотѣлъ украсить
онъ изваяніемъ Ангела - хранителя,
держащаго въ одной рукѣ образъ,
даръ и благословеніе родителей, а
въ другой лампаду, всегда горящую:
подобіе пламеннаго усердія къ Богу
правосудному. Это выполнено Марпо-
сомъ: изъ рисунка ты можешь судить
о художественномъ достоинствѣ сего
священнаго изваянія. Сочиненіе фигу-
ры въ особенности отвѣчаетъ простотѣ
и величію мысли, святости пред-
мета и важности назначенія.

Прокофьевъ есть послѣдній изъ вая-
пелей Екатеринина вѣка. Его произве-
денія, въ стилѣ современномъ Фран-
цузскомъ, уступаютъ въ строгости
формъ произведеніямъ Мартоса; но

они дышуть жизнію. Смотря на нихъ, забываемъ, что видимъ предъ собою мраморъ или бронзу. Актеонъ его, преслѣдуемый своими собаками, спящій пастушокъ и Морфей превосходны. Въ Петергофѣ есть его работы: богъ рѣки Волхова и триптоны. Чувство, знаніе и смѣлость отличаютъ вообще лѣпку сего художника. Онъ довольно трудился. Барельефы его имѣютъ большія достоинства: сочиненіе умное, исполненіе свободное, рѣшишельное. Нѣкоторые окончены какъ нельзя лучше.

По гати зодчества

явились въ царствованіе Екатерины великой слѣдующіе художники:

Волковъ, художникъ превосходный. Онъ имѣлъ дарованія необыкновенныя. Зданія, имъ сооруженныя, исполнены чистоты вкуса и совершенной сообраз-

ности съ ихъ назначеніемъ. Спранно видѣшь употребляемая иными зодчими украшенія, не соотвѣтственныя характеру строеній; портики, колонады и проч., приличные храмамъ, дворцамъ или домамъ огромнымъ, приставляемыя къ магазинамъ, конюшнямъ и пому подобнымъ, несравненно низшее назначеніе имѣющимъ постройкамъ. Волковъ не имѣлъ сего излишества. У него все у мѣста, все къ спату; онъ много строилъ. Нѣкоторыя зданія его могутъ почестся образцовыми. Къ числу сихъ принадлежишь Соляной городокъ (магазинъ для храненія казенной соли) на берегу Фаншанки, и казенный пивоваренный Заводъ, что на Выборгской сторонѣ здѣсь въ С. Петербургѣ.

Захаровъ одинъ изъ величайшихъ зодчихъ въ Россіи. Онъ, служа долго профессоромъ архитектуры въ Ака-

деи́и Художествъ , образоваль весьма много отличнѣйшихъ художниковъ. Его проэ́кты возобновленія Исакиевской церкви и соединенія зданій, Академіи Наукъ , принадлежащихъ колонадами , превосходны въ обширнѣйшемъ значеніи слова ; по его же проэ́кту возобновлено главное Адмиральтейство въ С. Петербургъ , зданіе огромнѣйшее и , можно сказать , единственное по числотѣ архитектуры , согласію частей , соразмѣрности во всемъ и изящному стилю. Мѣльниковъ , зодчій , извѣстный необыкновенными дарованіями своими , обязанъ Захарову развитіемъ и усовершенствованіемъ оныхъ .

Михайловъ (Андрей) достойный отличнаго вниманія по многимъ прекраснѣйшимъ зданіямъ здѣсь и внѣ столицы. Въ С. Петербургъ произведены имъ Екатерининская церковь , домъ Россійской Академіи , и много домовъ

частныхъ. Достопочтенный художникъ сей былъ соудникомъ Захарова по Академіи и теперь служитъ ей съ величайшею пользою. Опытностію и навыкомъ онъ пріобрѣлъ глубокія познанія по своей части. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ проэктовъ его превосходны.

Воронихинъ, извѣстный сооруженіемъ Казанской церкви, Горнаго корпуса, Колонады въ Петерговскомъ саду и проч. Онъ былъ въ большой славъ. Теперь его крипикують особенно за Казанскую церковь, однако храмъ сей хотя и имѣеть нѣкоторыя несовершенства, можетъ снать на ряду съ весьма хорошими церквами въ Европѣ. Мѣстное положеніе, не позволившее помѣстити колонаду отъ главнаго входа, причиною тому, что она примкнула къ боковой фасадѣ церкви; отъ этаго и самая церковь теряеть много виду, и куполь ея довольно огром-

ный кажется слишком малым по соразмѣрности со всею массою зданія; впрочемъ, разсматривая сію церковь безприспирасно, найдешь въ ней много достоинствъ; детали (подробности) вообще прекрасны. У Воронихина нельзя опнять его дарованій; онъ былъ весьма искусный художникъ и особенно отличался внутреннимъ украшеніемъ домовъ.

Демерцовъ и Михайловъ (Александръ) равно принадлежатъ къ числу весьма хорошихъ зодчихъ сего же времени. Первой извѣстенъ сооруженіемъ Церкви Св. Сергія и Знаменія здѣсь въ С. Петербургѣ, изъ коихъ въ послѣдней внутренность особенно прекрасна, а второй построеніемъ Липейной, принадлежащей Академіи Художествъ, многими другими строеніями казенными и частными и нѣкошорыми проектами, большое достоинство имѣющими.

О гравированіи на мѣди я не сказалъ еще ни слова, хотя и упомянулъ о двухъ граверахъ Рускихъ, явившихся при Елисаветѣ. Впрочемъ о семь искуствѣ мало можно сообщить любопытнаго.

До Петра I не было у насъ гравёровъ. Онъ вызвалъ нѣкоторыхъ изъ чужихъ краевъ. Въ числѣ ихъ не было опличныхъ. При Елисаветѣ же приглашенъ въ Россію знаменитый Шмицъ для выгравированія портрета Ея Величества, писаннаго въ ростъ художникомъ Токе. Эшопъ гравёръ, одинъ изъ славнѣйшихъ своего времени, оставался долго въ Россіи и образовалъ Колпакова и Чемезова, упомянутыхъ мною прежде. При Екашеринѣ были у насъ довольно изрядные гравёры иностранцы; изъ Рускихъ же опличились: Скородумовъ, котораго справедливо можно назвашъ нашимъ Бар-

полощечъ : онъ былъ весьма хорошии
 рисовальщикъ , (доспойнство рѣдкое
 въ граверѣ) и произвелъ нѣкоторыя
 эстампы пунктировальнымъ манеромъ
 превосходно. — Берсенева , который
 гравировалъ граблтихомъ (au burin)
 чрезвычайно хорошо. Эстампъ его съ
 карпины Лосенка , представляющей Св:
 Апостола Андрея , исполненъ отлично.
 По твердости рисунка , чистотѣ штри-
 ховъ и прочному выполнению карпины,
 это произведение можетъ почесаться
 изъ лучшихъ вышедшихъ досель въ Рос-
 сии. Берсенева скопировалъ въ боль-
 шомъ форматѣ эстампъ славнаго Эде-
 линга съ карпины Филиппа де Шам-
 пань , представляющей Моисея , нынѣ
 находящейся въ Императорскомъ Эр-
 митажѣ и произвелъ другія доспойныя
 работы. Къ сожалѣнію оба художника
 сии жили не долго. Кошкинъ , ученикъ
 Берсенева , также могъ бы бытъ оп-

личнымъ гравёромъ, но обстоятельство отвлекло его отъ занятія сими искусствомъ; о другихъ же граверахъ упоминаеть почтишаю излишнимъ.

По части рѣзбы на камняхъ и стали были въ Россіи при Екатеринѣ: Вернье и Егеръ иностранцы, а изъ Рускихъ Васильевъ и потомъ Алексѣевъ. Но лучшимъ въ сіе время почитался Лесберехтъ, пріятностію лѣпки изъ воску и чрезвычайною опдѣлкою работъ своихъ замѣчательный.

Такимъ образомъ не было ни одного почти рода художествъ, въ которомъ бы не явились при Екатеринѣ Рускіе художники отличные; но, должно сказать правду, они мало или не такъ какъ бы должно занимаемы были публикою. Иностранцы, въ числѣ которыхъ были конечно превосходные, а болѣе посредственныхъ; вообще выигрывали во мнѣніи передъ Рускими.

Князь Потемкинъ-Таврическій едва ли не одинъ былъ, который предпочиталъ своихъ чужеземцамъ и ни мало о томъ не былъ въ проигрышѣ. Дома его, что нынѣ Аничковской и Таврической Дворцы, были первый передѣланъ, а послѣдній вновь сооруженъ извѣстнымъ Спаровымъ. Онъ употреблялъ попомъ Волкова. Многихъ художниковъ имѣлъ онъ при себѣ и особенно любилъ Рускихъ. Немногіе вельможи слѣдовали его примѣру; причина ясная: чтобы безошибочно судить о художествахъ, нужны познанія; чтобы поддерживать оныя, нужна любовь; чтобы имѣть довѣріе къ художникамъ, нужно убѣжденіе въ ихъ достоинствѣ; а въ то время по недавнему образованію Академіи большая часть богатыхъ любителей, избалованные возможностью, которую подавала Французская революція приобрьшавъ вещи превосходныя

славныхъ мастеровъ за безцѣнокъ и не думали о русскихъ художникахъ.

Одни зодчіе наши были не безъ занятій; но всё прочія художества не обращали на себя должнаго вниманія публики.

Не шакъ мыслила, не шакъ дѣйствовала Императрица. Великая умѣла бытъ великою во всемъ ; и хопя, какъ увѣряють спарики, она признавалась, что не имѣла склонности ни къ музыкѣ, ни къ художествамъ, однако, зная, что науки и искусства необходимы въ государствѣ, всегда покровительствовала, ободряла, лелѣяла и шѣ и другія. Рускіе съ дарованіями были ей дѣтями. Она любила ихъ какъ машь, она одна поддерживала всякаго достойнаго художника рускаго, занимала ихъ и деклась о томъ, чтобы они имѣли способы трудиться. Эрмишажь, любимое мѣспопробываніе Императрицы,

быль наполненъ художниками. Государыня не оспавляла ни одного почипи безъ того, чшобы не сказать милосшпваго слова, не ободришь похвадою или покункою для себя произведенія достойнаго. Зодчество въ ея время возвысилось. Церкви, дворцы и публичныя зданія, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ Россіи сооруженныя Рускими, удосновѣряюшь въ эшомъ. Живопись также усовершилась. Ваяніе блистательнымъ образомъ явилось вновь; и хопя справедливо, что художники, посвятившіе себя послѣднему, мало имѣли тогда случаевъ къ произведеніямъ важнымъ; однако жъ одинъ Георгіевскій залъ въ зимнемъ дворцѣ, опдѣланный по проэкту славнаго Гваренги и украшенный мраморными ваятельными работами Гордѣва, Маршоса, Козловскаго и Шубина (если бы не было другихъ превосходныхъ художествен-

ныхъ памятниковъ времени Екатерины) доказываетъ, сколько желала она видѣть увѣковѣченнымъ отличнымъ искусствомъ Россіянь, ей современныхъ.

Весьма бы я желалъ изчислить самое главнѣйшее, что произведено Русскими по части художества при Екатеринѣ, но это не возможно: предѣлы письма слишкомъ для того тѣсны. Впрочемъ ты могъ замѣтить изъ сказаннаго мною, что художества въ Россіи въ самое короткое время, по учрежденіи Академіи, сдѣлали исполинскій шагъ впередъ.

Что жъ было бы, если бы умы совершенно готовые были воспользоваться вполне сими успѣхами!

Нельзя не уважать дарованій, въ комъ бы они ни были и гдѣ бы ни явились, это правда; но любить украшающія опечесство, ихъ поддерживать, возвышать: обязанность всякаго, кто имѣетъ

къ тому средства, у кого есть любовь къ странѣ родной и кто желаетъ ей чести, славы и пользы.

Великіе умы, гении необыкновенные принадлежатъ всему человѣчеству; но слава ихъ есть неотъемлемая собственность той земли, въ которой они родились и созрѣли.

Помни это, любезной другъ! Твое образованіе, умъ, родъ, знаменитость, все ручается за то, что ты можешь нѣкогда возвыситься на степень человека государственнаго. Истина сія тебѣ пригодится. Мы Рускіе еще и теперь не можемъ хвалиться многими прекрасными, благородными чувствомъ, которое называють гордостію національною. Это единственная бѣда наша. Прощай!

Письмо IV.

Кратковременное царствование императора Павла ознаменовано превосходными памятниками искусствъ изящныхъ. Онъ любилъ художества, чувствовала холодность публики къ произведеніямъ художниковъ опечесственныхъ и собственнымъ примѣромъ доказаль несправедливоспъ малаго ея къ нимъ довѣрія. Пестергофъ украсенъ въ его время множесствомъ бронзовыхъ статуй, исполненныхъ Козловскимъ, Марпосомъ, Щедринымъ и Прокофьевымъ; для Михайловскаго замка многія картины и статуи произведены рускими художниками; ошлипы нѣкопорья по формамъ, сняшымъ съ древнихъ образцовыхъ произведеній для украшенія императорскихъ садовъ; умножилось число прекраснѣйшихъ храмовъ и зданій въ столицахъ и внушири им-

періи; рѣшено сооруженіе Казанскаго Собора и, словомъ, художники рускіе произвели въ это время столько истинно достойныхъ твореній, что пошь, кто не знаетъ Россіи, не повѣритъ, чтобы пять лѣтъ были къ тому доспащочны. Императоръ уважалъ Баженова, Щедрина (пейзажиспа) и многихъ другихъ славныхъ нашихъ художниковъ. Онъ былъ опмѣнно милоспивъ ко всѣмъ, кто имѣлъ даръ и могъ содѣйствовать прудами своимичеспи Россіи. Императрица Марія Ѳеодоровна, слѣдуя врожденной любви ея къ изящному, равнымъ образомъ ободряла и покровительствовала дарованія. Маршосъ многими случаями къ произведенію ваяпельныхъ швореній обязанъ Ея Величеству.

Въ семь состояніи были художества въ Россіи, когда взошелъ на пресполь Императоръ Александръ.

Немногіе изъ художниковъ, оплачившихся при Екатеринѣ, не дожили до сего счастливѣйшаго вѣка; прочіе произвели лучшія свои творенія въ это время. Другіе явились вновь для славы своего отечества. Академія Художествъ, подъ начальствомъ незабвеннаго графа А. С. Строганова, благодѣтеля художниковъ русскихъ, получила новыя милости отъ щедротъ монаршихъ. Сооружена соборная церковь Казанскія Божія Матери, знаменитая многими славными твореніями лучшихъ нашихъ художниковъ. Воздвигнуты зданія, памятники. Столицы, города, села получили новый видъ. Вкусъ распространился повсемѣстно; правительство дало случай и средства оплечься художникамъ нашимъ, и художества въ Россіи достигли той степени, на которой находятся они въ образованнѣйшихъ странахъ Евро-

пы. Соперничество лучших италіанскихъ и французскихъ художниковъ нынѣ для Рускихъ не страшно.

Ты, л. д., можешь быть, подумаешь, что я сказала симъ слишкомъ много: но, прошу тебя, не спѣши судить мои выраженія; я говорю самую спрогую истину. Ты убѣдишься въ ней, когда болѣе познакомишься съ Россією. Отбрось только предубѣжденія и смотри на все прямыми глазами.

Въ царствованіе Императоровъ Павла и Александра Академія образовала и еще не менѣе тысячи художниковъ.

Вошь имена превосходнѣйшихъ. По часши живописи исторической: Егоровъ, Шебуевъ, Ивановъ (Андрей), Безсоновъ, Сазоновъ, Басинъ, Бруни, Брюловъ (Карль); по портретной: Варникъ, Кипренскій, Венеціановъ; по перспективной: Воробьевъ; по пейзажной: Щедринъ (Сильвестръ), Боде; по часши

гравированія на мѣди: Ушкинъ, Ческинъ, Галактионовъ и Скопниковъ; по части ваянїя: Демуть-Малиновской, Пименовъ, Соколовъ, Гольбергъ, Крыловъ; по части рѣзбы на металлахъ: графъ Толстой и Шилловъ; рѣзбы на крѣпкихъ камняхъ: Доброхошовъ; по части зодчества: Спасовъ, Мельниковъ, Гомзинъ, Берешинъ, Дудинъ, Калашниковъ, Глинка, два брата Тоны, Мейеръ, Эльсонъ, Брюловъ (Александръ) и пр. Изъ числа сихъ художниковъ нѣкоторые могутъ быть поставлены наряду съ первостепенными иностранными художниками.

Егоровъ есть художникъ, обладающій необыкновенными дарованїями, рисовальщикъ, какихъ мало имѣеть Европа. Ему удивлялись въ Римѣ: спилъ его благородный, изящный, возвышенный. Въ сочиненїи онъ превосходень. Живопись его прїятна, обворожитель-

на. Если бы карпины, имъ производимыя, были всегда равной силы, а лица имѣли болѣе выраженія, и наконецъ если бы воздушная и линейная перспективы въ его произведеніяхъ совершенно удовлетворяли строгаго критика; то я сказалъ бы: это нашъ Рафаэль, но болѣе близкій къ древнимъ, нежели Санціо. Егоровъ произвелъ за десять лѣтъ предъ симъ картину испязанія Спасителя въ темницѣ. Знаменитая вообще картина сія имѣетъ такія части, копорымъ удивляюсь, скажу болѣе, предъ копорыми благоговѣть должно. Фигура, изображающая Спасителя, и въ особенности туловище ея нарисовано неподражаемо. По издѣству стила и формъ это антикъ; шея, грудь и плеча сей фигуры совершенны въ высочайшей степени. Фигура, привязывающая руки Спасителя къ столбу, выполнена съ ша-

кимъ знаніемъ и вѣрностію, что украсила бы и лучшее твореніе Аннибала Караччи. Сочиненіе вообще сей картины весьма умно: Спаситель введенъ въ темницу, разоблаченъ; одинъ изъ свершителей казни привязываетъ руки его, какъ я сказалъ уже; другой, держа розги, ждетъ съ звѣрскимъ неперпѣніемъ минуны испязанія; воинъ, стоящій позади, дерзаетъ въ безуміи своемъ укорять Богочеловѣка; но сей, возведя очи къ небу, молитъ Отца своего да простишь имъ: не вѣдаятъ бо, что творять. Въ лицѣ Спасителя много выражено. Можно бы пожелать еще болѣе; но это такое желаніе, котораго никто еще не выполнялъ досель. Надобно имѣть силы свыше силъ человѣка, чтобы изобразить Бога хотя и въ человѣческомъ образѣ. Картину сію иные судили съ излишнею строгостію; но есть ли

хотя одно произведеніе художественное, которое во всѣхъ частяхъ было бы равно совершенно? И Аполлонъ Бельведерскій и Лаокоонъ не чужды погрѣшностей. Знающій человекъ ихъ видяшъ, но при всемъ томъ удивляется симъ безмернымъ твореніямъ.

Я распространялся о произведеніи Егорова; потому что оно есть лучшее изъ всѣхъ произведеній живописи въ Россіи, и, говоря правду, едва ли наша школа произведеть скоро что либо подобное.

Егоровъ написалъ весьма много картинъ: двѣ въ Казанской церкви, дошлойныя кисти Гвидо Рени. Св. Иеронимъ (у графа Г. В. Орлова) и Спаситель, явившійся Магдалинѣ въ видѣ вертоградара (у г. Масалова), суть, кажется, лучшія изъ картинъ Егорова послѣ испязанія Спасителя. Небольшія кабинетныя картины Егоро-

Engraving by G. P. Jones.

From W. T. Jones.

ва неоцѣненны. Св. Семейство, изъ прехъ фигуръ, чпо въ Эрмипажѣ, сочинено, нарисовано и написано въ совершенствѣ. Егоровъ любилъ спра- сивно свое искусство. Онъ неутомимъ въ трудахъ. Его священные изображенія для церквей, по снплю, рисунку и благородству сочиненія, могутъ навсегда остаться образцовыми. У Егорова есть много сочиненій несполненныхъ. Избіеніе младенцевъ, семь дней сотворенія міра и въ помъ числъ грѣхопаденіе Адама выше всѣхъ похвалъ. Для славы Россіи желать должно, чтобы художникъ имѣлъ возможность произвести сіи сочиненія въ большемъ видѣ.

Посылаю тебѣ рисунокъ съ одной картины Егорова, изображающей Су- санну. Какъ онъ ни слабъ, но ты можешь получить изъ него нѣкоторое понятіе о семъ художникѣ. Дополни

въ воображеніи совершенства живописи : пріятнѣйшій общій тонъ , сладость кисти , прелесть лица , бѣлизну и нѣжность тѣла , пурпуровую и бѣлую одежду , придающія блескъ фигурѣ , и ты не ошибешься , если почтешь эту картину однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній Егорова и по ней будешь судить о тѣхъ , копоря я называю превосходными .

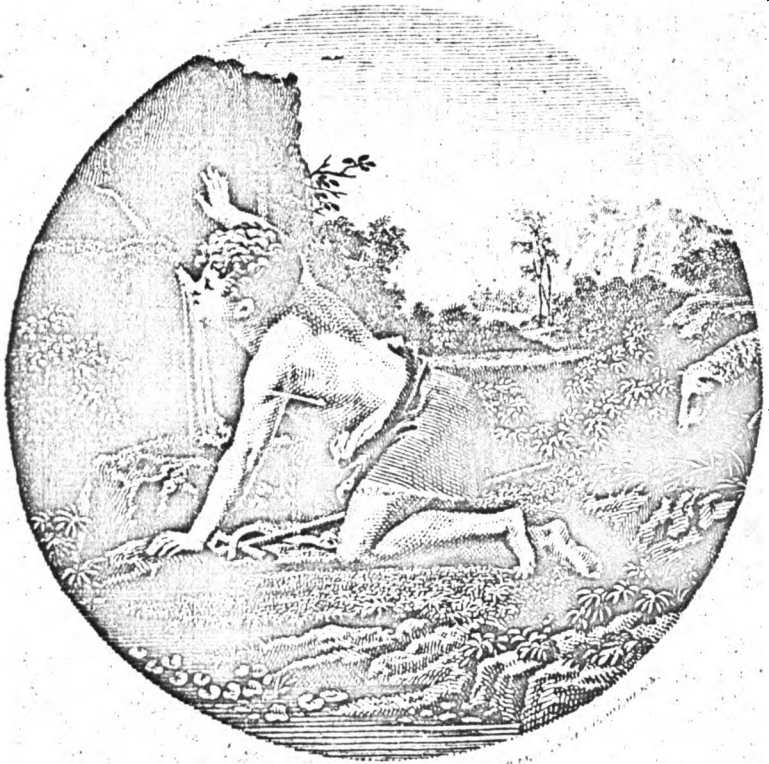
Шебуевъ не менѣ славный художникъ . Достоинства его произведеній суть : сочиненіе обдуманное , рисунокъ весьма правильный , стиль чистый , благородный , выраженіе приличное предмету изображаемому , кисть свободная , пріятная , должное выполненіе свѣта и тѣни , большое знаніе перспективы и искусное разположеніе околнностей . Изъ произведеній сего художника отличнѣйшія находятся въ Казанской церкви . Это три большія карти-

ны, изображающія предметы, заимствованные изъ жизни священителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Злапоуспаго, картины, дающія Шебуеву право на почетнѣйшее мѣсто въ числѣ первѣйшихъ современныхъ художниковъ Европы. Въ сихъ картинахъ соединены всѣ условія живописи. Одинъ колоритъ только темноватъ нѣсколько; впрочемъ и сей недоспапокъ, если только можно назвать это недоспапкомъ, не опьяняетъ ни сколько достоинства этихъ несравненныхъ твореній. Общій тонъ ихъ, спокойный для глазъ, вселяетъ въ зрителя нѣкоторое особое чувство благоговѣйнаго вниманія, столь приличное при воззрѣніи на произведенія священныя. Взятіе Божія Машери на небо, картина въ Казанской церкви, написанная съ находящагося нынѣ въ Эрмитажѣ эскиза

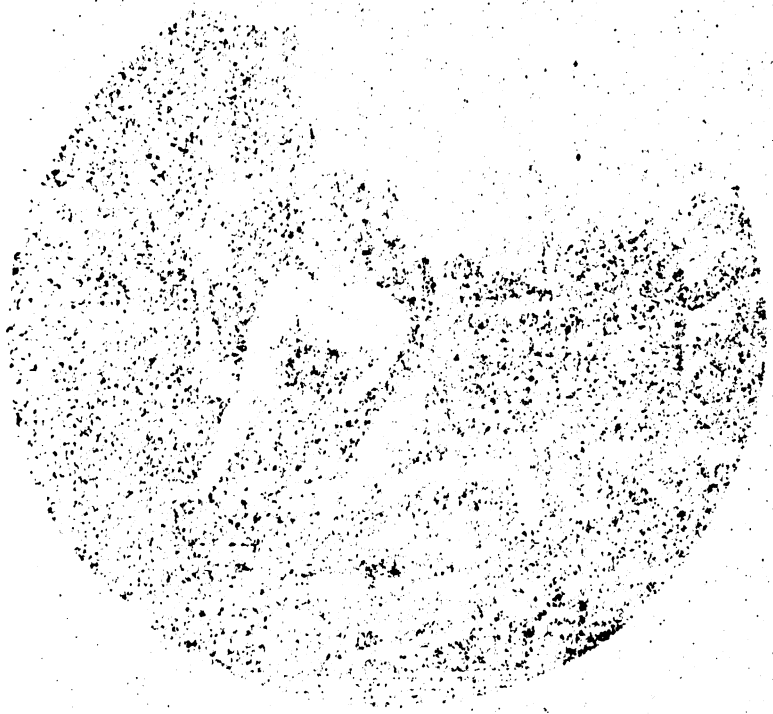
Г. Шебуева, сочинена превосходно. Въ церкви Царскосельскаго дворца есть плафонъ руки сего же художника, произведеніе прекрасное и огромнѣйшее изъ всѣхъ, какія были произведены доселѣ рускими живописцами. Подробное описаніе онаго ты можешь найсти въ журналъ изящныхъ искусствъ.

Шебуевъ оныя времени получилъ не обыкновенную практику; пишетъ чрезвычайно ловко; манеръ послѣднихъ произведеній его исполненъ свободы и вкуса: но знапокъ болѣе удивляющія пѣмъ, копорыя находятся въ Казанской церкви и, можетъ быть, потому, что исполненіе ихъ вѣрнѣе и окончательныя. Есть впрочемъ нѣкоторыя и изъ новыхъ работъ Шебуева, неусупающія работамъ, упомянутый храмъ украшающимъ. Изъ сочиненій г. Шебуева неисполненныхъ два весьма многосложныя, особенно

примѣчательны: крещеніе народа въ Кіевѣ и Спаситель предъ Пилатомъ. Желательно, чтобы художникъ произвелъ сіи каріины. Судя по достоинству сочиненія онѣ были бы безъ сомнѣнія превосходнѣйшими.

Я забылъ тебѣ сказать еще объ одной картинѣ г. Шебуева, находящейся въ императорскомъ Эрмитажѣ и изображающей Іоанна Крестителя, младенца, уполяющаго жажду. Простота сочиненія фигуры, прекрасно расположенная околичность и исполненіе вообще плѣняютъ зрителя. Къ сожалѣнію картина сія, не знаю, ошъ какой причины, много потерпѣла. Чтобы предупредить для тебя потерю сего произведенія (ты, можешь быть, не скоро еще будешь въ Пешербургѣ), посылаю рисунокъ.

Ивановъ (Андрей) и Безсоновъ также принадлежащъ къ числу ошличныхъ на-

шихъ художниковъ. Первый особенно достоинъ вниманія по шому усердію, съ которымъ онъ печется объ образованіи молодыхъ художниковъ. Воспитываясь вмѣстѣ съ Егоровымъ и Шебуевымъ, онъ былъ ихъ соперникомъ, но по обстоятельству самъ семейнымъ не могъ быть въ Римѣ и образованъ, какъ они, свой вкусъ классическими твореніями мастеровъ великихъ. Впрочемъ онъ произвелъ много вещей прекрасныхъ. Ивановъ сочиняетъ хорошо, драпируетъ фигуры со вкусомъ, даетъ силу картинамъ своимъ и имѣетъ надлежащія свѣдѣніи въ перспективѣ. Безсоновъ написалъ много прекрасныхъ плафоновъ. Есть и картины его весьма достойныя.

Сазоновъ, Басинъ, Бруни и Брюловъ (Карль) художники молодые, общающъ весьма много. Послѣдній

соединяетъ въ себѣ всѣ дарованія, нужныя для совершеннаго живописца.

Варникъ и Кипренскій, два превосходные портретисты наши, не многихъ имѣють соперниковъ въ Европѣ. Они идутъ разными дорогами въ своемъ искусствѣ къ одной цѣли: совершенству. Варникъ рисуетъ чрезвычайно вѣрно; въ выполненіи свѣта и тѣни, въ переходѣ и точности тоновъ, въ знаніи воздушной перспективы и сочиненіи неподражаемъ. Публика не всегда справедливо осуждаетъ его за колоритъ. Кипренскій рисуетъ не столь строго, но его кисть весьма пріятна, краски блестящи, обработка чрезвычайна. Въ перспективѣ онъ весьма силенъ. Варникъ удивляетъ знатоковъ безпристрастныхъ; Кипренскій нравился вообще. Произведенія Варника превосходны; Кипренскаго прекрасны.

Собственный портретъ, Варникомъ написанный, освѣщенный солнцемъ, есть единственная вещь въ своемъ родѣ. Онъ много писалъ портретовъ, писалъ историческія картины, пейзажи и выѣпилъ небольшую фигуру умирающаго Филокшета. Во всякомъ изъ сихъ родовъ Варникъ оказалъ дарованія необыкновенныя.

Кипренскій также произвелъ много отличныхъ хорошихъ вещей. Одна изъ лучшихъ: молодой опдыхающій садовникъ, находится въ Эрмитажѣ. Изъ прилагаемаго рисунка ты будешь видѣть сочиненіе ея, умный выборъ и шатуры прелестной, можешь представить себѣ какъ сильна должна быть картина, и конечно согласишься, что Кипренскій есть одинъ изъ отличнѣйшихъ художниковъ русскихъ.

Венеціановъ извѣстенъ какъ портретистъ и живописецъ сельскаго до-

машинго рода. Онъ много произвелъ прекраснѣйшихъ вещей сухими красками. Его произведенія нравятся вѣрностию и прѣятностию красокъ и чрезвычайною точностию въ исполненіи свѣта и тѣни. Лучшія и, можно сказать, отличнѣйшія въ своемъ родѣ произведенія его суть: внутренность гумна, спящій мужичокъ и деревенское утро: семейство за чаемъ. Первая находится въ Эрмитажѣ. Въ картинѣ сей художникъ превосходно выполнилъ дѣйствіе трехъ свѣтовъ, входящихъ во внутренность гумна: вдали черезъ открытыя ворота, съ боку также черезъ ворота и спереди черезъ опверсшіе или окно въ крышѣ.

Воробьевъ, живописецъ перспективный, произвелъ много превосходныхъ картинъ. Лучшія находятся въ Эрмитажѣ. Онѣ представляютъ наружный видъ храма Воскресенія Христова въ

Иерусалимъ, внутренность придела Голгофы тойже церкви и церкви св. Елены, написанныя имъ по возвращеніи изъ путешествія въ Палестину. Художникъ сей принадлежитъ къ числу отличнѣйшихъ современныхъ художниковъ.

Щедринъ, пейзажистъ, весьма уважаемый въ самомъ Римѣ. Россія не имѣла еще подобнаго. Боду художникъ съ большими дарованіями.

Объ Упкинѣ ты слыхалъ конечно въ Парижѣ. Онъ тамъ прославился гравированіемъ и въ Россіи поддерживаетъ прекрасными произведеніями своими славу, справедливо пріобрѣтенную имъ внѣ отечества. Гравёры наши: Галактионовъ, Ческій и Скопниковъ произвели весьма хорошія вещи и конечно были бы также извѣстны въ чужихъ краяхъ, если бы гравированіе представляло въ Россіи болѣе случаевъ къ важнымъ занятіямъ.

Ваятели наши: Демуть-Малиновскій и Пименовъ имѣють большія достоинства. Лучшія произведенія ихъ находятся въ Казанской церкви. Рускій Сцевола, стапуя, исполненная первымъ, какъ подражаніе натурѣ, прекрасна.

Гольбергъ и Крыловъ подають о себѣ чрезвычайныя надежды. Первый въ лепкѣ можетъ почестся лучшимъ изъ художниковъ русскихъ, нынѣ существующихъ. Его бюсты неподражаемы. О произведеніяхъ сихъ двухъ художниковъ можешь узнать въ журналѣ изящныхъ искусствъ.

Соколовъ также заслуживаетъ вниманіе, какъ отличный ваятель. Его стапуя: молошница съ разбитымъ кувшиномъ, прелестна.

О графѣ Толстомъ я говорить не буду. Его знаютъ въ Европѣ. Производимыя имъ медали на зна-

менистыя произшествіи отечественной войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, пы видѣль, и мнѣніе свое о величайшемъ достоинствѣ изобрѣтенія и исполненія ихъ совершенно справедливо. Графъ Толстой есть просвѣщенѣйшій изъ художниковъ русскихъ. Дарованія его необыкновенны, а любовь къ искусствамъ безпримѣрна, и особенно у насъ, гдѣ фамильныя пипла нерѣдко предпочитаютъ шѣмъ дарамъ, которыя даетъ природа, и которыя выше всѣхъ даяній свѣта. Шиловъ извѣстенъ нѣкоторыми весьма достойными работами. Порпреть Александра, вырѣзанный Шиловымъ, весьма похожъ. Доброхотовъ отличаетъ въ рѣзбѣ на камняхъ чрезвычайною чистотою, точностію и пріятностію исполненія. Онъ большой практикъ и въ отдѣлкѣ самыхъ малѣйшихъ предметовъ неподражаемъ.

Изъ современныхъ зодчихъ отлич-
нѣйшіе суть: Спасовъ и Мельниковъ.

Спасовъ произвелъ весьма много зда-
ній казенныхъ и частныхъ. Изъ пер-
выхъ лучшимъ почитается главный ко-
нюшенный дворъ, здѣсь въ С. Петер-
бургѣ по его проэкту возобновлен-
ный. Характеръ архитектуры Спа-
сова важень, подробности хорошей
соразмѣрности, стиль чистый. Спа-
совъ первый началъ употреблять у
насъ древній дорическій орденъ въ ко-
лоннахъ.

Мельниковъ имѣеть способности
не обыкновенныя и чрезвычайно мно-
го вкуса. Его пропорціи изящны.
Одаренный пылкимъ воображеніемъ,
онъ во всемъ оригиналенъ. Старо-
обрядческая церковь, сооружаемая
здѣсь въ С. Петербургѣ по проэк-
ту Мельникова, есть одно изъ луч-
шихъ произведеній новѣйшей архи-

тектуры въ Россіи и , смѣло скажу, ни отколѣ не замѣтвованнос. Въ сей церкви одинъ только главный недостатокъ : она не изъ мрамора ; если же есть другіе, то они ничтожны.

Мнѣ случилось видѣть проэскты Михайлова, Спасова и Мельникова, дѣланные ими для соборной церкви въ столицѣ. Всѣ они превосходны ; всѣ доказываютъ, что зодчіе сіи обладаютъ величайшими дарованіями. Не беру на себя рѣшишь, который изъ сихъ проэсктовъ превосходнѣе : но если бы ты потребовалъ моего мнѣнія , я сказалъ бы, по чистой совѣсти : проэсктъ Михайлова прекрасенъ , проэсктъ Спасова величественъ ; проэсктъ Мельникова прекрасенъ и величественъ. Я понимаю здѣсь самый послѣдній проэсктъ Мельникова. Онъ дѣлалъ ихъ весьма много, и сколь разнообразны они ни были, всегда держался главной мысли : пра-

вильной формы въ планѣ съ портиками равной соразмѣрности со всѣхъ чепырехъ сторонъ. Гомзинъ, Берепти, Калашниковъ, Дудинъ, художники съ большими достоинствами. Первые два живутъ въ Петербургъ и произвели много прекрасныхъ зданій. Берепти такъ же ипрудился надъ проектомъ соборной церкви, копорый послѣ трехъ, упомянутыхъ выше, достоинъ занять первое мѣсто.

Нельзя забыть Витберга, копорый получилъ славу зодчаго проектомъ своимъ храма Спасителя. Хотя многіе зодчіе, и въ томъ числѣ знаменитый Гваренги, находили въ семъ проэктѣ недоспашки; но по смѣлости мысли и необьяшной огромности, это произведение исполненное. Въ послѣдствіи художникъ много занимался обработываніемъ сего проэкта и въроятно нынѣ онъ весьма

улучшенъ. Витбергъ былъ воспитанникъ Академіи и весьма хорошій живописецъ. Не это ли причиною, что зодчіе были равнодушны къ быстрымъ успѣхамъ его въ ихъ искусствѣ и слишкомъ строго судили первый его опытъ?

Молодые художники: Глинка, два брата Тоны, Эльсонъ, Мейеръ и А. Брюловъ даютъ о себѣ весьма большія надежды. Послѣдній общается бытъ припомъ и славнымъ живописцемъ.

Лицейное искусство доведено въ Россіи до совершенства. Нигдѣ въ свѣтѣ не ошливають такъ счастливо, такъ чисто и такихъ большихъ произведеній, какъ у насъ. Симъ обязаны Екимову, мастеру единственному въ своемъ дѣлѣ. Можаловъ былъ отличный лицейщикъ въ царствованіе Екатерины.

Вошь, любезный другъ, изчисленіе

лучшихъ нашихъ художниковъ и самое поверхностное понятіе объ оплчительныхъ достоинствахъ каждаго. Я не могъ тебѣ поименовать всѣхъ, заслуживающихъ того: говорилъ о тѣхъ только, которые въ продолженіе жизни своей имѣли случай сдѣлаться известными, или теперь подають надежды. Но сколько было такихъ, которые скончались рано! Ропчевъ, Яненко живописцы, Воропиловъ, Монсеевъ, Каценко ваятели, Есаковъ медальеръ и множество другихъ были люди весьма достойные, и особенно Каценко, Геній, какіе рѣдко являюся. Убіеніе младенцевъ эскизь изъ обожженной глины въ Эрмитажъ, и взятіе Божіей Матери на небо барельефъ въ Казанской церкви, произведенія Каценки, заславляють всегда жалѣть о преждевременной его смерти.

Объ иностранцахъ — художникахъ, посвящавшихъ дарованія и искусство свое служенію Россіи; не могу говорить подробно. Со времянь Екашеринны и до сихъ поръ у насъ ихъ было очень много. Всякой изъ нихъ бо-лѣе или менѣе былъ полезенъ, но углуги Гваренги, Томона и Дойена незабвенны. За нихъ можно всегда благодарить Европу. Гваренги и Томонъ произвели при Александрѣ образцовыя зданія; Дойень, служа въ Академіи, способствоваль образованію лучшихъ нашихъ живописцевъ. Изъ зодчихъ мы имѣли еще Камерона, Бренну, художниковъ доспойныхъ. Теперь имѣемъ Россіи (ученика Бренны) и Монферана, коему довѣрено сооруженіе Исакиевской церкви. Всѣ сии и другіе художники имѣють полное право на нашу признательность, но гордиться можемъ шолько Рускими.

Теперь позволю представить тебѣ нѣкоторыя общія замѣчанія мои о состояніи художествъ въ Россіи.

Русская школа начало получила отъ Лосенка по части искусствъ подражательныхъ и Какоринова по части зодчества. Слѣдовавшіе за Лосенкомъ художники держались прищипныхъ отъ него правилъ, въ которыхъ отражался вкусъ времени. Маршось примѣромъ своимъ доказаль преимущество подражанія древнимъ. Егоровъ и Шебуевъ утвердили хорошій вкусъ. Сими художникамъ школа наша наиболѣе обязана; и если какой либо своенравный новый геній не уклонился отъ наспоющаго пути и не повлечетъ за собою толпу, то живопись и ваяніе достигнутъ у насъ совершенства. Время это не далеко. Учрежденіе русской галлерей при Эрмитажѣ и сооруженіе двухъ храмовъ Спасителю въ Москвѣ и

Исакиевского въ С. Петербургѣ, дадутъ новую жизнь художествамъ; а ты знаешь, что художники всегда являлись тамъ, гдѣ была въ нихъ потребность. Сверхъ того мы имѣемъ тысячи церквей, въ которыхъ живопись съ распространениемъ вкуса будетъ безъ сомнѣнія замѣнена лучшею. Вотъ весьма важныя причины возможности возвышенія подражательныхъ художествъ въ Россіи.

Въ чужихъ краяхъ менѣе имѣюте нужды въ произведеніяхъ значущихъ. Тамъ все наполнено. У насъ напротивъ. Мы имѣемъ нужду въ нихъ. У насъ ихъ еще слишкомъ мало.

Зодчество въ Россіи сдѣлало быстрѣйшіе успѣхи; потому что потребность въ прекрасныхъ зданіяхъ гораздо существеннѣе для народа, недостигшаго еще высшей степени образованности, нежели въ произведеніяхъ

живописи и ваянія. Старовъ, Баженовъ, Волковъ были пресмнниками Какоринова, но стиль ихъ былъ строже и чище. Захаровъ утвердилъ вкусъ чистый. Нынѣшнимъ художникамъ остается итти прямымъ путемъ.

Вліяніе хорошаго вкуса въ отдаленныхъ краяхъ Россіи примѣтнѣе въ зодчествѣ, нежели въ живописи и ваяніи. Ваятели шудятся только для правительства и не многихъ людей частныхъ; въ провинціяхъ они были бы безъ хлѣба; а произведенія живописныя историческія и въ столицахъ и внѣ столицъ болѣе пребуются для церквей; но понятія требовавшей еще не образовались столько, чпобы можно было произвести художнику что либо превосходное.

Одно правительство ничего не щадитъ для художествъ. Оно одно ихъ поддерживаешь. Оно одно ихъ пишаешь.

Публика наша (я говорю о такъ называемой лучшей, копорая вездѣ поддерживается искусства) начинаеть любить художества своего отечества: это доказываетъ общество поощренія художниковъ; но истинныхъ любителей мы имѣемъ слишкомъ, слишкомъ мало. Предубѣжденіе въ пользу иностранцевъ не совсѣмъ исчезло. Любовь къ искусствамъ есть; но нѣтъ любви къ рускому. Повѣришь ли, въ Петербургѣ нѣтъ ни одного богача, копорой бы имѣлъ у себя собраніе русскихъ произведеній, при всемъ томъ, что нѣтъ ни одного рода художества, въ копоромъ бы мы не имѣли художниковъ превосходныхъ, и что есть множество галлерей наполненныхъ и прекрасными и весьма посредственными иностранными произведеніями.

Не многіе наши художники извѣстны въ чужихъ краяхъ; потому что

произведенія рускія не гравируются. Если бы это было, то я увѣренъ, что и здѣсь узнали бы многіе, что въ Россіи художества давно уже находятся на степеняхъ высокой.

Писатели наши молчатъ о русскихъ художникахъ; потому ли, что не многіе изъ нихъ знакомы съ художествами, или по другой какой причинѣ, судить не мое дѣло. Представь, что даже и то, что я наскоро написалъ тебѣ, показало бы для большей части нашей публики новостію неслыханною. Я готовъ былъ бы даже просить тебя, чтобы ты послалъ мои письма для напечатанія въ какомъ либо періодическомъ изданіи, если бы они были болѣе обработаны. Впрочемъ теперь ты ихъ владѣлецъ. Они въ полной твоей волѣ.

Прощай, мой другъ! Если ты не совершенно удовлетворенъ, не гнѣвайся на меня. Со временемъ надѣюсь

* *

написать что нибудь о состояніи художествъ въ Россіи и подробнѣе и доказательнѣе. Теперь я сдержалъ слово, представилъ себѣ очеркъ состоянія ихъ: и эшаго на сей разъ довольно.

В.. .... —

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ письма А. С. Пушкина къ Д.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу (*) на корабль. Я потчасъ отправился на такъ названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то башни); шамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Панпикапси не сильнѣе подѣйствововали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старыя кирпичи и шолько. Изъ Θεодосіи до самаго Юрзуфа ѣхаль я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ шуманъ шянулись

(*) Изъ Тамани въ Керчь.

полуденныя горы..... « Воть Четырдагъ, » сказала мнѣ Капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствоваль. Передъ свѣпомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль останоуился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣпныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамаъ, пополи, какъ зеленыя колонны, спройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ..... и кругомъ это сіенее, чистое небо, и свѣпное море, и блескъ, и воздухъ полуденный.....

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я пошчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всемаъ равнодушіемъ и безпечностію Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря

и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщала его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Въспомню все, что пребываніе мое въ Юрзуфъ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхала полуденный берегъ, и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеша не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ шапкарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то шаншшвеннымъ, воспочнымъ обрядомъ. Мы переехали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ посковывать о миломъ полуднѣ, хотя все еще

находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевской монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тупъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно міеологическія преданія счастливыя для меня воспоминаній историческихъ; по крайней мѣрѣ шупъ посѣпили меня риемы. Я думалъ стихами. Вотъ они :

Къ чему холодныя сомнѣнья ?

Я вѣрю : здѣсь былъ грозный храмъ ,

Гдѣ крови жаждущимъ богамъ

Дымялись жертвоприношеня ;

Здѣсь успокоена была

Вражда свирѣпой эмениды ;

Здѣсь провозвѣсшница Тавриды

На брата руку занесла ;

На сихъ развалинахъ свершилось

Свянное дружбы торжество ,

И душъ великилъ божество

Своимъ созданьемъ возгордилось .

.....

Ч —, поминишь ли бывое?
 Давно ль съ восторгомъ молодымъ
 Я мыслилъ имя роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
 Теперь и лѣнь и тишина,
 И въ умиленьи вдохновенномъ,
 На камнѣ, дружбой освященномъ,
 Пишу я наши имена.

Въ Бахчисарай пріѣхаль я больной.
 Я прежде слыхаль о странномъ памятникѣ
 влюбленнаго хана. К.** поэтически
 описывала мнѣ его, называя
la fontaine des larmes. Вошедъ во дворець,
 увидѣль я изпорченный фонтанъ;
 изъ заржавой желѣзной трубки
 по каплямъ падала вода. Я обошелъ
 дворець съ большой досадою на небреженіе,
 въ которомъ онъ изплѣвается,
 и на полуевропейскія передѣлки ит-копорохъ
 комнашь. N. N. почини насильно
 повель меня по вѣпхой лѣстницѣ
 въ развалины гарема и на хан-

ское кладбище.

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:
лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоришь М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непременно имъ воспользовался.

Разтолкуй мнѣ шеперь: почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣють для меня прелесть неизъяснимую? Отъ чего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣпить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? Или вспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?

ТРАКТИРНАЯ ЛѢСТНИЦА.

I had baried one and all
Who loved me in a human shape;
And the whole carth would hencefort be
A wider prison unto me:
No child — no sire — no kin had I,
No partner in my misery;
.....

Byron.

Все, что знавалъ, все, что любилъ,
Я невозвратно скоронилъ,
И въ обласни веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня!
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я . . . лишній гость на нёмъ.

Жуковский.

Я путешествовалъ довольно по свѣ-
ту; и если обстоятельство не всег-

да были благопріятны для наблюде-
ній надъ цѣлыми странами, по край-
ней мѣрѣ я не пропускалъ случаевъ
разсматривать людей въ частности,
и рѣдко проходило, чтобъ наблюде-
ніе челоуѣка не было для меня поу-
чительно. Такимъ образомъ, въ одно
изъ моихъ путешествій, я узналъ за-
мѣчательнаго старика, исторію ко-
тораго постараюсь рассказать здѣсь,
какъ умѣю.

Въ 1815 году, когда ѣхалъ я моремъ въ
чужіе края, мнѣ надобно было остано-
виться на нѣсколько дней въ Копен-
гагенѣ, которой хотя и былъ мнѣ из-
вѣстенъ, но за всѣмъ тѣмъ привле-
калъ еще мое любопытство. Ничѣмъ
незанятой, съ утра до вечера бродилъ
я по городу, или гулялъ по живопис-
нымъ окрестностямъ и любовался ви-
домъ прекраснаго Зунда. Въ королев-
ской шпакширѣ, гдѣ была моя квар-

пира, приходилъ я только для обѣда и ночлега; за общимъ столомъ занимали меня путешественники всѣхъ націй, которые большею частію останавливались въ сей столицѣ для отдыха послѣ морскаго пути, совершаемаго ими въ какой нибудь изъ портовъ Балтики, или опшуда въ прочія части Европы; ввечеру я приводилъ въ порядокъ въ своемъ журналѣ мысли и замѣчанія, сдѣланныя въ продолженіе дневныхъ моихъ бродяжничествъ.

Комната моя была прямо противъ большой лѣстницы; рядомъ со мною жилъ дряхлый старикъ, котораго каждое утро трактирной слуга вывозилъ на креслахъ съ колесами къ лѣстницѣ, увозилъ въ комнату для обѣда и послѣ снова вывозилъ до вечера. Слуга, котораго спросилъ я о немъ, могъ только сказать, что онъ знаетъ

его очень давно, и что всякое упрощение смотришь, не умерь ли это скучной старикъ, которой, не смотря на то, что плащитъ хорошо за услуги, надоѣлъ всѣмъ въ пракширѣ своимъ единообразнымъ поведеніемъ и молчаливостью. Хозяинъ зналъ не болѣе; онъ сказалъ мнѣ его имя, считалъ богачество; говорилъ много: но со всѣмъ тѣмъ я ничего не узналъ, ни кто онъ, ни почему избралъ такой странной родъ жизни.

Этого однако же довольно было, что бы возбудить любопытство: я началъ наблюдать за старикомъ. Проживши нѣсколько дней въ пракширѣ, я считалъ себя нѣкоторымъ образомъ въ правѣ съ нимъ кланяться, какъ со знакомымъ; иногда сказать ему: доброе утро, или похвалить погоду, и съ удовольствіемъ замѣнилъ, что участіе живаго существа ему было при-

яшно. Датчане, какъ и всѣ сѣверные германскіе народы, не очень общешельны, и любопытства нельзя поставишь имъ въ порокъ. Скупость, эгоизмъ и жизнь каждаго про себя дѣлають то, что сосѣдь боится поклонишься сосѣду, чтобы не ознакомишься съ нимъ короче, и часно люди, живущіе другъ подлѣ друга всю свою жизнь, не только не знакомы, но даже не знаютъ одинъ другаго по имени. По этому самому я былъ, можетъ, единственнѣйшій человѣкъ, привѣтствовавшій учтиво старика, копорой, время опъ времени, привыкаль ко мнѣ болѣе и болѣе. Ему пріятно было вниманіе чужестранца; кланяясь мнѣ, онъ снималь шапкой свой карпузь и долго смотрѣль за мною въ слѣдъ, не покрывая своей головы, съ копорой ошанки бѣлыхъ волосъ вились рѣдкими кудрями по плечамъ.

Физиономія его была пріятна, но чрезвычайно печальна; часто по цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ у лѣстницы, не при-
мѣчая прохожихъ; но иногда какой-то
признакъ улыбки сгонялъ туманъ съ
блѣднаго лица, и большіе голубые гла-
за его оживлялись любопытствомъ.
Видно было, что онъ съ особеннымъ
удовольствіемъ смотрѣлъ на молодыхъ
людей; но при видѣ женщины черты
его перемѣняли выраженіе. Онъ смот-
рѣлъ въ ту сторону, куда она про-
ходила; взоры его останавливались въ
этомъ положеніи; голова склонялась
на руку, и я часто, изъ своей ком-
напы, сквозь полурасстворенную дверь
видалъ, какъ онъ опиралъ слезы.

Наконецъ я принялъ въ немъ самое
живое участіе; началъ чаще говорить
съ нимъ, даже сидѣть вмѣстѣ у лѣ-
стницы. Со всѣмъ тѣмъ замѣтилъ,
что онъ охотнѣе спрашивалъ, нежели

отвѣчалъ на мои вопросы. Въ разговорѣ его много было ума и образованія; и хотя онъ берегъ слова, но короткіе вопросы и еще крапчайшіе отвѣты имѣли въ себѣ удивительную силу опыта и здраваго разсудка. По немногу онъ привыкъ ко мнѣ, любилъ слушать мои рассказы, любилъ спрашивать о моемъ опечесивѣ; подсмолпрѣвъ, что я веду журналъ, любилъ, чтобы я прочишывалъ ему свои замѣчанія: для меня это было незапруднишельно; пошому что, гоповясь жишь въ Германіи, я писалъ для практики журналъ свой на нѣмецкомъ языкѣ. Такимъ образомъ я довѣрялся, не требуя взаимной довѣренности, и это былъ лучшій способъ выиграть ее.

Однажды, возвращаясь съ утренней прогулки, остался я послѣ обѣда, за дурною погодою, дома, и, записавъ видѣнное мною въ шолъ день, вышель къ своему

спарику и съль съ нимъ ульспницы. Вы писали, спросиль онъ меня, желаль бы очень слышать сегодняшніе ваши случаи.

Охотно прочитаю, сказалъ я: сегодня для меня была пріятная прогулка. Съ сими словами я развернулъ ишепрадку своего журнала и началъ:

Сентября 15 погода поушру прекрасная. Надобно было посъйтишь академію художеспвь, гдѣ мнѣ хопълось посмотрѣть работы славнаго Торвальдсена. Я обѣжалъ всѣ залы и нашель полько одно его ученическое произведеніе: Амура и Психею. Оно изрядно. Чего же болѣе для ученика? Другаго ничего ныть замѣчательнаго.

Я вышель за городъ по дорогѣ, ведущей къ королевскому звѣрницу. Съ лѣвой стороны разсыяны были прекрасные загородные домики, съ правой Зундъ кашиль свои свѣшплозеле-

ныя волны. Песчаная дорога вскорѣ утомила меня, и я, не дошедъ звѣрища, сѣлъ на камень подлѣ самой воды. Легкіе набѣги струй спокойнаго моря взливались почти до ногъ моихъ и образовали во всю длину ошлогоаго песчанаго берега узкую черту прибилой шпавы, вымываемыхъ камешковъ и раковинъ. Черта сердитаго моря была выше на берегъ и далеко за мною; видна была граница, до кошорой докапывались бурныя волны; шупъ онѣ оставляли обломки, обрывки снастей и пѣну своей ярости. Трава не смѣла расшп на мѣстѣ, подверженномъ ихъ нападению; но далѣе за границей разцвѣпали въ безопасности и подорожникъ и цыкорій и серебриспая мать и мачиха. Въ проливѣ свѣплѣла вода какъ зеркало; корабли, при западномъ вѣшперкѣ, бѣжали въ обѣ спороны на югъ и на сѣверъ. Множесшво лодо-

чекъ, покачиваясь подъ парусами, бороздили воду во всѣхъ направленіяхъ, будто гоняясь за тѣнью легкихъ облаковъ, лепѣвшихъ по вѣтру и отражавшихъ образъ свой въ гладкой поверхности моря, на которое изрѣдка набѣгала мѣлкая рябь отъ вѣтерка, временно вырывавшагося изъ-за берега.

Каменистые холмы Шведскаго берега и на немъ Карлскрона были прямо предо мною и подъ золотыми упренными испареніями живописали всю картину. Облака лепѣли надъ моею головою къ востоку и скрывались за сѣрымъ Шведскимъ берегомъ; я провожалъ ихъ взорами и мысли мои неслись вмѣстѣ съ ними къ родинѣ моей. Шелестъ волнъ, ласкавшихся къ прибережнымъ камешкамъ, прелестъ ландшафта, воспоминанія, возбужденныя мыслями объ отечествѣ, погрузили меня въ мечпы; память

перелѣзла опть случая къ случаю и съ грустью остановилась на обстоятельствѣ, побудившемъ меня къ путешествію. Я вспомнилъ и ласки надежды и вѣроломные обманы счастья.

Мои мысли были печальны; я опвернулся опть моря и увидѣлъ другую картину: по ту сторону дороги, сквозь ворота низенькой изгороди, увидѣлъ я, подлѣ опрятнаго домика на скамейкѣ безногаго, но еще не стараго солдата. Двое здоровыхъ мальчиковъ прибивали къ стѣнѣ домика грушевое дерево; двое другихъ капали обручемъ; пятаго инвалидъ, посадивъ на деревянную ногу свою верхомъ, качалъ, пригѣвая веселую пѣсню. Я подошелъ къ нему и попросилъ напиться: сію минулу, сударь, сказалъ онъ, приложивъ руку къ фуражкѣ, и закричалъ женѣ своей въ окошко, чтобъ она вынесла пива. « Не угодно ли

вамъ присѣсть, пока она нацѣдитъ, • продолжалъ онъ. Я сѣлъ съ нимъ на каменную скамейку и, похваливъ дѣтей, спросилъ съ участіемъ, гдѣ онъ поперялъ ногу?

Онъ рассказалъ мнѣ объ осадѣ Копенгагена Англичанами, при копорой пушечное ядро лишило его возможности продолжать службу; какимъ образомъ послѣ сего онъ женился и живетъ небольшою пенсіею счастливъ и благополученъ, посреди своего семейства съ милою женою.

Рассказъ его былъ коротокъ, но чувствованія благодарности къ providѣнію, выраженные имъ съ горячностію, и прошивуположность моихъ мыслей съ карпиною семейственнаго счастья, пронули меня за сердце, особенно, когда прекрасная женщина вынесла мнѣ на шарелкѣ пару большихъ грушъ и въ кружкѣ пива, а слу-

живой, взявъ ее за руку, продолжалъ:
 « Такъ сударь, я счастливъ, и не смо-
 ря на то, что бѣденъ и безъ ноги,
 любимъ доброю Бертою; начто мнѣ
 послѣ этаго богатство, когда я сытъ
 и счастливъ въ своемъ семействѣ те-
 перь, а въ позднія лѣта надѣюсь быть
 утѣшенъ и призрѣнъ попеченіями дѣ-
 шей своихъ. »

Я взялъ кружку изъ рукъ хозяйки
 и, чтобъ скрыть проступившія на
 глазахъ моихъ слезы, дѣлалъ усиліе
 пропустить нѣсколько глотковъ....

Я былъ остановленъ рыданіями спа-
 рика, копорой, закрывъ одною ру-
 кою лице, махалъ другою, какъ бы
 упрашивая не продолжати болѣе.

Испуганный, я не зналъ чему при-
 писати это, припадку ли, или моему
 чженію. Горестъ имѣешь въ себѣ нѣ-
 что торжественное и внушаешь ка-
 кое-то почтеніе; иногда самое утѣ-

шеніе бываетъ не у мѣста, и попому я, со стѣсненнымъ сердцемъ, безмолвно ожидалъ, пока пройдетъ сила перваго возмущенія. Старикъ скоро открылъ свое лицо, просянуль ко мнѣ руку и съ усиліемъ голоса просилъ извиненія, что встревожилъ меня; « я постараюсь вамъ заплашить за это, продолжалъ онъ, и какъ скоро соберусь съ силами, то расскажу вамъ, почему вы видѣли слезы мои. » Онъ позвонилъ; слуга увезъ его въ комнату.

Прошло нѣсколько дней точно такихъ же, какъ и прежде. Старикъ по прежнему сидѣлъ у лѣстницы, но былъ очень слабъ. Наконецъ мнѣ надобно было ѣхать: я сказалъ ему объ этомъ за день до отъѣзда, и казалось, что это извѣстіе пронуло старика.

« Мнѣ жаль, что расстаюсь такъ скоро съ вами, сказалъ онъ. Однако же надобно исполнить свое обѣщаніе:

завлекали меня часто въ любовныя связи, но никогда сердце не участвовало въ сихъ успѣхахъ щеславія. Предоставленный рано самому себѣ, я сдѣлался въпренникомъ, и, надменный нѣсколькими легкими побѣдами, началъ не уважать женщинъ. Я не зналъ, какаго наслажденія лишалъ себя, теряя это благороднѣйшее чувство, которое одно только доставляетъ намъ истинное на землѣ счастье.

Я сдѣлался гордъ, независимъ въ своихъ поступкахъ; сердился на свѣтъ, и скучалъ всѣми его удовольствіями. Судьба слишкомъ рано поставила меня выше товарищей, и потому я не находилъ себѣ равнаго. Къ женщинамъ я былъ уже совершенно равнодушенъ. Въ такомъ пресыщеніи души и холодности сердца, достигъ я до двадцатипятилѣтняго возраста,

наскучивъ жизнью, подобно многимъ любимцамъ счастья, избалованнымъ преждевременными успѣхами въ свѣтѣ.

Такое существованіе мало приличествовало моему пылкому характеру. Дѣятельность службы занимала только умъ; сердце же, по ошибочному направленію, искавшее занятія въ разсыянности, не находило пищи и сѣдало само себя.

Мнѣ предлагали жениться: но мнѣніе, составленное о женщинахъ, и какое-то удаленіе отъ дѣвицъ, между кошорыми не встрѣчалъ еще ни одной, обратившей моего вниманія, отвлекали меня отъ супружества.

Однако же часъ мой насталъ. Въ одномъ обществѣ я увидѣлъ дѣвицу, кошорой красота и скромной видъ поразили меня; сначала по гордости чувствованій думалъ я, что смотрю на нее, какъ художникъ на прекрасное

изображеніе : но когда мнѣ сказали, что она уже невѣста, шайная горесѣнь, овладѣвшая душою, и образъ ея, не оставявшій моихъ мыслей, показали, что я заплашилъ дань любви. Не знаю, было ли бы продолжительное впечатленіе, сдѣланное милою дѣвушкою; если бь она была свободна, или, по своенравію человѣческой природы, желанія наши возбуждаются одними препятствіями, только огонь неиспытанной спраспи загорѣлся въ сердцѣ моемъ со всею силою.

Свадьба той, которая умѣла внушить незнакомыя чувствованія, лишила меня вовсе спокойствія. Не подозрѣвая за собою любви, я думалъ сначала, что шерзанія сердца были движеніями оскорбленнаго самолюбія, и что мнѣ должно опниать то сокровище, которымъ владѣлъ другой не по праву; свое же право я по-

ставлялъ въ томъ , что оно мнѣ нравилось , слѣдовательно должно было принадлежать мнѣ.

Не буду описывать , какъ и послѣ какихъ долгихъ искушеній , отъ копорыхъ надобно было устоять только выше , нежели челоуку , я воспорже-спвовалъ надъ милою женщиною ; скажу только , что исканія мои начались отъ самолюбія , кончились самою пламенною любовью , и эта любовь рѣшила участь моей жизни.

Нѣсколько мѣсяцевъ протекли въ совершенномъ блаженствѣ ; тайна осприла чувспвованіе наслажденія . Я переселился въ новый для себя міръ , оживленный собственными чувспво-ваніями ; казалось , все въ немъ созда-но было для нашего счастья : небо было свѣтлѣе ; скука , шуманившая землю , исчезла ; люди казались до-брѣе ; согрѣтая душа моя опвер-

злась вновь для благодарных чувствований. То, чему я перестала верить, возобновилось во мнѣ съ удивительною свѣжестью. Эгоизмъ, возрожденный холоднымъ наблюдениемъ, исчезъ; мѣсто его заступила жаркая любовь къ ближнему; я спала счастливецъ и добродѣтельницъ.

Такъ думала я основать свое счастье; но увидѣлъ, что преступныя чувствованія, какъ бы ни казались они возвышенными, не ведутъ насъ никогда къ благополучію. Вскорѣ ядревности оправилъ общее наше спокойствіе. Мужъ моей любезной началъ подозрѣвать наше обращеніе. Домашнія ссоры заступили мѣсто согласія и привязчивость ко мнѣ возрастала безпрестанно. Я долженъ былъ терпѣть, потому что любилъ пламенно. Всѣ оскорбленія, сдѣланныя моему самолюбію, считала я ниже

чувствованія, заставлявшаго переносить ихъ; самая совѣсть, вмѣшиваясь въ разсужденія мои, швердила, что я заслуживала это, и потому, слѣдя внушеніямъ благоразумія, успѣвала я иногда успокоивать встревоженные подозрѣнія ревности: но не менѣе того причина подозрѣній всегда существовала; миръ семейственный былъ нарушенъ; брюзгливость водворилась между супругами, и лучшіе люди, отдаляясь другъ отъ друга, близки были къ ненависти.

Чтобы опивлечь подозрѣнія, снова началъ посѣщать я прошиву воли общества, и по старому ласкался къ женщинамъ большаго свѣта. Никакая мысль измѣны не могла найти мѣста въ сердцѣ моемъ, полномъ любви: но неопытность юной подруги моей, ея младенческая доврчивость, моя дурная слава, укоренившаяся во мнѣніи

общемъ и наконецъ подтверждаемая собственнымъ ея опытомъ, заставляли бояться моей невѣрности. Увѣренія мои, что такое поведеніе нужно для спокойствія общаго, не дѣйствовали: она была несчастна отъ ревности мужа, но собственная ревность дѣлала ее несчастною вдвое. Не въ состояніи воздерживать пламенныхъ чувствованій своихъ, часто измѣняла она своей страсти, не взирая на присутствіе постороннихъ людей, не смотря на безпокойный и бдительный надзоръ своего мужа. Живо и пылкой характеръ ея принималъ глубоко впечатлѣнія. Какъ часто видалъ я нѣжное лице ея, оживленное улыбкою удовольствія и неизъяснимою прелестью выражавшейся во взорахъ любви, измѣнявшимся совершенно: въ одно мгновеніе румянецъ пропадалъ; блѣдность и судорожное оцѣ-

пентііе губъ замѣняли улыбку. Краска выступала снова, но не та, которая даетъ новую прелесть красотоѣ; глаза сверкали и попухали; дыханіе замирало. Это бывало въ общесіявахъ; наединѣ горестнѣйшія сцены меня ожидали: я бывалъ обремененъ всѣми проклятіями, которыя влечетъ за собою сознаніе преступленія.

Этого было еще недовольно къ моему несчастію: мною овладѣло чувствованіе, похожее на ревность, но котораго шочно опредѣлить не умѣю. Я не могъ урекнутьъ любимую женщину ни даже въ шѣци невѣрности, обвинить хотя въ легкомысленномъ взглядѣ, уважалъ ея добродѣтель въ самой слабости; но мысль, что она должна была дѣлать свое сердце волею или неволею, умерщвляла совершенно душу мою. Эта мысль была

тѣмъ мучительнѣе, что нечистой испочникъ ея былъ въ собственномъ моемъ сердцѣ; подозрѣніе обыкновенной ревности гнѣздится шолько въ воображеніи: мужъ, угнѣшавшій жену свою ревностью, и она, управлявшая тѣмъ же всѣ минуны жизни своей, могли только подозрѣвать; но подозрѣніе неутвержденное имѣешь и свои покойныя минуны: а мнѣ, мнѣ же не въ чемъ было сомнѣваться! Одно имя мужа приводило меня въ трепеть; приближеніе его къ любимой мною особѣ оледеняло всю мою внутренность; мучительная достоверность, увеличиваемая чувствованіемъ безсилія къ отвращенію наносимыхъ имъ оскорбленій, которыя онъ дѣлалъ мнѣ умышленно язвительными своими супружескими ласками, наполняла все мое существованіе ужаснѣйшими перзаніями. Бывали ми-

нупы, когда я забывалъ самъ себя; когда кровь, застывая капля по капль въ сердцѣ, вдругъ разливалась жгучимъ пламенемъ по жиламъ, тогда я готовъ былъ броситься на пропивника своего какъ пигръ и разперзашъ его: но кропкой и умоляющій взглядъ любви обезоруживалъ меня, и я, дѣлая жесточайшій переломъ чувствованій своихъ, вонзалъ ножъ въ собственное сердце.

Таково было начало непопозвопительной любви, въ которой многіе думаютъ искать своего счастья. И хотя дѣйствительно бываютъ минупы, которыхъ нельзя купить ни за какія сокровища земныя: но эти минупы крапки, и не въ соспоянїи выкупить послѣдующіе за ними дни горестей и раскаянїя.

Хладнокровный человекъ спросилъ бы: почему же ты, чувствуя такія мученїя,

не переѣмили своихъ поступковъ и для общаго спокойствія не сдѣлалъ усилія разорвать преступную связь?

Я бы отвѣчалъ тогда и отвѣчаю теперь, что такая любовь подобна паденію чловѣка, которой, сдѣлавъ неосторожной шагъ съ крушой горы, не можешь уже остановиться, и, не взирая на всѣ усилія, только увеличиваешь скорость своего бѣга; наконецъ, увлекаемый непреоборимою силою, падаешь въ разверстую предъ нимъ пропасть невозвратно.

Такъ было и съ нами. Несчастія наши увеличивались, но они, казалось, раздѣляя, болѣе стягивали узелъ, насъ соединявшій. Связь наша еще болѣе ушвердилась союзомъ опеческой любви. Тайна осталась неразгаданною для супруга: онъ считалъ себя счастливымъ опцомъ прекраснаго мальчика, для котораго родитель-

скія ласки его были неиспощимы. Съ какою завистию смотрѣлъ я на его восхищеніе, на тѣ полеченія, которыми онъ осыпалъ младенца. Сердце мое перзалось отъ горести и негодованія, что я долженъ скрывать, что не могу дать свободы жаркому и священнѣйшему чувствованію природы. Но я вымѣщалъ изъявленіе любви своей на другихъ дѣтяхъ; ласки мои даже были неистовы; часто доходило до того, что я плакалъ вмѣстѣ съ ребенкомъ, испуганнымъ отъ стремительности восторговъ, которыми вознаграждалъ я свое принужденіе. Это принужденіе и негодованіе росли вмѣстѣ съ мальчикомъ, котораго слѣпая любовь отца дѣлала образцомъ баловства и дурныхъ привычекъ. Преступленіе боязливо, и робкая любовь матери не имѣла силы останавливать успѣховъ безнравственнаго во-

спитанія сына, не смотря на всѣ мои убѣжденія. Ребенокъ въ пять лѣтъ превозходилъ всѣ примѣры сверстниковъ въ дурныхъ поступкахъ, и каждая минута его возраста была моимъ мученіемъ: я казнилъ собственными своими дѣлами.

Общія наши несчастія увеличивались съ минуты на минуту. Съ трудомъ возстановляемое согласіе разспроивалось безпрестанно; спокойствіе было нарушено. Въ продолженіе этого времени горестное мое положеніе, обратившее всѣ мысли и способности мои къ одному предмету, опнило у меня нравственныя силы для занятія чѣмъ либо другимъ. Я началъ небрежь обществомъ, службою, собственными дѣлами. Люди прозвали меня дикаремъ; начальство осперегалось дѣлать какія либо порученія челоуѣку, которой не хотѣлъ занимать

должносью. Я лишился мѣста; имѣніе было разспроено; я ни о чемъ не думалъ; непонятное равнодушіе ко всему разительнo прошиворѣчило безпрестанному терзанію страстей моихъ; всѣ мои душевныя качества слились въ одно только чувствованіе; я пылалъ только при одной мысли; другія же мои дѣйствія опшѣнялись какою-то неизьяснимою грустію и подавлялись при самомъ началѣ тяжкимъ душевнымъ уныніемъ.

Спраданія разрушили меня, но успѣхи разрушенія еще быстрѣе дѣйствовали надъ нѣжною подругою моего несчастія. Потеря спокойствія душевнаго, порывы страстей, а болѣе ихъ принужденіе, мое положеніе, дурное воспитаніе сына разшерзали слабое сердце ея. Болѣзнь быспрымми шагами привела ее къ дверямъ гроба. Я не забуду ужасной минушы,

улученной мною передь ея кончиною.

« Ты причиною моей смерти и смер-

« ши ужасной, говорила она; я уми-

« раю, не имѣя силы раскаяться, по-

« тому что еще люблю тебя. Я не

« уношу за предѣлы жизни ни одного

« упѣшипельнаго чувствованія. Холод-

« ность къ мужу моему, рожденная

« швоею взыскапельною любовью, не

« оставляетъ меня при смерти; да

« и самая любовь моя къ тебѣ можешь

« ли назваться упѣшипельною при

« дверяхъ гроба, когда она отправлена

« угрызениями совѣсти; помышленіе

« же о судьбѣ сына, мужа и швоей

« приводитъ меня въ прелесть: я не

« вижу въ будущемъ, ничего, кромѣ

« спраданій. Но я тебѣ прощаю. Жи-

« ви, если можно, для сына! »

Старикъ остановился; дрожащій
голосъ его прервался; слезы высту-
пили на глазахъ. « Она умерла, ска-

заль онъ помолчавъ , и конечно судь-
 бѣ угодно было оставить мнѣ жизнь
 для того, чтобъ продолжать мои му-
 ченія до сихъ поръ; просто человѣ-
 ческихъ силъ недостало бы перено-
 сить спраданія такъ долго.

Смерть жены открыла мужу нашу
 связь; онъ нашелъ нѣсколько писемъ,
 которыя объяснили ему даже тайну
 рожденія сына..... Онъ былъ споль-
 ко благоразумень, что скрылъ отъ
 свѣта несчастіе жены и собствен-
 ное..... Но могъ ли онъ смотрѣть
 равнодушно на дитя, которое без-
 престанно напоминало ему безчестіе
 семейства? Нѣтъ, этаго нельзя ему
 было сдѣлать..... Я сузу по неукро-
 тимости собственныхъ страстей:
 и пакъ холодность и отвращеніе къ
 ребенку увеличивались; пренебрежен-
 ное воспитаніе сдѣлало изъ него
 совершеннаго негодяя. Я не могъ ви-

дѣтъ его, не могъ направить его склонностей; но какая-то тайная надежда быть ему полезнымъ привязывала меня къ жизни и заставляла переносить сспраданія души разтерзанной.

Такимъ образомъ сынъ мой достигъ до 17 лѣтняго возраста, а ненависть отца до высочайшей степени; онъ не могъ долѣе скрываться и, выведенный изъ терпѣнія его дурными поступками, открылъ съ упреками тайну его произхожденія. Молодой человекъ, послѣ многихъ знаковъ взаимной холодности, рѣшился избѣгнуть презрительнаго принужденія, оставивъ родительскій домъ.

Вообрази, другъ мой, восхищеніе мое при этомъ случаѣ. Я думалъ, что терпѣніе мое награждено; мнѣ казалось, что этотъ поступокъ возвращаетъ мнѣ сына, мои права, и что я уже

не одинъ въ мѣрѣ. Болѣзнь препят-
 ствовала мнѣ самому. бросишься въ
 объятія сына; я написалъ къ нему
 письмо; изъяснилъ то, что могло бытъ
 отъ него скрыто, и неперпѣливо и
 радостно ожидалъ прижасть къ ожи-
 вленному сердцу плодъ столькихъ спра-
 даній и несчастій.... но я жестоко
 обманулся въ мой льспивой надеждѣ....
 сынъ мой не пришелъ..... онъ при-
 слалъ только письмо..... вошь... проч-
 ти..... ты увидишь, что я не въ со-
 стояніи самъ прочесть его.....

Я взялъ бумагу изъ трепещущихъ
 рукъ старца, и про себя читалъ слѣ-
 дующее :

Милоспивый Государь!

Кто бы вы ни были, человекъ, или
 чудовище, но если въ самомъ дѣлѣ дали
 мнѣ жизнь, то я долженъ васъ не-
 навидѣть. И какую жизнь дали вы мнѣ?
 Безъ семейства, безъ отца, безъ доб-

раго имени. Кипо убилъ мать и сына сдѣлалъ не человекомъ, не давь ему ни имени, ни нравственности; пошь самъ не заслуживаешь имени отца. Прощайте! Я никогда васъ не увижу!.....

Я видѣлъ, какъ глаза старика слѣдовали за движеніями моихъ глазъ и какъ черты лица его и движеніе руки выражали значеніе каждой спрочки, каждаго слова, выпверженнаго имъ наизусть; наконецъ онъ не выперпѣлъ напряженія чувствъ: глаза его налились, онъ закрылъ себѣ лице и долго рыдалъ, не могши вымолвить ни одного слова.

«Моя испорія кончилась, началъ онъ, успокоившись; какой случай разительнѣе эшаго могу рассказать я? Я не видалъ и не слыхалъ болѣе о моемъ сынѣ. Несчастннй, опчаянннй, терзаемнй раскаяннмъ, придцать лѣшь послѣ сего влачу тяжкую и

презрительную жизнь. Мучимый совестью человекъ похожъ на того, кто осмѣлился приспально поглядѣть на солнце: онъ послѣ безпрестанно видитъ передъ глазами, куда ни обратишь ихъ, черное пятно. Это пятно ложилось на всѣ мои мысли, на всѣ дѣла, на всѣ мои поступки, и меня, пораженнаго проклятіемъ неба, дряхлость достигла въ семь положеніи. Я не могъ выходить изъ комнаты, не могъ ни о чемъ заботиться. Родственниковъ у меня нѣтъ, и люди мои, упохребляя во зло слабость и невнимательность, обманывали меня безнаказанно, потому что меня ничто не тревожило болѣе. Однако же мысль о томъ, что у меня, можетъ, есть сынъ, заставила подумать о приведеніи въ порядокъ дѣлъ своихъ. Я перевелъ свое имѣніе въ деньги, положила въ банкъ съ условіемъ, если

чрезъ 20 лѣтъ не найдется мой на-
слѣдникъ, то употребить капиталъ
на богоугодныя дѣла. Одна надежда
увидѣть когда нибудь сына и попро-
сить у него прощенія подкрѣпляла
меня. Такимъ образомъ, живучи про-
ценнами, для избѣжанія несносной
скуки, меня подавляющей, нанялъ я
комнату въ эшомъ пракширѣ, и, что-
бы не совсѣмъ разнакомиться съ ви-
домъ людей, заставляю вывозить
себя къ лѣсницѣ.

« И такъ ты видишь, другъ мой,
что пріятная жизнь, честная служба,
счастіе семейственное, удовольствія
общества для меня не существова-
ли: онѣ были сномъ, идеаломъ, къ
которому стремилась душа моя, и
вмѣсто блестящаго удѣла, которой
общали мнѣ богачество и шѣ дары,
которыми щедро надѣлила меня при-
рода, оспалось мнѣ только гореш-

ное утѣшеніе сидѣть у лѣстницы и смотрѣть на прохожихъ, которые часто, смѣясь надъ участію снараго холостяка, безпрестанно возобновляютъ мучительную казнь моего сердца.

« Впиши мою исторію въ свой журналъ, молодой человекъ, продолжалъ онъ; можешь быть, когда нибудь случится тебѣ сдѣлать изъ нея полезное употребленіе. »

Онъ переспалъ, горькія слезы капилась по щекамъ его. Мы разстались безмолвно.

На другое утро онъ былъ очень слабъ, когда я, выходя поутру, привѣтствовала его по обыкновенію у лѣстницы. Возвращаясь въ полдень домой, снизу еще увидѣлъ около него толпу людей, которые очень горячо о чемъ-то разсуждали; пораженный предчувствіемъ, я взбѣжалъ вверхъ въ нѣскольکو скачковъ: онъ сидѣлъ, опершись и

закрывъ лице лѣвою рукою, сквозь пальцы копорой еще блистали слезы; правая лежала на сердце..... но оно уже не билось..... несчастный кончилъ свою спрадальческую жизнь....

Алексѣй Коростылевъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

на Сентъ - Барнарда.

О, кто бы въ сей груди возжѣтъ,
Духъ пылкій, вдохновенный Барда,
Чтобъ живо я предсавинъ могъ
Походъ мой къ высотамъ Барнарда,
Красу и ужасъ здѣшнихъ мѣстъ,
Слѣды погибшихъ въ сей пущынѣ,
И тамъ Христовъ священный крестъ,
Гдѣ вранъ не залезалъ донинѣ.
Не позабуду въ жизнь мою
Гостепріимства добрыхъ братій;

Для всѣхъ пришельцевъ въ семъ краю
 Отверста вѣжностъ ихъ объясій.
 Обѣтъ ихъ: путника спасати
 На крутизнахъ и на стремнинахъ,
 Усталымъ помощь подавати,
 Погрязшихъ опривати въ лавинахъ,
 Трудиться не для мзды земной,
 Жизнь ближнихъ искупати своею:
 Чей подвигъ выше? Гдѣ герой,
 Кого имъ уподобишь смѣю?

Кто ѣдетъ изъ Швейцаріи на Сентъ-
 Бернардъ, не минуешь Мартины или
 Мартинала, небольшого городка ниж-
 няго Валлиса, лежащаго на берегу
 Роны. Лучше сказать, отсюда обык-
 новенно предпринимается это путеше-
 шествіе. Мы пришли сюда съ шова-
 рищемъ моимъ Л., веселымъ, добро-
 душнымъ Шотландцемъ, изъ самаго
 Шамуня пѣшкомъ, а далѣе хотѣли
 пустились на мулахъ; почему, при
 входѣ въ гостинницу, первымъ нашимъ

дѣломъ было заказать къ завтраму пару ихъ съ проводникомъ. Прямо пропивъ оконъ нашей комнашы возвышались на пригоркѣ, (въ самомъ живописномъ положеніи), развалины древняго замка герцоговъ Савойскихъ, съ высокою башнею, еще довольно уцѣлѣвшею. Но, упомянутымъ опъ Суворовскаго перехода черезъ Col de balme и Forlas, намъ было не до нихъ; и мягкая постель на шопъ разъ казалась намъ примѣчательнѣе развалинъ самой Пальмиры.

Назавтра разбудили насъ со свѣтомъ. До монастыря 12 часовъ пути; по этому въ которомъ часу ушра отправишься опсюда, въ шомъ часу вечера прибудешь на мѣсто. Опцы же монастырскіе ждуть къ себѣ въ седьмомъ часу, въ которое время у нихъ вечерняя прапеза. Договорившись съ проводникомъ, мы не заме-

* *

длили отправились. Цѣна здѣсь за мула пять рублей надень. Трактирщикъ, отпуская насъ, отложила рачищаться по возвращеніи: какой въжливой! Но собственно это значило: милости просимъ опять ко мнѣ, а шамъ уже за все получимъ съ васъ разомъ вдвое.

День былъ прекрасной. Миновавъ предмѣстье Марпини, лежащее въ $\frac{1}{4}$ часа отъ города, въехали мы въ долину d'Entremont, простирающуюся отъ самаго большаго Сентъ - Бернарда по всему теченію Дрансы. Вершины сей горы еще невидны; одинъ Pic du Mont Vélain возносится, покрытый всегдашнимъ снѣгомъ, господствуя надъ окружными высотами. Широкая и гладкая дорога поднимается почти непримѣтно. Вообразивъ прежде дикую, утесистую, едва проѣзжую дорогу, мы начинали шеперь жалѣть, что

взяли муловъ. Ъхати лѣнивымъ шагомъ по ровному почпи мѣспу, казалось намъ скучно и какъ бы совѣшно. А попому, опдавши ихъ проводнику, шли мы болѣ пѣшкомъ. Живописные берега Дрансы, обворожая взоръ, не давали чувствовашъ усталости. Не знаю опъ чего, но здѣшніе ландшафты нравились мнѣ болѣ всѣхъ видѣнныхъ. Яблони и груши, хранимая опъ вѣтровъ окружающими ихъ высотами, сопустпвовали намъ опъ самага Маринни. Крушые скапы горъ прудолубіе жишелей обратило въ пашни, и удивленный взоръ замѣчаетъ бразды плуга тамъ, гдѣ не подозрѣвалъ бы и слѣда человеческого. За St. Branchier, лежащемъ въ двухъ миляхъ, скала преграждаетъ путь сираинику. Дорога шла прежде подъ нею, но послѣ необычайнаго разлипія водъ въ 1818 году, Дранса, перемѣнивъ свое

печеніе, заняла это мѣсто, и волна шумитъ теперь шамъ, гдѣ раздавались шаги усерднаго богомольца или любопытнаго, какъ мы, путешественника. Попечительное правительство, прорубивъ насквозь скалу, успроило галлерейю въ 44 шуаза длиною, достаточной ширины для проѣзда въ chars à banc, линейкахъ, употребляемыхъ здѣсь вмѣсто дорожныхъ экипажей. Въ срединѣ галлерей сдѣлано отверстіе для свѣта, однако же онъ слабъ и не даетъ замѣнить, что ѣдешь подземельемъ. У Орсіера долина d'Entremont соединяется съ другою, именуемою Ferret, и принимаетъ вѣво, тогда какъ эша уклоняется вправо. Въ Liddes, до котораго 4 мили, дѣлають halte, муловъ кормящъ, а практирщику отъ путешественниковъ перепадаетъ лишній талеръ. Здѣсь шакже вврящъ въ

долгъ , въ твердой надеждѣ , что и на обратномъ пути не обойдуся безъ контрибуціи.

Въ часу отъ Liddes какое бы вы думали мѣсто? Петербургъ, да, Петербургъ, но не шопъ, въ которомъ столько васъ, товарищей моего дѣшства, не воображающихъ, можете бышь, въ эту минушу, что вашъ другъ, залетавшій иногда въ жару воображенія за облака, дѣйствительно теперь поднимается къ нимъ, хопя не на Пегасъ, а на мулъ, спускающемъ вѣрнѣе и не столь опасномъ для сѣдока. Петербургъ, или лучше le bourg de Saint-Pierre, скромная деревушка съ каменными выбѣленными домиками, послѣднее обитаемое мѣсто на пути въ монастырь. Чипая на нѣмецкой картѣ моего спутника Sanct-Petersburg, охотно предавался я пріятному обману и хопѣлъ вѣришь, что эшо нашъ

родимой, русской городъ. Зачѣмъ, думала я, географъ, поставившій здѣсь имя его, не чародѣй, могущій по мановенію жезла замѣнить эту бѣдную колокольню блестящимъ Адмиралшескимъ шпилемъ и маленькую Дрансу величественною нашею Невою? Что если бы изъ - за 2000 верстъ хопя на мгновеніе явилась сюда столица наша, какъ иногда въ волшебной пьесѣ по знаку свистка выходилъ изъ подполу дворецъ какой нибудь феи, среди пустыни, написанной на холстѣ! Здѣсь же бы въ самомъ дѣлѣ попали вы въ пустыню, какой и Гонзагу не случалось, можетъ быть, видѣть. Какъ бы кшапи было мнѣ обнять васъ, милые, не прерывая моего путешествія. Тогда бы опъ васъ зависло продолжать вмѣстѣ прогулку на Сенсъ-Бернардъ, какъ помните ли бывало (горные походы вѣдь

намъ не новы) хаживали мы на Пулкову, или Дудоровскую. Но зачѣмъ спро-
сить воздушныя столицы? Мечты ос-
щаюшся мечтами. Очнешься отъ сна
воображенія и вылетѣвшій вздохъ убѣж-
даетъ, что разлука еще горьче преж-
няго. У самаго выѣзда изъ *bourg de*
St. Pierre глубокая пропасть опдѣ-
ляетъ цвѣщую, обработанную до-
лину отъ дикой, каменной сира-
ны. Быстрой, обильной водами по-
шокъ *la Valsorey*, свергаясь въ оную
съ шумомъ, пѣною и кипѣніемъ, пред-
ставляетъ первую картину дикости
и служить фронτισписомъ ожидаю-
щихъ васъ видовъ. Каменный мостъ,
котораго построение приписываютъ
Карлу великому, ведетъ черезъ про-
пасть. Съ него водопадъ представ-
ляется огромнымъ бѣлымъ столпомъ,
колеблющимся надъ бездною. Мы всхо-
дили на гору къ самому его жерлу и

ложились на краю пучины; но сморщить его долго невозможно: быстрота паденія васъ, кажется, увлекаетъ, шумъ оглушаетъ, голова кружится, и вы спѣшите назадъ, чтобъ отдохнуть отъ поразительной сцены, и снова любоваться ею издали. Такъ жизнь большаго свѣта, сказала бы на моемъ мѣстѣ философъ, извлекающій наставленія изъ самой природы, издали кажется блестящею, цѣлительною, завидною, тогда какъ кружащіяся въ вихрь ея чувствуютъ одинъ только шумъ, принужденность и однообразіе.

Въ *bourg de St. Pierre* показываютъ каменную римскую версту, *Colonne milliaire*, вѣдланную въ стѣну церковной ограды, и комнату, которую занималъ Бонапарте при переходѣ съ войскомъ чрезъ сію гору. Объ этой эпохѣ не перестаютъ воспоминашь

здѣшніе старожилы, и она есть безъ сомнѣнія важнѣйшая, если не единственная, въ исторіи всей эпои страны. Сколько столѣтій проходило, и ничто не нарушало спокойствія сего уголка свѣта, удаленнаго отъ шума мірскаго, распрей, раздирающихъ челоуѣчество. Огражденные неприступностью этихъ хребтовъ, а еще болѣе бѣдностью своею, жипели какаго бы, казалось, могли ожидать нашествія? И вдругъ честолюбіе одного челоуѣка возбудило сіи горы отъ вѣковаго сна, наполнило тихія долины звукомъ громоносныхъ орудій, удививъ мирныхъ сыновъ Валлиса невиданнымъ зрѣлищемъ полчищъ, превомогающихъ всѣ преграды, положенныя природою, чтобъ обогреть своею кровью чуждыя и далекія поля при кликахъ славы и опечества.

Топчасъ за мостомъ представляеш-

ся взору обширная площадь, обведенная съ одной стороны стѣною утесовъ, а съ другой печеніемъ Дрансы. Тутъ имѣло французское войско свои биваки съ 15 по 21 Маія 1800 года. Намъ показывали, гдѣ расположена была конница, гдѣ пѣхота, гдѣ артиллерія. Проводникъ нашъ Joseph Riota не упустилъ намъ рекомендовать себя за проводника Бонапарте, о которомъ насказалъ тысячу анекдотовъ и подробностей. По словамъ его, здѣсь разобрали артиллерію, колеса несли на рукахъ, а другія волокли по землѣ, задѣланные въ деревянные цилиндры. Подъ каждое употреблено было до бо челоуѣкъ. Собравшись къ переходу, вся армія снабжена была сухарями на три дни; достигнувъ же монастыря, каждый рядовой получалъ по спакану вина. Войско прошло мимо, не оставивъ ни минушны: такъ, говоря

мѣстнымъ сравненіемъ, лавина пролетаетъ, не касаясь шашкой хижины, тогда какъ утесы падаютъ, сокрушенные быстрымъ ея стремленіемъ.

Гладкая дорога, по ту сторону бурга св. Петра, превращается въ каменную; подъемъ становится круче; деревья замѣняются кустарниками; хлѣбопашество исчезаетъ; только на лугахъ намешанные скирды возвѣщаютъ, что произрастеніе еще не прекратилось. Въ тѣсныхъ ущельяхъ мы едва могли развѣзжашься съ лошадьми, копорыхъ гнали посляне, навьюченныхъ сѣномъ. Случилось даже, что мы роняли связки и принуждены были ошанавливаться, чтобы пособить поднять ихъ. *Châlets* или хижины, стоящія особнякомъ и служащія въ лѣтнее только время жилищемъ для пасуховъ, суть единственные слѣды населенія. Отъ послѣдняго *châlet*

природа принимаетъ рѣшительно печать дикости и пустошы; распеніе едва кое-гдѣ проглядываетъ; мѣсто зеленыхъ холмовъ занимаютъ голыя скалы; дорога усѣяна мѣлкимъ камнемъ, или пробита по гладкому утесу, или на крутизнахъ вымощена большими плитами; то идешь по краю оврага, извиваясь узкою тропинкою, то уклоняешься въ сторону и исчезая открываешь между скалъ чистое мѣсто. Все мертво, одна Дранса шумитъ и пѣнилась въ видѣ тысячи ручьевъ, образующихъ безпрестанныя паденія, то бѣжишь вдоль дороги, то пересѣкаешь ее; когда же на минушу скроешься отъ взора, то опзывается слуху во глубинѣ пропастей. Вися надъ бездною, мы скользили на каждомъ шагу; мулы же, по привычкѣ своей, шли надъ самымъ краемъ, заглядывали въ пропасть, и грозили намъ самымъ опаснымъ,

но вѣроятно послѣднимъ въ жизни скачкомъ. Проводникъ то и дѣло кричалъ намъ , что не надобно бояться и дасть имъ волю. Видъ мрачной природы наводитъ уныніе и на душу: мы ѣхали задумавшись, поваричъ мой носясь мыслями по скаламъ родимой своей Шотландіи, а я вспоминая о Сибирскомъ моемъ знакомцѣ, Алтаѣ, который , при всей своей дикости, не перещеголяетъ здѣшняго своего Алпійскаго собрата.

За часъ съ небольшимъ опъ монастыря открывається первое строеніе, принадлежащее къ нему: это la vacheгіе или скопной дворъ для коровъ и лошадей. Мы видѣли сихъ послѣднихъ съ жеребятами , пасущихся на скалѣ горъ. Жалкое пастъбище! Но, по трудности доставлять сюда сѣно, ихъ приучаюшь опыскивать скудный кормъ и въ лѣтнее время имъ довольствоваться. Далѣе немного , възжаєте вы на ровное

мѣсто, названное путешественниками долиною мертвыхъ. Два печальные предмета поражаютъ ваши взоры: землянка, называемая здѣсь ^{Charnier} charnier, въ которой собраны кости несчастныхъ, погибшихъ на семъ бѣдственномъ переходѣ. Подлѣ же другое строеніе, не столько мрачное и съ виду получше, служащее въ зимнее время убѣжищемъ для заспигнувшихъ непогодю или для успалыхъ въ пуги. По сему назначенію, не всего ли приличнѣе назвать его зимовьемъ, какія для этаго въ пустыхъ и безлюдныхъ мѣстахъ устроены у насъ въ Сибири.

Странное дѣло! Въ нѣсколько часовъ путешественникъ перемѣняетъ всѣ климаты. Глядя на природу, постепенно умирающую, на предметы, окружающіе его, едва вѣришь чувствую самъ своимъ. Далеко ли еще за нимъ благословенныя долины, достойное

преддверіе цвѣтущей, роскошной Италіи, а здѣсь опть полей безплодной почвы до зимовья, сплюсцаго какъ бы на пуши къ Ледовитому морю, все уже напоминаетъ о Сибири. Дикія козы, мелькая по крушизнамъ утесовъ, умножаютъ еще болѣе сходство мѣстъ, лежащихъ подъ столь различною широтою.

Чѣмъ выше поднимаешесь, тѣмъ часъ опть часу холодъ становится чувствительнѣе, наконецъ проникаетъ въ члены, и право, выѣхавши изъ Маршини въ самой теплой день, въ пору здѣсь было вспомнить о шубахъ, копорыми запасись не догадались мы. За $\frac{1}{4}$ часа до монастыря увидѣли мы въ половинѣ Августа необыкновенное зрѣлище: снѣгъ и преглубокой покрываль лошину, по копорой шла дорога. Эпо были остатки лавины, упавшей еще весною и не успѣвшей расстаять во все

лѣпо. Снѣгъ былъ столько крѣпокъ, что мулы наши ступали непроваливаясь. Известно, что лавины засыпають иногда пространство въ глубинѣ фузовъ на 80. Здѣсь только открывается монастырь св. Бернарда. Вы готовитесь услышать о готическомъ зданіи съ куполами, съ колокольнею, со всѣми украшеніями архитектуры, которая бы ошвѣчала его известности. Три небольшія, простыя, каменные строенія, вышиною въ полтора эшажа, имѣющія видъ обыкновенныхъ домовъ, вотъ все, что вы найдете. Главный корпусъ, гдѣ церковь и келіи, по лѣвую руку; шупъ принимаютъ путешественниковъ; флигели по правую, и заняты службами. Строеніе разположено на площадкѣ среди ущесовъ на самой верхней точкѣ дороги, ведущей въ Val d'Aoste, которая за монастыремъ начинается

уже спускаешься къ низу. Окружныя горы вершинами своими составляютъ около него обширный, величественный амфитеатръ. Монастырь сей принадлежитъ къ Валлису и, завѣдывая всею долиною d'Entremont, стоить на самой границѣ сего Швейцарскаго кантона съ Пиемонпомъ. Онъ есть высочайшее обитаемое мѣсто въ древнемъ мѣрѣ. Высоту его отъ поверхности морской полагають въ 7.500 футовъ.

Остановившись у крыльца, взошли мы въ коридоръ, гдѣ встрѣпилъ насъ отецъ ключарь и повелъ въ столовую. Было 6 часовъ; до трапезы братіи оставался часъ: но привѣпливый монахъ спросилъ, не хотимъ ли мы съестъ за споль одни, не ожидая общаго ужина. Принявъ эшо приглашеніе намъ показалось неловко, и хотя горный воздухъ и шрудная дорога возбудили

* *

въ насъ сильной апешипъ, но мы, продрогши, довольствовались рюмкою кирш-васера. Опець ключарь оставилъ насъ не надолго, по возвращеніи же предложилъ посмотрѣть библиотеку и собранія по разнымъ часнямъ. Книгъ въ первой не много; намъ показали одинъ только манускриптъ, важности котораго не утверждаю. Здѣсь бюстъ изъ бѣлаго мрамора генерала Дезе, погребеннаго въ сей обители; не знаю, похожъ ли онъ, но въ лицѣ выраженіе героя. Собранія значительнѣе, но я не минералогъ, и потому не берусь судить о достоинствѣ показанныхъ намъ шпурфовъ, а скажу только, что въ нихъ заключающся всѣ роды ископаемыхъ сей отрасли Альповъ. Нумизматическій кабинетъ состоить изъ рѣдкихъ римскихъ монетъ, медалей и пр., опысканныхъ большею частью подлѣ самаго монастыря, на

мѣстѣ кошораго стоялъ въ древности храмъ Юпитера. Въ собраніи семь также много мѣдныхъ дощечекъ съ надписями, означающими благодарность сему богу за счастливый переходъ чрезъ сіе мѣсто: видно, сколь оно и въ то время почисалось опаснымъ. Слова Jovi Roenino, изображенныя на нѣкошорыхъ, были поводомъ къ разнымъ полкамъ анпикваріевъ. Одни, переводя ихъ, Юпитеру Пуническому, выводящъ изъ того, что Аннибаль на походѣ своемъ въ Италію переходилъ съ войскомъ чрезъ сію гору: заключеніе впрочемъ не очень основательное, и по всему, кажется, больше вѣроятія заслуживающъ тѣ, копорые полагающъ, что быспрому Африканцу не за чѣмъ было итти окольною дорогою, но гораздо ближе черезъ Mont Cénis. Съ тѣхъ поръ, какъ Сардинское правительство вступило въ прежнее вла-

дѣніе Піемонтомъ и мѣсто древняго храма опошло къ нему, рытіе на немъ брагійи возпрещено. Странная мѣра: кому бы ближе, какъ не ей, и поручишь эшо дѣло? Многіе изъ монаховъ люди ученые, и для чего лишать анахоретовъ одного удовольствія, предоставленнаго имъ случаемъ? Съ другой стороны, что за расчепъ, когда лучшее уже выкопано, и какихъ сокровищъ предполагать въ сихъ мѣстахъ, гдѣ никогда не было и необходимаго для существованія челоуѣка?

Въ размашприваніи рѣдкостей наступило время прапезы. Мы заспали брагійи челоуѣкъ 8 и другихъ путешественниковъ до 12 съ разныхъ концевъ Европы. По проченіи молишвы опцы пригласили насъ сѣсть, а сами заняли мѣста между нами, чтобы не оставишь гостей однихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ удовлетворишь любопышству

каждаго. Мой сосѣдь монахъ, чело-
вѣкъ молодой (да и всѣ они молодыхъ
лѣтъ), на вопросъ мой о числѣ брашій,
сказалъ мнѣ, что оно неопредѣлено;
а бываетъ ихъ отъ 20 до 30. Насто-
ятель обители именуется Prevôt,
зависитъ непосредственно отъ Папы
и по старости живетъ обыкновенно
въ Маршини, куда переѣзжаютъ также
и дряхлые изъ нихъ, неспособные къ
службѣ, и больные, которымъ нельзя
уже переносить шамонняго климата.
Вотъ, почему не замѣпилъ я изъ бра-
шій ни одного спараго. Климатъ
на вершинѣ св. Бернарда не только
что нездоровъ, но для многихъ даже
убійственъ. Воздухъ всегда самой суро-
вой; тепла никогда болѣе не бываетъ
15°, и то очень рѣдко; ушренники замѣп-
ны почти все лѣто, и за нѣсколько
времени до нашего прибышя, въ концѣ
Юля, было холоду до 4°. Монахи но-

сять круглой годъ шерстяную одежду, но шмъ не менѣе подвергаются про-
спудамъ, ревматизмамъ и груднымъ боль-
знямъ. Рѣдко кто пробудеть здѣсь лѣтъ
десять, не заплашивъ здоровьемъ ис-
полненію обѣщанъ своихъ среди сихъ
пустынь, отверженныхъ природою и
человѣкомъ. За то мы пользуемся од-
нимъ важнымъ правомъ, замѣтилъ мнѣ
отецъ: умираешь не на С-шь Бернардь,
гдѣ нѣтъ довольно земли для погре-
бенія умершихъ; все голый камень, и
ни одинъ кустикъ распустившимися
листьями не возвѣщаетъ прихода ве-
сны. Начало сей обители отно-
сится къ половинѣ десятаго столѣтія.
Основателемъ же оной почитаютъ
св. Бернарда, бывшаго первымъ ея
священителемъ. Въ теченіи трехъ лѣт-
нихъ мѣсяцевъ ходятъ между симъ мѣ-
стомъ и окольными селеніями кара-
ваны муловъ, навьюченныхъ сѣномъ,

дровами и другими нужными для монастыря запасами. Отъ 8 до 9 тысяч странниковъ, слѣдующихъ изъ Пиемонты въ Валлисъ, или обратно, такъ какъ сей путь есть кратчайшій, пользуются гостепріимствомъ обители. Пріѣзжающихъ изъ одного любобышства не бываетъ въ помѣ числѣ и тысячи. Осенью сообщеніе становится труднѣе, и наконецъ совсѣмъ прерывается; путешественники не показываются; монахи проводятъ шуманные дни и долгія ночи полярной зимы одни, отдѣленные отъ прочихъ живыхъ существъ міра; раздается только паденіе лавинъ и вой вѣтровъ, свирѣпствующихъ вокругъ стѣнъ обители, въ кошпорой и при шумѣ стихій не прерывается мирное пѣніе иноковъ, приносящихъ въ жертву Всевышнему не однѣ пѣсни хваленія, но и самихъ себя, если того нужда пре-

> буеть во спасеніе челоуѣчества. Обязанность братіи въ зимнее время послѣ каждой непогоды выходить по дорогѣ къ монастырю на встрѣчу путешественникамъ для оказанія имъ нужной помощи. Сверхъ того каждый день отправляютъ они служителя, именуемаго тагоніер, до мѣста, назначеннаго убѣжищемъ для странниковъ, чшобы навѣдашься, нѣтъ ли шамъ кого, пребывающаго пособія, и оставишь съспныхъ припасовъ будущему пришельцу. Для опысканія же успалыхъ, заспигнутыхъ спужею, или погребенныхъ подъ снѣгомъ, водятъ они съ собою нарочно приученныхъ къ шому собакъ. Кто не знаетъ собакъ Сеншь-Бернарда? Кто не слыхаль объ этихъ животныхъ, служащихъ орудіемъ дѣятельнѣйшей благошворительности? Естественные друзья челоуѣка, они не оставляютъ его и въ сей странѣ

недостатковъ и бѣдствій, но, разделяя съ нимъ опасности, избавляютъ его часто отъ нихъ. По врожденному инстинкту собаки сіи слышатъ чужьемъ несчастнаго подъ снѣгомъ, лаемъ призывають на помощь и лапами помогаютъ вырывать его изъ сугроба. Были даже, говорятъ, примѣры, что они приносили къ обителю найденныхъ ими замерзшихъ дѣтей. Много ли разумныхъ пварей похвалился подобными подвигами добра? Но къ сожалѣнію сіи живошныя сами оспаются иногда жертвою великодушныхъ своихъ поисковъ. Въ 1816 году паденіемъ лавины убило вдругъ прехъ собакъ, при чемъ погибъ и монаспырской служитель, сопровождавшій ихъ. Узнавъ, что я Руской, хвалился мнѣ опецъ знакомствомъ съ нашимъ княземъ Б., кошораго, въ бышность свою за сборомъ подаянія, встрѣпилъ гдѣ-

по въ Италіи и получилъ отъ него на монастырь 50 цехиновъ. Также перевозилъ онъ живущаго шеперь въ Женевѣ спатсъ - секретаря графа К., содѣйствію котораго обязанъ монастырь щедрыми приношеніями. На вопросъ мой, много ли сюда заѣзжаетъ Рускихъ, онъ не могъ вспомнить никого. Пересмапривая книгу путешественниковъ, я тоже не нашель ни одного земляка. Кушанье наше состояло изъ супа, говядины съ картофелемъ, шеляпины съ салатомъ и десерта изъ орѣховъ и винныхъ ягодъ. Кромѣ краснаго вина à discrétion разнесли послѣ жаркаго пюмкѣ мушкателю. Изъ-за стола вспали въ 8 часовъ, заключивъ шрапезу молишвою. Тогда служитель монастырскій показаль намъ опведенную для каждаго комнату. Мы съ Л. заняли одну; всѣ онѣ разположены по

сторонамъ коридора. Комнатки маленькія, по необходимости самаго зданія; но постель и мѣбель не хуже, какъ во многихъ гостиницахъ. Соответственно климату, вездѣ двойныя рамы, двойныя двери. Жаль, что не заведено русскихъ печей. Въ непопленномъ покоѣ я такъ прозябъ, что насилу согрѣлся, укрывшись всѣмъ, что случилось. Мы уже спали, когда прибыли въ монастырь Англичанка и двое Французовъ. Добрая братія, не смотря на позднее время, принялась хлопотать по прежнему и угостила новопріѣзжихъ съ тою же ласкою, какъ и насъ.

На другой день разбудили насъ, по приказанію нашему, къ ранней обѣднѣ, копорая отправляешся въ 6 часовъ. Церковь старинная, небольшая. Главное украшеніе въ ней памятникъ Дезе, кошораго оспапки съ побѣдна-

го поля Маренго по приказанію Бонапарте перенесены сюда. Онъ со-
 оруженъ изъ бѣлаго мрамора и вдѣ-
 ланъ въ спѣнѣ. Барельефъ предспав-
 ляетъ послѣднія минушы генерала,
 падающаго съ лошади и поддержива-
 емаго своимъ адъютантомъ. Надписи
 нѣтъ никакой, да и для чего бы?
 Вообще не постигаю мысли назначить
 здѣсь мѣсто погребенія военному че-
 ловѣку. Тюреннъ, покоющійся въ хра-
 мѣ Инвалиднаго дома, у мѣста; но
 въ семь домѣ страннопріимства и
 благошворительности, гдѣ всего ме-
 нѣе помышляютъ о славѣ земной и
 кровавыхъ побѣдахъ, приличнѣе бы
 хранился праху Говарда или Вин-
 цента де Поля. Безкорыстные ош-
 цы, угощая странниковъ, не прини-
 мають никакой платы. Это у нихъ
 положенное правило. Но въ церкви
 заведена кружка, въ копорую можно

класць приношеніе, сколько кому угодно. Ни одинъ прїѣзжій конечно не упускаешъ по мѣрѣ возможности разплашиться симъ способомъ за оказанное гостепрїимство. По опшправленіи службы насъ позвали къ завтраку и подали кофе съ сухарями и масломъ.

По желанію общества осмопрѣшь положеніе обштели, опецъ ключарь вызвался бышь нашимъ проводникомъ, и повель насъ вокругъ озера. Лишь полько собаки его увидѣли, какъ бросились къ нему и начали ласкаться. Видь эшихъ добрыхъ живошныхъ доставиль намъ удовольствіе, не менѣе прочихъ рѣдкостей сего мѣста. Собаки очень смирны, не лаюшь ни на кого, не кусаюшся и похожи на большихъ дворовыхъ. Онѣ бѣжали за нами во все время прогулки, и легко предшавишь, что никшо не

упустиль подозвашь и приласкашь ихъ. Мы видѣли собакъ до пяши; климашь и для нихъ вредень; года при или чешыре все время ихъ службы. Озеро монашпырское не велико и опличаешся полько чернымъ цвѣтомъ воды. Можеть бышь, каменное дно или окружающія его горы темнаго цвѣта производяшь это дѣйствіе. Въ немъ полагають множесво монеть, и не безъ основанія. У древнихъ было обыкновеніе бросать деньги въ воду, призывая боговъ къ споспѣшествованію въ какомъ либо предпріятіи. Мѣсто храма на южной его сторонѣ, нѣсколько возвышенное, примѣтно по опломкамъ мрамора и кирпича, валяющимся во множесвѣ. Чего стоило построеніе его Римлянамъ, если предспавишь высоту горы, шрудность досшавлять сюда матеріалы, крапкось времени, удобнаго для работы,

недостатокъ способовъ для продовольствія рабочихъ? Но было ли что невозможно соорудителямъ колоссовъ, въ которыхъ видить потомство пруды полубоговъ и гигантовъ? Мы попадались куски съ наръзками рѣзца; хотѣлось взять нѣсколько съ собою на память; но какъ сдѣлать, путешествуя налегкѣ? Одинъ изъ нашего общества Нѣмецъ, пришедшій сюда пѣшкомъ и страстный видно любитель древностей, не устоялъ противъ приманчивости римскихъ мраморовъ и плотно ими нагрузилъ карманы. Охота пуще неволи; но сомнѣваюсь, чтобы достало у него перпѣнія допащиться съ камнями восвояси. Недалеко отсюда стоить граничный столбъ: властолюбіе возложило руку свою и на сіи голые безплодные хребты, которыми обладаніе никому никакой пользы принести не можетъ.

Такой знак присвоения нигде не у мѣста мѣсте, какъ здѣсь, гдѣ человекъ, отдѣленный отъ міра, вознесенный за облака, забываетъ все земное, и страсти его подобныхъ, въ сообществѣ добродѣтельной братіи, кажутся ему еще мѣльче и ничтожнѣе. Проводникъ нашъ показалъ намъ монастырскій огорода, бѣдный огорода, для котораго надобно было вознисть землю изъ-за нѣсколькихъ версипь: гряды двѣ капушины и салату, вопъ и все! Чего же болѣе ожидашь тамъ, гдѣ цѣлой годъ не бываетъ 12 ясныхъ дней? Монахи разводящъ эту зелень какъ рѣдкость и для одного только удовольствія. Последний предметъ нашего любопытства былъ совсѣмъ особаго и страннаго рода, какому нигде, можетъ быть, не найми подобнаго: это низменный домикъ, именуемый *le caveau*, въ которомъ складываются найденныя

мертвыя тѣла. Всегдашній холодъ не допускаетъ ихъ до гниенія; червы лица сохраняютъ видъ свой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего тѣло сохнетъ и становится подобно муміи. Ужасенъ видъ непогребенныхъ мертвецовъ, разположенныхъ рядами и большею частію по недостатку мѣста приставленныхъ къ стѣнѣ споймя: ихъ насчиталъ я до двадцати. Но что и въ гробницахъ, служащихъ одному тщеславію живыхъ, а не спокойствію усопшихъ? Эпопъ способъ измѣлывать не снѣдію червей, не въ тѣсномъ гробѣ, а въ комнатѣ на свѣжемъ воздухѣ, и не одному, а въ обществѣ хотя и молчаливомъ, мнѣ по крайней мѣрѣ больше нравился, и не всякому ли покажется, при всей спранныости своей, менѣе мрачнымъ и даже нѣсколько оправданнымъ? Жаль только, что въ эпопѣ отношеніи не вез-

* *

дѣ Сентъ-Бернардская температура. А право если живые здѣсь нуждаются и шерпять, то мершвые пользуются всѣми выгодами; брашія страдаешъ опъ вліянія климата, но покойники конечно не пожалуются.

Воропившись въ обишель, я видѣлъ уже многихъ собиравшихся къ опъѣзду. Хотя гостепріимные опцы позволяють и шрое сушокъ гостить у нихъ, но лучше провеси эти дни у подошвы, нежели на вершинѣ Сентъ-Бернарда. Догадливый проводникъ осѣдлалъ уже муловъ и стоялъ съ ними у крыльца. Я имѣлъ только время, уложивъ дорожную свою сумку, поблагодарить добрую брашію и въ особенности опца ключаря. Но прежде, нежели мы простились, они вручили мнѣ книгу, прося записать свое имя. Это одно они позволяютъ себѣ въ отношеніи къ путешественникамъ,

и шо при самомъ прощаніи. Обь ошечствѣ же вашемъ, званіи и (подвипись, въ каполческой землѣ!) вѣропсповѣданіи не услышите ни одного вопроса. Вписавшись, какъ должно, я прибавилъ поруски: « первый Руской въ семь году на Сентъ-Бернардѣ. Климашь суровѣ Сибирскаго, по крайней мѣрѣ въ Августѣ не зябѣ я на берегахъ Енисея. Природа угрюма и скупа. Но гостепрїимство доброй брашні замѣняетъ здѣсь всѣ дары ея, и пушникъ оставляетъ обитель съ сердцемъ, утѣшеннымъ видомъ христіанскихъ добродѣтелей, достойныхъ украшать не сію пустыню, но эдемъ. »

А. Иллитевскій.

19 Августа,
1824.

НЕПОНЯТНЫЙ СОЮЗЪ. (*)

Прелестныя серебряныя звѣзды ясно свѣплѣли на черномъ Аравійскомъ небѣ; пустыня вторила звонкое рыканіе льва и сердитый ревъ пигра; а вольные Арабы Іеміи, вблизи древнихъ развалинъ неизвѣстнаго города, спокойно лежали подъ шапрами своими, слушая сладкія восточныя повѣсти и дружелюбно поглаживая именимыхъ коней своихъ. Въ одномъ изъ шапровъ старый Абуфаръ продолжалъ повѣствованіе о необыкновенной встрѣчѣ въ жизни своей. Онъ говорилъ:

(*) Въ непродолжительномъ времени выйдетъ полное собраніе аллегорій сего автора.

* И такъ путешественники, одушевленные святымъ усердіемъ, проходили знойные пески, направляя путь къ Меккѣ. Верблюды, корабли пустыни, важно тянулись въ пестромъ караванѣ и красивые кони, друзья Арабовъ, легко играли подъ спатными мешателами джерида. Между многими уроженцами далекихъ странъ я замѣтила одну чешу и не спускала ее съ глазъ. Онъ и она составляли разительную противоположность, но были соединены тѣсно. Онъ изогнутъ, тяжелъ и черенъ, какъ уголь; она стройна, какъ пальма; легка, какъ благовошный дымъ алая или душистой амвры, и бѣла, какъ пухъ лебединой..... Странное несходство и непонятная между обоими связь!... Онъ любилъ шипаться грубыми яспвами; она некала совсѣмъ другой пици. Съ дикою алчностью пожиралъ онъ кро-

вавья мяса и глотала запрещенной явиптокъ. Она напротивъ питалась только легкимъ сокомъ, или лучше сказать, ароматомъ плодовъ и распеній. И когда всѣ люди и верблюды съ жадностію бросались къ пустыннымъ водометамъ, она одна, съ непонятнымъ спокойствіемъ, ожидала окончанія суеши и, глотая издали одну свѣжесть, одну легкую алмазную пыль лепящихъ струй, веселилась, какъ дитя, радужною игрою лучей въ водопадъ. Никогда не видали ее алчущею, никогда не слышали жалобъ ея на жажду и зной. Смиренно-терпѣливая, она насыщала гладь, говоря о правдѣ, о добродѣтели, о чистотѣ, о высокой любви; а жажду уполяла повтореніемъ про себя сладкихъ стиховъ корана. Окупанная легкою, бѣлою, какъ она, одеждою изъ кисеи шонкой, какъ воздухъ, она казалась

перломатовымъ облакомъ, которое пролетаетъ иногда по шемносинему небу нашей Іеміи.

Кропкая, какъ голубица, непорочная, какъ дѣва рая, и невинная, какъ дитя, она всегда любила ласкать дѣшей и, казалось, чпо будучи съ ними, станомилась ими, а они ею. Онъ, тучный и неопрятный, спалъ безъ просыпу; она чистая, воздушная проводила и ночи безъ сна. Когда утренняя звѣзда зажигалась ясно, какъ жизнь новорожденного младенца, когда начиналъ дуть свѣжій вѣтерокъ, гоня передъ собою цѣлое море ароматовъ, свѣянныхъ съ цвѣшущихъ долинъ; тогда вдохновенные дервиши восклицали: « Вошь часъ, въ который Господь « призираетъ на землю и громко во- « піетъ, да услышатъ правду Божию « судіи и пастыри народовъ земныхъ. » Сопливый ничего не слыхалъ; но она

благоговѣнно становилась въ часъ сей
 на колѣни и молилась, какъ полько
 можетъ молиться безтѣлесная. Мы
 никогда не слышали разговора ея.....
 Она не говорила понашему. Одинъ
 полько онъ могъ понимать языкъ,
 копорымъ она говорила. Иногда ви-
 дали мы, какъ она указывала ему на
 разныя мѣста въ коранѣ. При омо-
 веніи рукъ, на примѣръ, она откры-
 вала слѣдующій стихъ. « Правовѣр-
 ный, умывай руки семь разъ на день,
 « но помни, что душа твоя должна
 « быть въ 77 разъ чище седмицею
 « умытыхъ рукъ! Тако угодиши Богу:
 « зане Богъ благъ и всемогущъ. » Бе-
 зобразный читалъ и хмурился. Захо-
 дилъ ли разговоръ о Божествѣ и
 человѣкѣ: она указывала на то мѣ-
 сто, гдѣ пророкъ говоритъ: « Богъ
 « шествуетъ между человѣкомъ и его
 « сердцемъ. » И однажды, когда пу-

пешественники разсуждали, какъ надобно жить, она съ увѣренностію указала ему на извѣстный стихъ корана: « Человѣкъ, когда ты родился на свѣтъ, тогда всѣ радовались, одинъ только ты плакалъ; живи пакъ на свѣтъ, чтобъ въ часъ смерти тво- ей всѣ плакали, одинъ бы только ты радовался! »

Такъ наводила оно его на всякое добро; но онъ не любилъ ее слушаться. Однако жъ одинъ только онъ умѣлъ съ нею разговаривать, какъ свой съ своимъ, и на вопросъ: « кто она? » всегда отвѣчалъ: нездѣшная. Онъ ее мучилъ и любилъ. Она много, много отъ него спрадала, однако жъ не могла съ нимъ разлучиться: чудно, но справедливо!

Наконецъ достигли Мекки, и безобразный, прежде, нежели зашелъ въ домъ молитвы, повлекъ свою прекрасную

въ домъ пира и разврата. Такъ онъ и скрылся отъ нашихъ глазъ. Молельщики исполнили долгъ и весело возвращались въ свои дома. Безобразный уже не возвращался... Послѣ (быль слухъ), пресыщенный чрезмѣру брашнами, онъ гдѣ-то уснулъ и не пробуждался болѣе. Но она возвратилась и, какъ говоряшь, воспѣвая веселыя пѣсни, въ свое далекое опечесство.»

Кто жъ этошь *онъ*? и кто *она*? вопрошали нетерпѣливо юные слушатели: спройный Алманзоръ и спыдливая Лейла, у которой черныя очи сіяли влажнымъ огнемъ..... Ужь *онъ* конечно не *духъ*; а *она* вѣрно не *тѣло*: такъ сказала старый Абуфаръ и замолчалъ.

Ө. Глинка.

Н Е Р А З Л У Ч Н Ы Я .

Спокойны жипели востока. Они удивляюся живой, порывчатой дѣятельности суепливыхъ европейцевъ. Важный, благовидный обитатель береговъ Гангеса и Эвфраша, безмолвно сидящій на узорчатомъ ковръ своемъ, сложа руки выше пояса, съ улыбкою сожалѣнія смотришь на спранныю дѣятельность европейца, бѣгающаго шуда и сюда, иногда съ необдуманною рѣзвостію ребенка, но по большей часши, съ нѣкоторымъ поскливымъ, много заботнымъ и не рѣдко судорожнымъ движеніемъ чловѣка, какъ будто осужденнаго къ какой-то спраш-

ной участи. « Зачѣмъ же хвалялся
 « они своими науками, своею фило-
 « софією? » говорятъ воспочные о
 европейцахъ: « когда ихъ науки, ког-
 « да ихъ философія не даюшь имъ спо-
 « койствія, споишь ли жить, чпобъ
 « превожиться! Человѣкъ созданъ для
 « покоя высокаго, для созерцанія ула-
 « дительнаго.... »

Испыпатели природы приписыва-
 ютъ дѣйствию солнца различіе тем-
 пераменновъ. Полагаюшь между про-
 чимъ, чшо сухоспъ воздуха на во-
 шокѣ унимаеъ рѣзвостъ крови. Не
 извѣсно, достовѣрна ли сія причина,
 но достовѣрно шо, чшо жишели во-
 стока, богатые и бѣдные, занятые
 и праздные, любяшь молчашъ, заду-
 мываться и предаваться нѣкоторой
 роскошной мечпашельности, придаю-
 щей и самой ихъ наружности какой-
 шо видъ спокойнаго самодовольствія.

Дикіе, огненные, стремительные на войнѣ, они мирны среди мира, медленно глаголивы въ бесѣдахъ, кропки, сладко нравны (*) въ домахъ и кажущіяся шающими въ роскоши садовъ своихъ. Ихъ созерцательное бытіе на землѣ проходишь, какъ долгая усладительная дремота.

Недалеко отъ развалинъ древняго Персеполиса, священно-знаменистой еполицы царей и маговъ Персіи, обиталъ нѣкогда Зунбаръ, смиренный послѣдователь великаго Зороастра. Слово жизни (Зендъ-авеста) было правиломъ его собственной жизни, и пошъ,

---

(*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на востокѣ существуетъ обычай, сидя съ гостемъ молчать, думать, курить трубку и только отъ времени до времени, спрашивать другъ у друга: «каково теперь разположеніе вашего нрава?» на что отвѣчаютъ; «оно усладительно, какъ сахаръ!»

кто улыбался пошчасъ по рожденіи, былъ мудрецомъ ему любезнѣйшимъ. Зунбаръ вѣрилъ, что вѣковѣчное время самобытно, безусловно-почивающее въ своей безпредѣльности нѣкогда возхошѣло и породило Ормуса и Аримана. Оба были блиспательны и благи. Но Ариманъ возкипѣлъ зависшю и пошемнѣлъ. Онъ очреватѣлъ *самостію* и, ошпоргшись ошъ общаго усироенія, ошжелѣлъ и низвратился долу, гдѣ въ ненсчешныхъ видахъ зла свирѣспвуешъ, воюя проштиву вѣрнаго Ормуса и любимыхъ имъ челоуковъ. Глубокая шма, любимая спихія Аримана, окружаешъ его и клеверешовъ его. Сія-шо шма густо заспилаешъ землю, на кошпую молитвы вѣрныхъ низводяшъ лучи горняго свѣсна изъ лона вѣчно сіяющаго Ормуса. Зунбаръ умѣлъ чипашъ въ великой книгѣ природы. Онъ вѣдалъ

и священный языкъ (санскритъ), на кошоромъ написаны книги Зендъ и шайныя Вѣды. Каждая буква сего языка, начерпанная въ определенное время, низводила горній свѣтъ и врачевала въ извѣстномъ кругѣ общій недугъ дольняго мрака. Сады и нивы крошкаго Зунбара были плодоноснѣе, его деревья рослѣе и цвѣшны махровѣе обыкновенныхъ: вездѣ кругомъ него видна была какъ бы сгущенная жизнь и свѣжеснѣе; ибо на немъ почивало благословеніе повсюду и все любящаго Ормуса.

Последніе лучи солнца отражались на богатой позолотѣ обрушенныхъ лазоревыхъ столповъ, украшавшихъ некогда дворцы и гробницы царей. Прохладный вечеръ низходилъ, какъ тайный даръ неба, на раскаленные поля. Зунбаръ сидѣлъ въ саду своемъ

пропивъ высокаго водомета, подъ живымъ навѣсомъ, на кошоромъ благоухали красивые ясины и тысячи бѣлыхъ и алыхъ розъ.

Тышина и благоуханіе возвышали душу его. Онъ видѣлъ радужныя дороги, воздушныя, лазоревыя палапы, храмы, слыше изъ злата живаго какъ жизнь и тонкаго какъ огонь, сады съ древами неземными, цвѣты изъ алмазовъ и камней самоцвѣпныхъ и рои молодыхъ пери, купающихся въ разливѣ алой зари. Иногда духъ его париль еще выше. Онъ видѣлъ хрустальныя врата, сквозь которыя, какъ во снѣ, открывающся радости рая... И нѣкогда созерцаль онъ и слышалъ какъ одна половина неба спорила съ другою о томъ, чего болѣе заключаешся въ существѣ Господа: всепремудрости, или всеблагости? И вдругъ, среди шаковой созерцательной задумчи-

востпи, видишь онъ однажды предъ собою странную чету. Двѣ женщины явились ему: одна спарая, наморщенная, изувѣченная, подпершая клюкою, дряхлая, какъ немощь и непріятная для глазъ, какъ безобразіе; другая свѣжая, молодая, спройная, съ легкимъ спаномъ, съ голубыми ясными очами, съ миловидною головою на круглой, прямой, бѣлой шеѣ, копорая вмѣсто ожерелья обнизывалась мѣлкими свѣсплорусыми кудрями. Она была вся прекрасна, какъ улыбка невинности и чиста, какъ слеза сердечная. Кіпо вы: спросиль ихъ Зунбаръ такимъ языкомъ, котораго слова понятны, но неслышны, какъ слова чловѣка, разговаривающаго умственно съ самимъ собою. Кіпо вы? « Мы родныя сестры: » отвѣчала младшая. « Мы пущены въ міръ чловѣковъ, чшобъ ходишь по землѣ одной

» »

за другою; она (указывая на спаршую) для того, чтобъ мучишь, а я, чтобъ утѣшаешь. Она всего лишаетъ; я все замѣняю. Видишь, какія у нея жесткія руки и на нихъ цѣпкіе желѣзные когти! Мои ладони ласковы, какъ шелковистость апласа, и мягки, какъ ланиша невѣсты, лобзаемая женихомъ ея. Ими лаская, я ублажаю, цѣлю, успокоиваю сердце, разперзанное ею. Она мучишь, какъ нечистая совѣсть; я успокоиваю, какъ голосъ ангела къ кающемуся грѣшнику. Она горька, какъ полынь; я сладостна, какъ прохладительное пиіе воспока. Она стоны и жалобы, я извлекаю изъ сердець человѣческихъ тѣ сладкія, тѣ возвышенныя чувства и тѣ чистѣйшія слезы, которыя души жизни собирають въ златые сосуды и приносятъ, какъ дань, какъ лучшую жершву, предъ густоопламеннымъ

престоль Наднебеснаго. » Но для чего жь вы всегда вмѣшпѣ? Зачѣмъ ты, прекрасная, не бросишь своей безобразной?... Тогда старшая опвѣчала: « Зунбаръ, ты спяжалъ мудрость, но не получилъ еще ключа разумнїя. Въдай: такъ постановлено свыше... Безъ меня сестра моя была бы только существомъ умственнымъ; примѣ она дѣйствительна. Не знали бы цѣлебной сладости врачевства, когда бы не было огорчительной скорби и болѣзни. Истинную цѣнность придаю сестрѣ моей я. Безъ меня люди многое бы забыли и лишились бы счастья облагороживать существо свое пѣмъ высокимъ ощущенїемъ, которое даруетъ она. Однимъ словомъ, кто рѣшился не гнущаться моимъ безобразїемъ, къ тому близка будешь и ея красота; ибо гдѣ я, тамъ и она. » Онѣ говорили еще многое и нако-

ицѣ сказали свои имена на нѣкоемъ
восточномъ нарѣчїи. Звуки сего на-
рѣчїя покажутся, можетъ быть, стран-
ными для европейскаго слуха, а по-
тому я и означаю имена обѣихъ въ
переводѣ: первая понашему значить
Нищета, вторая Жалость.

Ө. Глинка.

Ф И Р Д О У С И.

. . . . . Jamais roses de poésie,
Trésors charmants de grâce et de fraîcheur,
De tels parfums n'embaumèrent l'Asie!

Millevoye.

Можетъ быть, не только произведе-
денія и любопытныя подробности
жизни Персидскаго Омера, но и са-
мое имя его не вѣсь еще у насъ из-
вѣстно. Между тѣмъ въ западной Евро-
пѣ многіе литераторы такъ же за-
нимаются нынѣ восточною слова-
сностію, какъ прежде всѣ занима-
лись греческою и латинскою. Вѣроя-
тно и наши знапки восточныхъ язы-
ковъ скоро познакомятъ насъ съ зна-
менитою Ша Наме, поэмою Фирдо-

уси. Его жизнь такъ необыкновенна и занимательна, что онъ самъ можешь быть предметомъ поэмы. Мильвуа его имѣлъ въ виду, когда писалъ прекрасную свою элегію: *Le tombeau du poëte Persan.*

Фирдоуси жилъ въ половинѣ XI столѣтія по Р. Х. Онъ родился въ городѣ Тузѣ. Отецъ его былъ садовникъ. Первыми познаніями поэзи онъ обязанъ былъ учителю своему Эсседи, котораго, по смерти Фирдоуси, дописалъ и поэму его Ша Наме. Спраный рассказываетъ случай, какъ открылись дарованія сего поэта.

Въ 1055 году Персія должна была признать надъ собою власть славнаго завоевателя Махмуда, султана турецкаго. Онъ утвердилъ свое мѣсто-пробываніе въ Газнѣ. Его владѣнія просіпирались отъ Эвфрапа до Инда. Сей государь, прозванный Гази, при-

надлежишь къ числу знаменитѣйшихъ владыцелей востока. Сила оружія доспавила ему власть надъ племенемъ чуждымъ: но онъ хотѣлъ любовію привязать къ себѣ новыхъ подданныхъ. Ему извѣстна была ненависть Персовъ къ прежнимъ ихъ обладателямъ, Сарацинамъ. Чтобы не внушить въ нихъ и къ себѣ подобнаго чувства, онъ началъ изъяслять совершенное уваженіе къ ихъ законамъ, обычаямъ, исторіи, а особенно къ ихъ языку.

На воспокѣ во всѣ времена власть государей много зависѣла отъ образованнѣйшаго званія гражданъ, кошорые, присвоивъ себѣ исключительное право на обладаніе науками, приводили простой народъ въ изумленіе тайнами своихъ познаній. Махмудъ собралъ всѣхъ мудрецовъ Персіи, окружилъ себя ими и приказалъ своимъ полководцамъ и воинамъ изъяслять

имъ всѣ почести. Въ ихъ бесѣдахъ потерпнулъ онъ свѣдѣнія о новомъ своемъ опечествѣ, о духѣ правленія предвѣстниковъ своихъ и воспламенился прекрасною мечтою зашмишь ихъ бранную славу славою мира и благоденствія подданныхъ. Онъ былъ тогда въ лучшемъ цвѣтѣ лѣтъ. Поэзія на него дѣйствовала, какъ весеннее солнце на растенія. Миротворецъ враждебныхъ племень, воскреситель падшихъ законовъ, поклонникъ истины и мудрости достоинъ былъ пѣсней музъ. Махмудъ самъ чувствовала это. Въ собраніи просвѣтителей народныхъ, философовъ и поэтовъ, торжественно объявилъ онъ, что ему было бы пріятно, если бы кто изъ нихъ вдохновеннымъ произведеніемъ увѣковѣчилъ время его царствованія. Всѣ поэты совокупились для исполненія воли монарха. Анзари

быль избранъ ихъ главою. Но величіе предмета превышало всеобщее усердіе. Духъ пѣснопѣнія свободенъ и не подвластенъ ничьему призванію.

Питомцы музъ, сопровождаемые учипелемъ своимъ Анзари, вышли однажды за городъ. Полдневный зной принудилъ ихъ искать отдохновенія въ прохладной пещерѣ. Тамъ предались они любимому занятію восточныхъ поэтовъ. Въ свободное время обыкновенно между ними начинается поэпическая игра. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ четверостишіе, принадлежащее къ такъ называемымъ *робои*. Въ немъ каждый стихъ долженъ соспоять изъ отдѣльной мысли, копорыя бы отъ перваго до послѣдняго стиха постепенно усиливались. Всѣ стихи оканчиваются на одну риему и заключаютъ въ себѣ по четыре спопы изъ шрехъ слоговъ: корошкаго и

двухъ долгихъ. Анзари произнесъ первый стихъ. После нѣкотораго молчанія спаршій изъ учениковъ его отвѣчалъ вторымъ. Найдень былъ и третій стихъ, хотя по долгомъ молчаніи: но четвертаго не могъ приискать никто изъ всего собранія. Между тѣмъ, какъ они, предавшись размышленію, сидѣли въ тишинѣ, Анзари увидѣлъ предъ собою незнакомаго юношу. Никто не примѣшилъ, какъ онъ вошелъ въ пещеру. Онъ былъ черноволокъ, лицомъ смугль, но глаза его сіяли, какъ звѣзды; одѣтъ, какъ охотникъ; за плечами висѣлъ у него лукъ. Молодой человекъ спросилъ у нихъ, о чемъ они думаютъ. Анзари, прочитавъ ему при первомъ стиха своего робои, сказалъ, что никто изъ нихъ не можетъ найти четвертаго. Юноша вдругъ его сказалъ. Они всѣ были поражены силою и благо-

звучіемъ его. Тогда Анзари повель пришельца въ Газну, предспавиль Махмуду и объявилъ, что одинъ эпошь молодой человекъ въ состояніи написашъ такую поэму, какой ожидалъ ошь нихъ царь. Восхищенный монархъ общалъ ему въ награду шесть *золотыхъ* пемь.

Эпошь юноша былъ Фирдоуси. Призванный государемъ, онъ оставиль Тузь и поселился въ Газнъ, гдѣ царскіе черпоги замѣнили ему скромную хижину бѣднаго его родителя. Любимецъ монарха скоро почпень былъ всѣмъ народомъ. Прекрасная душа его, казалось, получила новый блескъ на высотѣ счастія. Свободный ошь пягостныхъ, часто убійственныхъ для дарованія, забошь жизни, исполненный высокаго своего предмета, дыша одною поэзією, Фирдоуси предался своему заняшію со всѣмъ жа-

ромъ юноши. Придворная жизнь не разслабила полудикаго воспитанника музы и природы. Посреди изобилія онь сохранилъ всю свѣжесць своихъ чувствованій. Онь любилъ великолѣпіе, какъ очаровательные вымыслы воображенія, какъ роскошныя картины своей восточной природы. Всѣ вельможи и близкіе къ государю не только не завидовали прекрасной судьбѣ его, копорой онь былъ достоинъ, но чувствовали къ нему какое-то неизьяснимое уваженіе, какую-то особенную любовь, похожую на впечатлѣніе, какое остается въ душѣ нашей при разсматриваніи совершеннѣйшаго произведенія скульптуры, или живописи. Этошъ періодъ жизни Фирдоуси безъ сомнѣнія былъ счастливѣйшимъ.

Махмудъ, по обыкновенію восточныхъ владышелей, спарался окружить

престоль свой всѣмъ, что только было блистательнѣйшаго въ обширномъ его государствѣ. Опроки изъ знатнѣйшихъ домовъ Персія соспавляли его услугу. Приближая къ себѣ ихъ съ дѣтства, осыпая своими милостями, онъ съ удовольствіемъ приготавливалъ въ нихъ будущихъ себѣ помощниковъ правленія. Его любовь къ нимъ доходила до приспрасія. Не въ правѣ ли былъ онъ ожидать отъ нихъ всей къ себѣ привязанности? Между тѣмъ одинъ изъ сихъ опроковъ, болѣе прочихъ любимый своимъ государемъ, болѣе всѣхъ пользовавшійся его милостями, началъ показывать совершенное къ нему хладнокровіе и пренебреженіе къ его благодѣяніямъ. Пылкое воображеніе молодаго челоука обольстилось славою поэзіи. Фирдоуси сдѣлался предметомъ его удивленія. Опрокъ посвящалъ ему каждую

мину́ту свободнаго своего времени. Въ его бесѣдахъ находилъ онъ чистѣйшія наслажденія. Наконецъ онъ готовъ былъ сдѣлаться рабомъ его, лишь бы неотлучно при немъ находился: онъ забылъ все свои обязанности и отношенія къ государю.

Слѣдствія сего ничтожнаго, по видимому, обстоятельства, очень важны были для Фирдоуси. Самолюбіе Махмуда оскорбилось. Можетъ быть, не столько ревность, сколько зависть овладѣла имъ. Онъ чувствовалъ, что неожиданное спеченіе подобныхъ случаевъ легко испребитъ все плоды его предусмотрительности. Всего непріятнѣе было то, что врагъ его не подалъ противъ себя никакого видимаго оружія. И такъ чувство мщенія должно было оставаться тайнымъ.

По испеченіи нѣсколькихъ лѣтъ зна-

менишый трудъ поэта приближался уже къ концу. Махмудъ Гази, герой поэмы, превознесенъ былъ въ ней выше всѣхъ владыкъ Азін. Послѣдовала награда. Царскіе послы предстали передъ пѣвцомъ, когда онъ шель изъ ванны. Но какъ Махмудъ исполнилъ свое обѣщаніе? Онъ прислалъ Фирдоуси шесть *серебряныхъ* шемъ. Оскорбленный поэтъ двѣ изъ нихъ отдалъ невольнику за омовеніе, двѣ за выпитую имъ чашку шербега, а остальныя Махмудовымъ посламъ. Въ жару негодованія своего Фирдоуси написалъ самыя обидныя стихи на монарха и скрылся изъ Газны.

Государь, узнавши о всемъ, началъ раскаяваться въ своемъ поступкѣ. Онъ дорожилъ числотою славы своей. Ему казалось, что современники и потомки были уже противъ него. Желая примириться съ оскорбленнымъ поэ-

помъ, онъ разослалъ за нимъ повсюду въ своемъ государствѣ. Прошло довольно долго времени въ тщетныхъ поискахъ. Наконецъ нѣкоторые изъ посланныхъ прибыли въ Тузь. Тамъ объявили имъ, что Фирдоуси скрывается въ домѣ отца своего, который жилъ за городомъ. На девяти верблюдахъ привезены были драгоценные подарки, назначенные Махмудомъ пѣвцу славныхъ дѣлъ его. Посланные отъ царя встрѣчены были садовникомъ у дверей его хижины. Они объявили ему, что государь прислалъ дары Фирдоуси и проситъ его опять возвратиться къ нему во дворецъ. Отецъ поэта пригласилъ ихъ въ садъ свой и ввелъ въ бесѣдку. На полу ея разостланъ былъ коверъ, а сверхъ него лежало покрывало. Садовникъ спросилъ ихъ въ другой разъ: кого они ищутъ? Посланные произнесли имя

Фирдоуси. Онъ поднялъ съ ковра покрывало, и предстоявшіе увидѣли, что пѣвецъ лежалъ предъ ними мертвый. Щедроты царскія не воскресяшь его, сказала садовникъ, и обливаясь слезами, склонился на гробъ сына своего. Онъ ничего болѣе не могъ сказать присутствовавшимъ.

Это печальное извѣстіе поразило сердце чувствительнаго государя. Онъ долго оплакивалъ кончину пѣвца своего и хотѣлъ излишь свои милосерди на сестру его; но она отвергнула всѣ предложенія, осталась безбрачною и кончила жизнь близъ гроба милаго брата.

---

* *

ВОЖАТЫЙ.

Однажды въ сумерки, когда я находился въ бездѣйственной задумчивости между сномъ и бдѣніемъ, Онъ явился ко мнѣ. Черезъ затворенную дверь вошелъ онъ въ комнату, схватилъ меня за руку и широкими шагами повелъ, все прямо, въ далекій путь. Мы подходили къ лѣсамъ: они предъ нами разступались; приближались къ сѣнямъ: онѣ раздвигались; мы взлѣпали на горы, спускались въ пропасти земныя: вездѣ намъ мостились мосты, вездѣ ожидали челноки самоходы..... Чудесный вводилъ меня даже во внутренность огромныхъ камней, подъ поддоніе рѣкъ и по-

казывалъ составъ деревь подь ихъ,
корою..... Повсюду жизнь и бышїе ;
вездѣ я видѣлъ духъ жизни : онъ разви-
валъ нѣжные спелельки цвѣшовъ ; онъ
двигалъ жизнь по грубымъ жиламъ гра-
нита ; онъ пролеталъ , какъ молнїя ,
нѣдра земли и зараждалъ металлы.....
Я видѣлъ таинства природы и тай-
ныя общесїва человеквь : все обо-
шелъ , обленѣлъ , видѣлъ , не зная самъ ,
кто былъ мой вожапый , крылапый , какъ
Меркурїй . И теперь друзья говорятъ
мнѣ : ты былъ водимъ *воображенїемъ* .

Ө. Глипка.

РУССКІЕ ПОКЛОННИКИ
ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

*Отрывокъ изъ путешествія по Греціи
и Палестинѣ, въ 1820 году.*

Кто не бывалъ на морѣ, тотъ не легко повѣришь, чтобы прекрасный лѣпнѣй день могъ иногда казаться неспособнѣе зимней непогоды. Но мы узнали сіе на опытъ во время скучнаго перѣзда отъ Родоса до Яффы. Безвѣтріе застигло насъ въ виду крѣпости Кастель-россо, на берегу Караманскомъ, и мы цѣлые пять дней не могли двинуться съ мѣста. Все въ природѣ упомяло взоръ единообра-

зіемъ: съ утра до вечера море свѣш-
 лѣлось какъ зеркало, а небо было без-
 облачно. Несперпимый жаръ и духо-
 нта въ каютѣ, налящій зной на па-
 лубѣ (гдѣ расплавленная смола текла
 по доскамъ и канатамъ), печальный
 спукъ парусовъ о мачины, вселяли въ
 насъ уныніе и заставляли жалѣть о
 буряхъ, съ коими боролись мы въ са-
 мыхъ сихъ мѣстахъ, на пути изъ Еги-
 пта въ Морсю... Не такъ ли иногда,
 послѣ бури страшней, въ дремотѣ
 нравственной и съ отвращеніемъ ко
 всему, что прежде насъ плѣняло, жа-
 лѣемъ о сильныхъ горестяхъ, потря-
 сающихъ бытіе, но возвышающихъ
 душу!.. Наконецъ легкой вѣтсерокъ по-
 могъ намъ войти въ пристань Ка-
 спель-россо, гдѣ мы съ ипродомъ за-
 паслись гнилою водою. Крѣпость по-
 строена на маленькомъ утесистомъ
 оспровѣ, какъ бы опорванномъ отъ

твердой земли, и жишелли должны
 издалека доставать нужное для пищи.

Мы еще проспояли болѣе сушокъ
 прошивъ южнаго мыса Кипрскаго
 (cap Gatte), въ ожиданіи попутнаго
 вѣтра. Сильное морское печеніе вле-
 кло корабль на западь и отдаляло
 насъ отъ желанной цѣли. — Берегъ Си-
 рійскій открылся не прежде 20 Ав-
 густа: сперва показалась влѣвъ вер-
 шина Кармила; потомъ, прямо пе-
 редъ нами, бѣловатое поморіе Кеса-
 рійское, и вправѣ цѣпь высокихъ горъ
 близъ Іерусалима. Съ умиленіемъ и
 жаднымъ любопытствомъ смотрѣли
 мы на сію землю, споль важную въ
 исторіи рода человѣческаго, обильную
 чудесами и событіями великими, ко-
 лыбель Христіанской вѣры; на зем-
 лю, гдѣ живуть преданія Ветхаго и
 Новаго Завѣша, гдѣ каждый холмъ,
 каждая дебрь, каждая развалина, гово-

рять о дѣлахъ Пророковъ и зна-
менистыхъ вишязей.

Весь оный край, отъ Сура (древ-
няго Тира) до Газы, очень опасень
для судовъ въ бурное время года; а
Греческіе кормчіе, исключая смѣлыхъ
островишянь съ Идры, Псары и Спец-
цин, тогда были вообще неискусные
мореходцы внѣ Архипелага. Къ сча-
спію нашъ *каравокиръ* (хозяинъ суд-
на), родомъ изъ Скіаѳо, уже нѣсколь-
ко разъ привозилъ поклонниковъ въ
Яффу, и швердо зная сіи мѣста,
взялся провести корабль на рейду,
даже ночью. Онъ сдержалъ слово, и на
разсвѣтѣ бросилъ якорь верстахъ въ
двухъ отъ города. Мы съѣхали съ нимъ
на берегъ въ небольшой лодкѣ, про-
бираясь между огромными камнями, о
кои разбивались волны съ ревомъ, и
пошли отдыхать въ Греческій *ме-
тохъ* (подворье), гдѣ были гостепрі-

имно встрѣчены Проигуменомъ. Черезъ него отправили въ Иерусалимъ къ Епископамъ (Намѣстникамъ) грамоту *блаженнѣйшого* Патріарха Поликарпа (*), извѣщавшую ихъ о нашемъ посѣщеніи.

Яффа (древняя Іоппія) была некогда средоточіемъ торговли между Палестиною, Египтомъ и ближними островами. Нынѣ, въ безопасное и тихое правленіе Турковъ, пристань занесена песками и оживляется только во время проѣзда поклонниковъ. Городъ

(*) Патріарха Константинопольскаго именуютъ по Гречески *Рессвятѣйшимъ* (*πρωτεύωντος*), а прочихъ *Блаженнѣйшими*. — Вотъ, для любопытныхъ, полное шипло Первосвященителя Иерусалимскаго: «*Блаженнѣйшій и святѣйшій Отецъ и Патріархъ святого града Иерусалима и всей Палестины, Сиріи, Аравіи за Иорданомъ, Каны Галилейской и святого Сіона.*»

построены уступами, почти весь из песчаного камня съ глубокимъ рвомъ и стѣною, примыкающею съ обѣихъ сторонъ къ морю; улицы тѣсны, а дома некрасивы и какъ бы подавлены плоскими кровлями. Но окрестности, по дорогѣ къ Иерусалиму, прекрасны: опъ самыхъ воротъ идутъ большіе сады и виноградники, славимые всѣми путешественниками.

Мы нашли жителей въ смященіи и страхѣ. Новый Паша Акрскій (опъ коего записишь Яффа), Абдулла, забывъ важныя услуги, оказанныя ему Евреемъ Ханмомъ, велѣлъ умершвишь сего несчастнаго и бросишь трупъ въ море: всѣ иновѣрные, Греки и Мусульмане, сожалѣли о незаслуженной казни чело-вѣка, имъ благодѣпельствовавшаго (*).

(*) Ханмъ пользовался довѣренностію прежнихъ Пашей, Деззара и Солеймана; но,

Въ тоже время опрядь войска внезапно окружилъ городъ Сафетъ, обитаемый Евреями, и насильственно собралъ съ нихъ дань, равную десятилѣтней подапи. Турки и чужестранные купцы не укрылись ошь прищѣ-

---

прогнѣвавъ нѣкогда перваго, лишился ушей и носа. Одинъ изъ Европейскихъ Консуловъ совѣтовалъ ему, въ дружескомъ разговорѣ, удалиться въ какое-либо Христіанское государство, гдѣ пріобрѣтенныя имъ богатства (добыча его убійцы!) доставили бы ему средства кончить дни свои въ изобиліи и покоѣ. «Богатства? прервалъ Хаимъ: ахъ, а уже ли думаете, что можно здѣсь оспавашься тому, у кого есть кусокъ хлѣба!» — Говоря такимъ образомъ, онъ обманывалъ себя или другихъ. Не скупость удерживала его въ землѣ, гдѣ собственность и жизнь каждаго въ непреспанной опасности; но сила привычки, слѣпая вѣра въ предопредѣленіе и какое-то врожденное равнодушіе, составляющія отличительную чершу въ характерѣ восточныхъ народовъ.

сией; Европейскіе Консулы, люди малозначущіе и робкіе, не смѣли прошивиться, и всѣ начальства препешали предъ новымъ правителемъ, коего незаконное самовластіе и свирѣпство грозили Палестинѣ впорымъ Джеззаромъ. Но для насъ обстоятельство сіи были благопріятны. Мусселимъ (Губернаторъ) Яффскій, боясь подати поводъ къ жалобамъ, принялъ немедленно мѣры къ охраненію насъ отъ всякаго безлокойства до самаго Іерусалима, и строго запретилъ Арабскимъ Шейхамъ требовать обычный *кафаро* т. е. подорожные сборы, отъ коихъ Россійскіе подданные освобождены VIII статьею Кайнарджійскаго мирнаго договора.

Доставъ, за умѣренную цѣну, нужныхъ намъ лошадей и вельблюдовъ, мы отправились изъ Яффы 22 Августа, передъ вечеромъ, въ сопровожде-

нія Мусселимскаго чиновника и мо-
 насшырскихъ Драгомановъ, и ѣхали
 прекрасною Саронскою долиною до
 Ремли (древн. Аримаѳи): тамъ про-
 были нѣсколько часовъ, ожидая восхож-
 денія мѣсяца. Отъ сего города рав-
 нина возвышается непримѣнно до по-
 дошвы горъ Иудейскихъ, бесплодныхъ и
 населенныхъ малолюдными племенами
 хищныхъ Аравлянъ. Вспутивъ въ ущелія,
 мы увидѣли другую природу: мѣста ди-
 кія, гдѣ почти нѣтъ слѣдовъ человеческой
 дѣятельности, гдѣ поросшія кустарни-
 комъ развалины показываются изрѣд-
 ка на холмахъ, какъ гробы времени
 минувшихъ. Дорога, каменная и
 трудная, но извивается по крупиз-
 намъ, но спускается въ глубокіе овраги,
 на дно пересохшихъ потоковъ. Видъ
 сей пустыни, весьма живо и вѣрно
 описанной Шатобрианомъ (*Itinér. de
 Paris. à Jérusalem, part. III.*), вливаетъ

въ душу уныніе: тамъ свистъ въпра и пронзительный лай чакаловъ заглушаютъ крикъ проводниковъ и шополъ конскій.

При въздѣ въ бѣдную Арабскую деревушку, верстахъ въ 15 ошъ Іерусалима, насъ остановили именемъ Шейха Абу-Гоша, грозы поклонниковъ, съ усильною просьбою зайди къ нему для отдохновенія. Мы нашли его на маленькомъ дворикѣ, сидящаго въ тѣни, на рогожахъ, и окруженнаго старѣйшинами его племени. Всѣ приняли насъ очень ласково. Абу-Гошъ хвалился знакомствомъ съ Англійскою Королевою, супругою Георга IV, и слаеннымъ Сиднеемъ Смитомъ (*), по-

---

(*) Кромѣ подарковъ, Сидней Смитъ оспавилъ Шейху ошпискъ большой печашы, на коей было вырѣзано нѣсколько Арабскихъ словъ, изъ Корана, въ похвалу Хрисціанамъ, ихъ усердію къ молишвѣ, и проч.

казывалъ полученные отъ нихъ подарки — съ явнымъ намѣреніемъ возбудить и нашу щедрость — и угостивъ дружелюбно, пустился провожать караванъ за деревню. Онъ сидѣлъ на прекрасной лошади и управлялъ ею съ опмѣннымъ проворствомъ; при спускѣ въ Теревинскую долину, бросился на весь скаку съ круизны, не пошатнувшись въ сѣдлѣ и безпрепятственно понуждая коня широкими и оспрыми спремьями. Прощаясь, обѣщавъ посѣтить насъ въ *Кудсъ-шерифъ* (*), клялся не обижать никогда Русскихъ путешественниковъ и про-

---

(*) *Кудсъ-шерифъ*, т. е. знаменитая святыня или очищеніе: такъ Мусульмане называютъ Іерусалимъ, разумѣя сей городъ мѣстомъ очищенія отъ грѣховъ, и ставя повни на ряду съ Меккою и Мединою. Еще зовутъ его *Бейтъ-уль-мукаддесъ* — домъ святой.

силъ замолвить за него доброе слово страшному Пашѣ Акрскому.

Не лзя вообразить ничего печальнѣе окрестностей Иерусалима: горы, стремнины, овраги, безъ зелени, почти безъ деревьевъ, засыпанные вездѣ на четверть круглыми камнями; казалось, что каменный дождь ниспалъ съ неба на сію преступную землю. Около полудня, упомянутые зноемъ, мы поднялись на высоту, и увидѣли передъ собою рядъ зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, не окруженныхъ ни предметами ни разбросанными хижинами, и какъ бы воздвигнутыхъ среди пустыни. При первомъ взглядѣ на сіи древнія стѣны, — городъ Давида, Ирода и Годфреда — тысячи воспоминаній, одно другаго живѣе, одно другаго священнѣе, тѣсняся въ душу. Пусть холодные умы смѣются надъ восторгами поклонниковъ! Здѣсь, у по-

дошвы Сіона, всякъ Христіанинъ, всякъ вѣрующій, кто только сохранилъ жаръ въ сердцѣ и любовь къ великому !

Предваренные изъ Яффы Греческіе монахи встрѣпили насъ у западныхъ воротъ (*Бабъ-уль-Халиль*), привѣтсвуя ошъ имени вшораго Елипропа, Проконія (старшій, Архіепископъ Пепры Аравійской, былъ тогда въ своей Епархіи), и провели въ назначенный намъ монашырскій домъ, близъ Патриархіи и храма Воскресенія. Въ семь гостепріимномъ убѣжищѣ доставили намъ возможныя удобствва, и мы въ полной свободѣ занялись поклоненіемъ свяшынъ и обзорніемъ всего достопаднаго примѣчанія въ городъ и внѣ онаго.

Не стану описывать того, что было много разъ описано учеными и внимательными путешественниками— о чемъ такъ много спорили и продол-

жають спорить, изъясняя различно сказанія древнихъ. Каждый шагъ въ новомъ Иерусалимѣ измѣреть; но обширность стараго еще подвержена сомнѣнію, и положенія нѣкоторыхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ Ветхомъ Заветѣ и Евангеліи, не опредѣлены удовлетворительно. Мы знаемъ, что новый городъ занимаетъ только часть прежняго, разрушеннаго Титомъ въ 71 году по Р. Х. Иосифъ Флавій (de Bell. Jud. VI. 6) утверждаетъ, что окружность стѣны составляла 33 стадіи; нынѣ содержитъ она, по свидѣтельству Маундреля, только 4630 обыкновенныхъ шаговъ, или съ небольшимъ три версты. Иные критики, стараясь согласить мѣстные наблюденія съ текстомъ Иудейскаго историка, убавляютъ мѣру его стадій; другіе просто обвиняютъ его въ невѣрности и увеличеніи— хотя опытомъ доказа-

* *

но, что не лъзя такъ легко осуждать древнихъ писателей, и что новѣйшія, почныя изысканія часто подтверждали ихъ извѣстія, казавшіяся намъ баснями. Любопытные могутъ имѣть понятіе о доводахъ, на коихъ основаны разныя мнѣнія ученыхъ о положеніи горы Сіонской, Голгофы и проч. прочитавъ разсужденіе Данвиля (Sur l'étendue de l'anc. Jérus. et de son temple) и статью Риппера (Allgem. vergleich. Geographie, III Abth. § 31). Шатобрианъ слѣдуетъ во всемъ первому (*).— Избѣгая напрасныхъ повторовъ,

---

(*) Вообще извѣстія Шатобриановы о нынѣшнемъ Іерусалимѣ столь же почны, сколько его записки о Греціи невѣрны и поверхностны. Мы сами видѣли тому не одинъ примѣръ въ Моревъ. Докшоръ Авраміюши, съ коимъ онъ познакомился въ Аргосѣ, написалъ цѣлую книгу въ опроверженіе его *Путешествіи* и, по большей части, укоряетъ справедливо. Но удѣлъ Авраміюши — забвеніе; а многіе отрывки Ша-

я предложу Русскимъ чипашелямъ нѣсколько собственннхъ замѣчаній о нынѣшнемъ соспоянїи главныхъ мѣстъ поклоненїя, и о жизни нашихъ соотечественниковъ въ Іерусалимѣ.

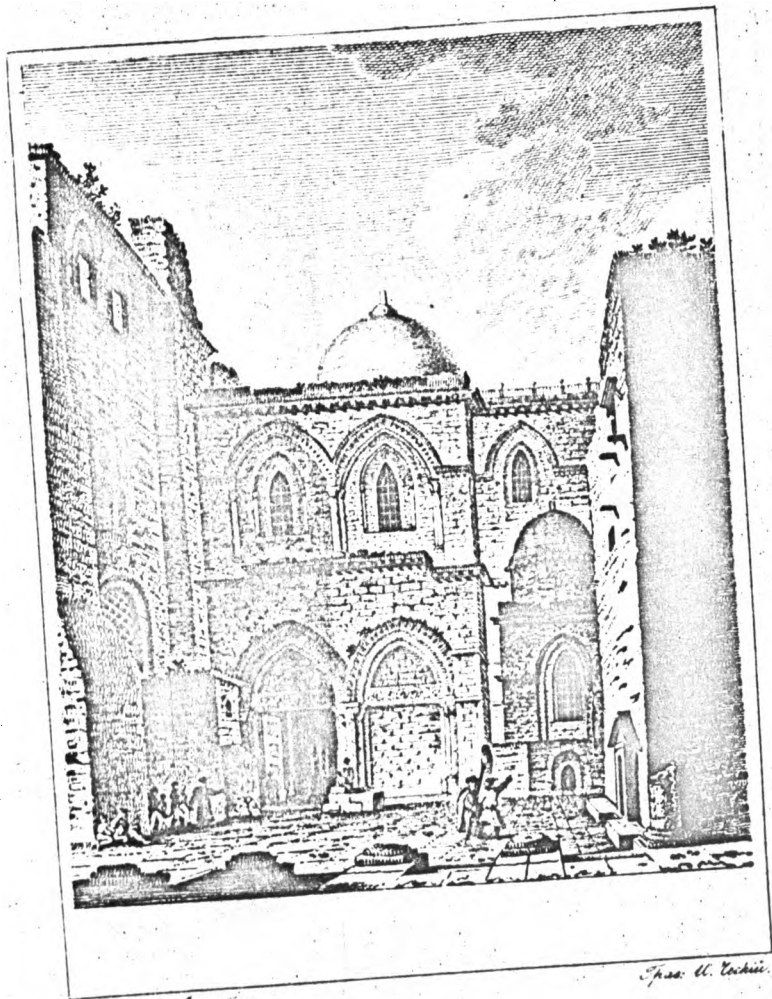
Важнѣйшая для Хрисіанъ святыня, Гробъ Господень, заключена въ спѣнахъ большаго храма Воскресенїя, сооруженнаго св. Еленою около 326 года. Напрасно сомнѣвались въ подлинности сего памятника: множество сильныхъ доказательствъ удостовѣряетъ, что Хрисіане, въ продолженіе первыхъ шрехъ вѣковъ, сохраняли вѣрное свѣдѣніе о мѣстѣ спрданїя и погребенїя Спасителя. Они, по словамъ Гиббона « означили ееатрѣ « каждаго доспопамятнаго дѣйствїя,

---

побріановы, пребываніе въ Палестинѣ, исторїя Карлагена и особливо смерть св. Лудовика, останутся навсегда въ памяти у каждаго, кто умѣетъ цѣнить изящное.

• слѣдую несомнишельному преданію » (IV, 101. См. вышепом. Dissert. sur l'anc. Jérus. и Шапобр. Mém. sur l'authenticité des tradit. Chrét.).—Сей храмъ былъ до половины разрушенъ пожаромъ , въ Октябрѣ 1807 года. Гробъ оспался невредимъ ; но кедровый куполь церкви , объятый огнемъ , упалъ на отваленный по воскресеніи камень и раздробилъ его ; Греческій *Каволиконъ* (Соборъ) и окружные придѣлы сгорѣли. Западная Европа, нѣкогда проливавшая рѣками кровь за обладаніе симъ свящилищемъ , равнодушно смопрѣла на его развалины. Одни Греки , въ рабствѣ и угнетеніи, собрали до семи милліоновъ левовъ (болѣе $4\frac{1}{2}$ милл. рублей), купили цѣною золота у Порты позволеніе и возобновили все зданіе на прежнихъ основаніяхъ , подъ надзоромъ престаго *Калфы*—самоучки-зодчаго. Спарии-

Thomas H. Sopwith.

Ipse. H. Lockie.

ки, дѣти, женщины работали изъ усердія, и многіе донинѣ ушѣщаются воспоминаніемъ, что носили землю при спроеніи храма. Такія пожертвованія, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, доставили нашимъ единовѣрцамъ право совершать литургію на св. Гробъ: право, утвержденное *хати-шерифомъ* (именнымъ указомъ) Султана Махмуда, но еще оспориваемое Католиками.

Вспунивъ въ церковь, поклонникъ съ негодованіемъ видитъ Турецкую стражу, жадно считающую входящихъ, для сбора положенной дани. Часто начальникъ оной, въ знакъ уваженія, идетъ передъ нимъ, даже въ олтари, показываяеъ чубукомъ мѣста святаго, или разгоняеъ шолпящійся народъ плетью!.. Шагахъ въ 40 отъ дверей, среди величественной ропонды, воздвигнута надъ Гробомъ Христовымъ

часовня (кувуклій) изъ желшовапаго мрамора, обращенная на воспокъ : въ ней сперва придѣль *Ангела*, а попомъ шѣсная пещера, гдѣ, по древнему обычаю, было положено шѣло на большомъ камнѣ, въ самой горѣ выстѣченномъ, и покрышомъ нынѣ мраморною доскою. Тридцать шесть лампадъ горятъ надъ нимъ день и ночь, въ опкрышомъ сверху куполѣ. На семь нешлѣнномъ жершвенникѣ совершается проскомидія; а при началѣ лишургіи сосуды переносятся въ придѣль, гдѣ часъ опваленаго Ангеломъ камня служишь престоломъ. Слѣны кувуклія, снаружи и внутри, украшаются шканями: поводъ ко многимъ ссорамъ между разными вѣроисповѣданіями!

На каждомъ шагу, въ семь храмѣ, находишь вѣрующій слѣды великаго дѣла искупленія. Здѣсь Хриспось былъ

обремененъ оковами и привязанъ къ столбу (*); здѣсь Онъ явился, по воскресеніи, Маріи Магдалинѣ и (если вѣришь преданію) скорбящей Матери; здѣсь узнавъ крестъ Его. Тамъ, камень помазанія, на коемъ шло Его было умащено ароматами и обвито плащеницею; придѣлы поруганія (impro-

(*) Отломокъ сего столба хранится въ придѣлѣ у Францисканскихъ монаховъ, за желѣзною рѣшеткою, такъ, что поклонники не могутъ цѣловать онаго, а только допрогивающся до него концемъ просши. Каптолики, въ оправданіе споль ненавистной предосторожности, говорятъ, будто бы Греки неоднократно старались похищить сію святыню. Греческіе духовные, съ своей стороны, обвиняющъ ихъ въ подобныхъ покушеніяхъ и сами берегутъ за рѣшеткою, подъ престоломъ, часть столба, на коемъ Спаситель былъ посаженъ воинами для поруганія.. *Illos intra muros rescatur et extra.*

реге), раздѣленія ризъ, благаго разбойника, Лонгина Сопника; гробы Іосифа и Никодима. — Вверху, на Голгоѣ, два маленькіе престола означаютъ, гдѣ пригвождали Спасителя къ древу, и гдѣ оно водружено было. Внизу, сходъ въ подземелье, въ коемъ Царица Елена нашла Крестъ, раскопавъ заваленную подошву холма... Тщешно Кесарь Адрианъ, во времена гоненій, старался присвоить сіи мѣста идолослуженію, воздвигнувъ испуканъ Венеры на Голгоѣ и Юпитера надъ Гробомъ Господнимъ. Сіи кумиры не привели святыни въ забвеніе, но еще болѣе сохранили память о ней до пришествія въ Іерусалимъ благочестивой Царицы, утвердившей знаменіе вѣры Христовой на развалинахъ язычества.

Наружныя стѣны церкви закрыты часпными домами и принадлежащимъ

Греческому монастырю спроеіемъ. Прежде было два входа; но одинъ, съ сѣверной стороны, закладень: остались только южныя врапа, называемыя *святыми*. Ключи въ рукахъ у Турковъ, кои опирають двери не иначе, какъ въ присущствіи *Мутевелли* (Надзирашеля), назначаемаго Акрскимъ Пашею, и Драгомановъ Греческаго, Каполическаго и Армянскаго. Тогда городскіе жители и поклонники всѣхъ исповѣданій обходятъ свободно разные придѣлы, но не могутъ служить молебновъ въ чужихъ отдѣленіяхъ. Нѣкоторыя, испросивъ позволеніе духовныхъ Властей, остаются на время во внутренности храма съ чередными монахами и священниками, и вмѣстѣ съ ними получаютъ пищу сквозь небольшія окна въ дверяхъ и въ сводѣ надъ главнымъ олшаремъ Греческимъ.

И мы провели въ семь священномъ

уединеніи нѣсколько дней, для меня
 незабвенныхъ. Все окружавшее воз-
 буждало въ моей душѣ неизъяснимыя
 чувства. Часто въ глубокую полночь,
 когда привыкшіе къ оному зрѣлищу
 монахи покойно спали въ келліяхъ, я
 стоялъ, облокотясь на подножіе стол-
 ба, среди большой церкви. Куполы,
 переходы и весь Греческій *Капол-
 конъ*, до самаго олшаря, скрывались
 во мракѣ; но святыя памятники были
 какъ бы опоясаны рядами неугасаю-
 щихъ лампадъ и казались свѣтлыми
 Оазисами въ темной дебри. Давно-ми-
 нувшее воскресало въ моемъ вообра-
 женіи: спрэданія Праведнаго; испоч-
 никъ жизни, отсюда излившійся, ко-
 гда скрижали Моисеевы уступили мѣ-
 сто новому Закону; торжествъ Кре-
 стоносцевъ, преклонявшихъ колѣна
 предъ великимъ *Гробомъ*, ихъ мечами
 освобожденнымъ; и вѣнчаніе Героя-

вождя діадимой изъ шерніа. Я смотрѣлъ на могилу Годфреда (*), и вдохновенная Тассова пѣснь гремѣла въ моемъ слухѣ!.. Къ утру сіи мечпанія прерываемы были благовѣспомъ въ деревянный колоколь: священники и діаконны мелькали какъ пѣни, съ курящимися въ рукахъ кадилами: гласы поющихъ ликовъ мѣшались со звукомъ органовъ, и хвала Божеству возносилась на разныхъ языкахъ, съ разными обрядами, но въ единомъ храмѣ...

Всѣ *мѣста поклоненія* раздѣлены между Греками, Каполиками и Армя-

---

(*) Напрасно спавялятъ въ вину Грекамъ поврежденіе гробницъ, воздвигнувшихъ во время Лапинскаго владычества надъ могилами Годфреда и брата его Балдуина. Сіи памятники испреблены пожаромъ; но мѣста ихъ означены кирпичными возвышеніями, и отъ самихъ Каполиковъ всегда зависѣло возобновить древніе гробы и надписи.

нами. Копты имѣють полько одинъ олшарь, приспроенный къ кувуклю; а Сиріане (Неспоріане), Грузины, Хабешы или Абиссинцы, и Марониты, о коихъ упоминается въ прежнихъ описаніяхъ, удалены изъ храма силою, либо уступили добровольно свои права другимъ народамъ. Каждый украшаетъ свою *собственность*, какъ хочешь; но тамъ, гдѣ владѣють вмѣстѣ два исповѣданія, число иконъ и лампадъ уступаетъ единожды навсегда съ согласія Турковъ. Порядокъ служенія и обряды также опредѣлены подробно особымъ положеніемъ — и съ того времени не стало одной, ближайшей причины къ раздору между Іерусалимскими Христіанами. Еще паянся въ сердцахъ взаимныя досады, и приносимое на украшеніе церкви золото еще распочається въ Акрь, Дамаскъ, Царьградъ, дабы вре-

дишь соперникамъ. По крайней мѣрѣ Главы духовенства, не преспасая обвиняшь другъ друга въ ежедневныхъ обидахъ, старающися не допускать монаховъ до явныхъ и соблазнительныхъ ссоръ, бывавшихъ нѣкогда у св. Гроба, къ прискорбію единовѣрцевъ.

Начало злу въ закоренѣлой ненависти каждаго исповѣданія къ другому, и въ желаніи овладѣть исключительными мѣстами, гдѣ кровь Спасителя пролипа за всѣхъ. Опъ самаго раздѣленія Римской церкви съ Константинопольскою, духъ смиренія и любви рѣдко управлялъ ихъ сношеніями. Въ глазахъ Крестоносцевъ, Греки едва ли не были хуже поклонниковъ Могаммеда; въ глазахъ Грековъ, Католики не имѣли права на имя Христіанъ (*). Наслѣдственная между ими

(*) Когда нынѣшніе Греки говорятъ о Христіанахъ, то всегда разумѣютъ себя или Рус-

злѣба не уменьшилась и нынѣ, особливо въ нѣкошорыхъ приморскихъ городахъ и на островахъ, подвласпныхъ Портѣ, гдѣ часть жишелей приняла догматы Римскіе. Каполикъ, обращенный въ православіе, подвергается Греками вшоричному крещенію. За то Каполикъ, женившійся на православной, долженъ бытъ разведенъ съ нею: такъ учили въ 1817 году, въ Смирнѣ, Европейскіе проповѣдники, рожденные въ землѣ просвѣщенія и терпимости! *Tantaene animis coelestibus irae?*

Ошносительно къ св. Гробу, объ

окихъ; Каполикѣвъ называютъ *Латинами, Франсами* или просто *Западными (oi Dytikoi)*. Въ шомъ же смыслѣ и Царь Іоаннъ Васильевичъ ошвѣчалъ Іезуину Поссевину; «Вѣра наша, Вѣра «Христіанская, изъ давныхъ лѣтъ была себѣ, а «Римская Церковь была себѣ» и проч. См. Спашейн. спис. и Исшор. Госуд. Росс. IX. 359.

сторонны основывающъ свои требова-
 нія на грамошахъ разныхъ Халифовъ
 и Султановъ, ошъ Омара до Махму-
 да II. Но Греки хопящъ равенства, а
 Католики — господства, ушвержда-
 ютъ, что сія свяшыня есть ихъ собствен-
 ность, и что имъ однимъ принадле-
 житъ ея храненіе. До самаго обнов-
 ленія великой церкви (*ἡ μεγάλη ἐκκλησία*,
 такъ называющъ храмъ Воскресенія),
 они не позволяли православнымъ слу-
 житъ въ кувукліи, и, даже послѣ из-
 даннаго въ 1815 году хаши-шерифа,
 старались возвратитъ себѣ ушрачен-
 ныя преимущества, пользуясь влія-
 ніемъ своихъ Посланниковъ при Пор-
 тѣ. Недостатокъ въ деньгахъ и на-
 чавшійся съ Армянами споръ за Ви-
 елеемскій храмъ принудили ихъ оспа-
 витъ въ покоѣ Грековъ и соблюдать
 сдѣланное положеніе. Въ силу онаго,
 Греки и Католики поочередно моющъ

и мѣшуть кувуклій и камень помазанія; имѣють равное число иконъ, лампадъ и подсвѣчниковъ, и равное право украшать стѣны покровами. Армяне лишены большей части сихъ выгодъ: у нихъ одна икона надъ дверями и нѣсколько лампадъ; во всѣхъ духовныхъ обрядахъ они занимають претіе мѣсто.

Каменные четверугольные столбы, окружающіе кувуклій, и переходы, верхніе и нижніе, также раздѣлены по часнямъ между всѣми исповѣданіями. На Голгоѣ, Каполикамъ принадлежишь южная сторона; а Грекамъ доспалась отъ Грузинъ сѣверная, гдѣ стоялъ Крестъ. Что касается до мѣста обрѣшенія онаго, то сей сводъ, тѣсный и полный сырости, еще въ спорѣ между ими. Первые не допускають шуда ставить чужихъ лампадъ, а послѣдніе жалуясь на умышленное

поврежденіе мраморныхъ досокъ, положенныхъ православными (*).

Но, порицая справедливо сіи распри, скажемъ, что образъ восточнаго судопроизводства много содѣйствуетъ къ продолженію оныхъ. Приговоры Кадіевъ основаны почти всегда на показаніяхъ свидѣтелей, особливо Мусульманъ: и попому каж-

(*) Мы пропускаемъ многія подробности, необходимые для того, кто желалъ бы имѣть точное свѣдѣніе о нынѣшнемъ положеніи храма: здѣсь онѣ были бы упоминательны и неясны. Надѣмся, что любопытство читателей будетъ скоро удовлетворено изданіемъ въ свѣтъ прекраснаго и полнаго плана *великой церкви*, снятаго на мѣсѣ Г. Академикомъ Воробьевымъ. Никто изъ новѣйшихъ путешественниковъ не имѣлъ для сего столько способовъ, и никто не могъ бы лучше ими воспользоваться. Къ его рисункамъ приложился описаніе главнѣйшихъ обрядовъ, исчисленіе иконъ и лампадъ каждаго исповѣданія, и проч.

* *

дый птяжущійся стараешся склонить на свою спорону спражей храма и почешныхъ жштелей Іерусалимскихъ. Дабы увѣришь ихъ въ несомнѣнности права, нужны *обыгай* и *давность*, кои въ глазахъ Турковъ важнѣе мершвыхъ грамошъ. Кто, на примѣръ, мешешъ и украшаешъ кувуклій, шощъ (по ихъ поняшямъ) владѣешъ онымъ: зная сіе, всякъ боится уступитъ сопернику и противишся упорно малѣйшей новизнѣ. Сверхъ шого, Паши, Мусселимы, Кадіи, непрешанно пишають между Христіанами вражду, для собственныхъ выгодъ. Покровишельствуя нынѣ однихъ, завтра обѣщають другимъ сильное заступленіе, и радуются умноженію жалобъ и доносовъ. Въ 1819 году Паша Дамаскій, главный правитель Іерусалима, позволилъ Армянамъ, за 60 тысячъ левовъ, прорубишь дверь близъ олшаря ихъ въ Ви-

елеемской церкви, къ великой досадѣ Каполикъ: а симъ вызвался опмѣнить, за меньшую цѣну, данное позволеніе. Ему не заплатили требуемаго — и дверь осталась опворенною. На слѣдующій годъ, ставъ опять лагеремъ передъ стѣнами города съ идущимъ въ Мекку караваномъ, онъ взялъ еще съ Армянъ 30 тысячъ левовъ, и въпорично предложилъ Каполикамъ тѣ же условія... Если правда, что законы и правительства образуютъ вездѣ народную нравственность, то безпристрастный наблюдатель долженъ въ духъ Турецкаго владычества искать вину осуждаемыхъ имъ пороковъ.

Трудно исчислить, чего стоить Иерусалимскимъ Христіанамъ мнимая терпимость Порты и снисходительность мѣстныхъ начальниковъ. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, Греки издержали на подарки въ продолженіи

одного только мѣсяца Августа 1820 до спа кошелевъ, ш. е. 50 тысячъ левовъ. Прибавимъ къ сему необходимые расходы на церковное строеніе, на Патріархію, и проч.— и мы увѣримся, что слухи о тайныхъ монастырскихъ сокровищахъ, будто бы ежегодно умножаемыхъ обильными подаяніями, столь же баснословны, какъ и повѣсть о неиспащенной кладовой Абулказема, въ Арабскихъ сказкахъ (*).—

(*) Въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи (Introduction aux Mémoires sur la Grèce de M. R.), въ коемъ многія любопытныя извѣстія перемѣшаны съ неправдами и напрасными ругательствами, повѣрена — хотя и не утвердительно — сказка о какомъ-то древнемъ сокровищѣ, въ Греческомъ монастырѣ св. Гроба. По словамъ Авшора, Сулпаны щедно хонгѣли узнать, гдѣ оно хранился, и овладѣть имъ; самъ Первосвященитель, бывая въ Іерусалимѣ, не смѣлъ требовать отчета у Казначея, избираемаго изъ надежнѣйшихъ монаховъ и пе-

Напротивъ того, монахи всѣхъ исповѣданій были въ наше время доведены до крайности. Каполики, рѣдко видая у себя Лашинскихъ богомольцевъ и получая изъ Рима весьма бѣдные пособія, лишились неожиданно въ Испаніи большихъ имѣній, захваченныхъ Кортесами. Греки едва могли уплачивать свои долги и содержать себя доходами съ принадлежащихъ св. Гробу земель и мешочковъ,

---

редающаго сію тайну своему преемнику... Можемъ увѣрить чашателей, что всѣ Игумены, Ризничіе, Казначей въ полной зависимости у Папріарха; что подаянія поклонниковъ и другіе церковные доходы собираются его Намѣстниками; и что въ монастырѣ нѣтъ иной кладовой, кромѣ Папріаршей. Въ тамошней ризницѣ мы видѣли нѣсколько серебряныхъ паникадилъ, Распятій, Евангелій и шипыхъ золотомъ плащеницъ, по большей части русской работы; но она уступаетъ въ богатствѣ многимъ Афонскимъ.

внѣ Палестины, и приношеніями православныхъ поклонниковъ. Сами Армяне, богатѣйшіе изъ всѣхъ восточныхъ Христіанъ, почти раззорились послѣ несчастія, постигшаго въ 1819 году единовѣрныхъ имъ Константинопольскихъ *Сарафовъ* (Банкировъ), изъ коихъ иные были казнены, а другіе сосланы въ започеніе, по указу Султанскому. —

Возвратимся къ нашему описанію. На юговостокъ отъ *великой церкви* нѣсколько развалинъ означаютъ *путь страданія* (via dolorosa), коимъ Спаситель шелъ отъ Претора до Голгофы: тамъ, ссылаясь на свидѣтельства святыхъ опцевъ и другихъ писателей, показываютъ дома Пилапа и благочестивой жены Вероники; жилище злаго богача; мѣсто, гдѣ Богоматерь встрѣтила Сына, несущаго крестъ; *врата суда*, которыми из-

водили на казнь преступниковъ за городскія сѣбны. Но въ семь отношеніи древнія преданія недостаточны: они дополняются баснями *мирхаджіевъ* (вожашыхъ) и собственнымъ воображеніемъ поклонниковъ. Тоже скажемъ о домахъ Архіереевъ Анны и Каіафы, св. Іоакима и Анны, о темницѣ Пешра Апостола, и проч. Время, многократныя плѣненія Іерусалима и тяжкое Мусульманское иго изгладили почти всѣ слѣды оныхъ второстепенныхъ памятниковъ Христіанства.

На томъ мѣстѣ, гдѣ, по общему мнѣнію, былъ преданъ смерти Апостоль Іаковъ, сооружена великолѣпная обитель, принадлежавшая попеременно Грузинамъ, Грекамъ и Армянамъ. Послѣдніе (какъ увѣряють) овладѣли ею насильственно при Первосвященствѣ Пансіи. Нынѣ состоитъ она подъ управленіемъ особаго Ар-

мянскаго Папріарха, независящаго ни ошь Эчмядзинскаго, ни ошь Константинопольскаго.—Симъ только пожертвованіемъ Греки могли удержатъ за собою главный свой монастырь, для нихъ гораздо важнѣйшій по смежности съ храмомъ Воскресенія. Въ немъ живутъ Епископы и угощаются богомольцы въ первые дни послѣ прїѣзда: малыя церкви и келліи разбросаны тамъ, безъ порядка, среди ошкрытыхъ сѣней и переходовъ; а подь ними устроены житницы для прокормленія множества иноковъ и православныхъ Аравлянъ (*).

(*) Кромъ Папріархія, у Грековъ есть въ городѣ еще нѣскольکو монастырей, мужскихъ и женскихъ, изъ коихъ примѣчанія достойны: Іоанна Предпечи, по красотѣ церкви и всего строенія; св. Николая, гдѣ заведено училище для Аравлянъ; св. Георгія, съ больницею и домомъ призрѣнія для стариковъ, и проч.

Обитель *Франговъ*, ш. е. Капюлицеская, въ рукахъ у монаховъ ордена Францисканскаго. Начальствующій оною именуется *Хранителемъ св. Гроба* и обыкновенно смѣняется каждое трехлѣтїе.

Изъ древнихъ зданій, внутри стѣнъ, особенно привлекають любопытство путешественниковъ укрѣпленный замокъ, называемый *домомъ Давидовымъ*, и славная мечеть *Омарова*. Первый, по мнѣнїю *Данвиля*, стоитъ на помъ мѣстѣ, гдѣ была твердыня Царя-псалмопѣвца, а въ послѣдствїи башня *Псефина*, съ коей, при восхожденїи солнца, взоръ достигалъ до предѣловъ Аравїи, до моря и до отдаленнѣйшаго края земли *Иудовой* (Иос. Флав. VI. 6). Видъ изъ нынѣшняго замка обнимаетъ всѣ окрестности: въ промежуткахъ и за вершинами ближнихъ каменистыхъ холмовъ

возвышается другой рядъ горъ, столь же бесплодныхъ: на иныхъ примѣшны ошатки старинныхъ башень и обрушающіеся минареты.

Мечеть воздвигнута на горъ Моріи, отдѣленной отъ Сіона глубокою лощиною — на самыхъ основаніяхъ Соломонова храма, возобновленнаго Зоровавелемъ и въ конецъ разрушеннаго Титомъ. Развалины покрывали сіе мѣсто во времена гоненій на Церковь Апостольскую, и во время порожества ея. Когда же Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ и искалъ, гдѣ бы начать строеніе своей мечети, то Греческій Патріархъ Софроній, боясь лишиться Гроба Господня, указалъ побѣдителю на Морію. Халифъ Ель-Уалидъ довершилъ сіе зданіе, образецъ Арабскаго художества, подобное (говорить Шапобріанъ) *шатру, раскинутому среди пустыни*. Христі-

анамъ строго запрещено входить въ него : всякое покушеніе подвергло бы Европейца большой опасности, а Турецкаго подданнаго неминуемой казни—если только онъ не перемѣнитъ вѣры. За годъ до нашего прїѣзда одинъ бѣдный Грекъ былъ шуда введенъ, переодѣтый, знатнымъ чиновникомъ Пашы Дамасскаго; но послѣ заплашилъ за свою жизнь, ибо не хотѣлъ спасти себя отступничествомъ (*).

(*) Историкъ Крестовыхъ походовъ, Архіепископъ Тирскій, и монахъ Рогеръ описывали оба сію мечеть: кажется, что послѣдній имѣлъ случай осмотрѣть внутренность оной. Его извѣстія были намъ подтверждены разсказами нашего янычара, нарочно посланнаго шуда въ часы молитвы. Онъ видѣлъ камень (для Мусульманъ священный), съ котораго Могаммедъ садился на *Ель-Борака*, готовясь летѣть на небо, и два малые столба, кои буди по бы дающъ проходящихъ между ними грѣшниковъ.

Полуденная часть горы Сионской, заключающаяся прежде внутри стѣнъ, нынѣ оставлена за городомъ. Тамъ совершалась *тайная вечеря*; тамъ гробницы Давида и Соломона, въ мечети, куда Турки не пускають ино-вѣрныхъ. На семь же холмъ кладбище Иерусалимскихъ Христіанъ всѣхъ исповѣданій (странниковъ погребаютъ въ *селѣ Скудельнигемъ*), — а у подошвы бѣшетъ изъ камня ключъ Силоамскій, о коемъ воспоминаетъ пѣвецъ *Потеряннаго Рая*, призывая небесную Музу:

. . . . . if Sion hill
Delight thee more, and Siloa's brook that flow'd
Fast by the oracle of God . . . . .

Гора Елеонская, съ растущими на ней по мѣстамъ масличными деревьями, отдѣлена отъ Сиона и Моріи долиною Иосафатовою, устѣянною развалинами. Посреди ея, въ дождливое время года, струится мушный по-

шокъ , называемый *Кедрскимъ* ; но лѣ-
 помъ и осенью оный совсѣмъ пере-
 сыхаетъ. Мастерское перо Шатобри-
 аново живо изобразило сію дебрь,
 гдѣ , по словамъ Пророка Іоиля , бу-
 дущь нѣкогда собраны на судъ всѣ
 племена человѣческія. « Камни на клад-
 « бищѣ Евреевъ навалены подобно кру-
 « дѣ обломковъ , у подошвы деревни
 « Силоамской ; трудно различить са-
 « мыя хижины между окружающими
 « ихъ могилами. На семь полѣ разру-
 « шенія возвышаются три древніе
 « памятника , гробницы Захаріи , Іо-
 « сафата и Авессалома. Видя предъ
 « собою печальный Іерусалимъ , надъ
 « коимъ не примѣтно ни малѣйшаго
 « дыма , откуда никакой шумъ не исхо-
 « дитъ ; видя запустѣніе горъ , на ко-
 « торыхъ нѣтъ существа живаго , и
 « всѣ оныя гробы въ безпорядкѣ , из-
 « ломанные , разбиыые , полуотвер-

« сшые, можно подумать, что уже раз-
 « дался гласъ трубы, зовущей на судъ,
 « и что мертвые гошовы всташъ изъ
 « долины. »

Мѣсто вознесенія Господня полагають на средней вершинѣ Елеонской. Остатки пышнаго храма, сооруженнаго во времена Константинovy, обращены въ мечеть. Замѣшимъ, что Мусульмане издавна присвоили себѣ всѣ высоты кругомъ города. Они думаютъ, что въ послѣдніе дни міра дикіе народы *Гогъ* и *Магогъ* придутъ осаждаютъ Пророка *Иссу* (Исуса Христа) въ Иерусалимъ и займутъ ближнія горы: съ нихъ будутъ мешать стрѣлы, кои упадутъ, обогрѣвая кровію, на собственныя главы дерзновенныхъ.

Возвращаясь отсюда къ вѣрошамъ Геосиманскимъ, и спустясь въ долину къ самому пошоку Кедрскому,

поклонники съ усердіемъ посѣщаютъ Гробъ Богоматери, въ пещерѣ. На ономъ совершается литургія Православными и Армянами; Каполики не имѣють сего права. Когда прекратится вражда между Христіанами на востокъ, то первымъ залогомъ взаимной терпимости и мира будетъ равное ихъ участіе въ служеніи сей святыни, почиваемой всеми исповѣданіями...

Подробное описаніе достопамятностей Иерусалимскихъ можно найти въ каждомъ путешественникѣ, начиная съ IV вѣка (см. *Itinerarium à Burdigalâ Hierusalem usque*) до нашихъ временъ (*). Всѣ извѣстія сходны одно

(*). См. также Греческій *Проскинитарій*, запеч. въ Вѣнѣ 1787.— Изъ сочиненій русскихъ богомольцевъ достойны вниманія записки

съ другимъ, и послѣдніе стращивали невольно должны были повпорядку сказанное прежде. Ссылаясь на нихъ, я прибавлю нѣсколько словъ о мѣстѣ рожденія Спасителя, уважаемомъ самими Мусульманами.

Дорога къ Внѣлеему лежитъ на югъ мимо горы Сіонской и обителли Греческой во имя Пророка Іліи. Въ долинахъ встрѣчаются засѣяныя поля и виноградники; слѣды древняго трудолюбія видны на каменныхъ холмахъ, обсаженныхъ уступами для насажденія лозъ и смоковницъ.

Василія Барскаго, ходившаго на поклоненіе св. Гробу въ 1726 и 1729 году; Иеромонаха *Мелетія*, 1793 — 1794; и крестьянина *Гр. Шереметева*, *Кира Бронникова*, 1820—1821, любопытное по его званію и по опасностямъ, коимъ онъ подвергался на возвращенномъ пути въ ошечество, при началѣ войны Греческой.

Большая Виолеемская церковь, построенная крестообразно, была некогда весьма великолѣпна; въ притворѣ еще цѣлы четыре ряда мраморныхъ столбовъ рѣдкой красоты. Она принадлежитъ Грекамъ и Армянамъ. Лапицкіе монахи напрасно пребуютъ себѣ въ ней части, ибо не лзя считать обыкновенный храмъ за *общее мѣсто поклоненія*, какъ Гробъ Господень или Голгоу. По сторонамъ главнаго олшаря двѣ лѣспницы ведутъ въ свяпый Вершеть: лямъ, у восточной стѣны, означено серебряною звѣздою, гдѣ родился Предвѣщный Младенець, и устроены пресноль, на которомъ служатъ Православные и Армяне. Если стоять немного поодаль, въ большой впадинѣ, гдѣ нынѣ олшарь Капюлическій. Вся пещера обложена драгоценнымъ мраморомъ и освѣщается

* *

лампадами, изъ коихъ каждое исповѣданіе имѣеть свое число, однажды навсегда уставленное.

Виолеемскіе Аравляне частію обращены въ Христіанскую вѣру; но ихъ суровые нравы шѣмъ не смягчились. Они достають много денегъ, дѣлая изъ кости и перламутра чешки и кресты, раскупаемые благочестивыми пришельцами. —

Вообще время прибытія поклонниковъ въ Іерусалимъ естъ время жатвы для шамошнихъ жителей. Сямъ единственно оживляется страна, давно уже не кипящая млеко́мъ и медомъ, гдѣ земледѣліе въ упадкѣ и нѣтъ промышленности, гдѣ народъ преданъ въ жертву грабительству и насиліямъ всякаго рода, гдѣ наконецъ, по выраженію Шатобріана « въ каждой деревнѣ погибаетъ ежегодно по хижинѣ и по семьѣ, и скоро одно кладбище

« показываетъ мѣсто прежняго селенія. »

Всего болѣе посѣщаютъ святыя мѣста Греки и Армяне. Усердіе первыхъ достойно особеннаго удивленія; вѣра, сохранившая народное ихъ существованіе, была для нихъ главнымъ утѣшеніемъ въ рабствѣ. Они спекались оповсюда, безъ различія пола и возраста: опцы семейства приносили въ Палестину плодъ многолѣпныхъ трудовъ, оставляя дѣшей въ бѣдности; спарцы, *подкрѣпляемые желаніемъ* (какъ дряхлый поклонникъ въ прекрасномъ сонетѣ Петрарки: *Movesi l' vecchiarel canuto e bianco*), брели на костыляхъ ко гробу Того, *тѣмъ лицедртніемъ гаяли насладиться въ небѣ*. Многіе, исполнивъ обѣтъ свой, посвящали остатокъ жизни на служеніе во храмѣ. Число православныхъ богомольцевъ, прежде 1821 года,

проспиралось иногда до трехъ тысячъ— между ими бывало около двухъ сотъ Русскихъ.

Посольство наше старалось всѣми силами доставить своимъ соотечественникамъ въ областяхъ Опшоманскихъ возможную помощь и заступленіе. Они обыкновенно отправлялись изъ Одессы въ концѣ Августа, и по прїѣздѣ въ Константинополь жили на особомъ дворѣ, не подвергаясь ни моровой язвѣ, ни оскорбленіямъ отъ Турецкой черни; бѣдные получали денежныя пособія. Посланникъ сносясь съ Патріархомъ св. Града о помѣщеніи ихъ, безъ платы, на отправляемый ежегодно въ началѣ Сентября корабль съ поклонниками и выдавалъ имъ сверхъ паспортовъ *ферманы* (Султанскіе указы), освобождавшіе Россійскихъ подданныхъ отъ всякой дани на пупи и во Храмѣ,

гдѣ съ прочихъ Христіанъ пребываютъ за входъ по 24 лева.— Въ Яфѣ они были принимаемы въ Греческомъ мѣстохъ и довольствовуемы всѣмъ, по обычаю, на счетъ монастырскій: за что оставляли Проигумену небольшое подаліе.

Отъ сего города многіе ходили пѣшкомъ, а богатые и больные могли имѣть верховыхъ лошадей за дешевую цѣну (*). Доспигнувъ Іерусалима, они жили сперва нѣсколько дней въ Патриархіи, и давали въ церковную казну вкладъ, какой хотѣли; но желавшіе вписать имена своихъ родственниковъ въ общій *Синодикъ* для вѣчнаго поминовенія, платили за каждое 50

(*) Отъ Яфѣ до Іерусалима считается 60 верстѣ (12 часовъ). Отъ Іерусалима до Іерихова немного болѣе 20; а оттуда до Іордана 15 верстѣ.

лево́въ и бо́лѣе, смо́ря по доста́п-
ку. По́томъ выбирали себѣ въ разныхъ
обшелехъ келліи на всю зиму. Наемъ
и пища, самая умѣренная, споили
отъ 150 до 200 левовъ.

Въ ожиданіи великаго поста бого-
мольцы бывали въ ближайшихъ мѣ-
стахъ поклоненія, въ Виѳлеемѣ, Ви-
еаніи, Назаретѣ и проч. Нѣкоторыя
даже ѣздили на Синайскую гору,
черезъ Газу и Суецъ.

Спеченіе народа въ Іерусалимѣ воз-
распаешъ по мѣрѣ приближенія Пасхи.
Армяне и Азіатскіе Греки собираются
толпами изъ Караманіи, Сиріи, Егип-
та; съ ними бывають и Грузины. Весь
городъ приходитъ въ движеніе, особли-
во въ великую субботу, день явленія
святаго свѣта (*). — Послѣ праздника

(*) См. вышепом. *Проскинитарій* и сказанія
машнихъ лѣтописцевъ и спранствователей. О

Мусселимъ, съ опрядомъ войска, про-
вожаешъ поклонниковъ въ Иерихонъ и
къ Иордану; и вскорѣ за шѣмъ каждый
возвращается прежнею дорогою въ
опчизну. Плаваніе опъ Яффы до Кон-
станшинополя, на хорошемъ кораблѣ
и съ нужными запасами, спановишя
во 100 левовъ.

происхожденіи *св. свѣта* мнѣнія въ самомъ Іе-
русалимѣ различны. Въ присутствіи Муссели-
ма и Армянскаго духовенства гасятъ всѣ свѣчи
и лампы во храмѣ — кромѣ опдѣленія Капо-
лическаго. Архіерей Греческій входитъ одинъ
въ кувуклій и собираетъ хлопчатою бумагою
свѣтъ, являющійся на мраморной доскѣ *св.*
Гроба, подобно *каплямъ пота*. Другіе гово-
рятъ, что оный показывается въ видѣ яр-
каго, неопалющаго пламени, и что его мож-
но безвредно класть руками въ сосудъ. Іе-
ромонахъ Меленій пишетъ, что свѣтъ бли-
стаетъ на гробовой крышкѣ *какъ мелкій*
разсыпанный бисеръ, разныхъ цвѣтовъ, ко-
торый совокупляясь краснѣетъ. Католики
совсѣмъ не хошятъ вѣришь сему явленію.

Прибавя къ сему исчисленію еще 180 или 200 левовъ на подаянія разнымъ монастырямъ и церквамъ во все время пребыванія въ Палестинѣ, наемъ лошадей и другія мелочи, мы увидимъ, что необходимыя издержки нашихъ богомольцевъ не превышали пяти сотъ рублей. Но многіе изъ нихъ пріѣзжали совсѣмъ безъ денегъ и должны были прислуживать монахамъ, или просить милостыни у воеводъ Патріархіи, гдѣ имъ никогда не отказываютъ въ пищѣ. Для поданія симъ бѣднымъ странникамъ помощи, равно и для надзора надъ ними, по-

---

Какъ бы то ни было, Архіерей выноситъ изъ пещеры въ придѣлъ Ангела горящія свѣчи и подаетъ ихъ въ два малыя окна, съ одной стороны Армянамъ, а съ другой православнымъ, отъ копорыхъ уже огонь разливается по церкви подобно рѣкѣ (слова Мелешія), при громкихъ восклицаніяхъ: «вѣшь «вѣры, кромѣ вѣры Христовой!»

сланъ былъ въ Яффу особый чиновникъ, въ званіи Вице-Консула... Происшествія 1821 года помѣшали успѣху сего дѣла и затруднили Русскимъ путь къ св. Гробу.—

Евреи не менѣе Христіанъ усердны къ посѣщенію страны своихъ предковъ, хопя знаютъ напередъ, какое утѣшеніе ихъ въ ней ожидаетъ. Они дорого платящъ за позволеніе войти въ Іерусалимъ, и еще дороже за ключокъ земли въ долину Іосафатовой для будущей могилы. Ихъ страданія и бѣдность не возбуждаютъ ни въ комъ сожалѣнія; они презираемы равно Греками, Аравлянами, Турками. Среди развалинъ своей столицы, среди воспоминаній о древней независимости и славѣ, сей несчастный народъ съ удивительною покорностію сноситъ даже отъ дѣшей непрестанныя обиды. Знакомецъ нашъ, Шейхъ

Абу-Гошъ, не понималъ, какъ могутъ бытъ Евреи подданными *Московского Падшаха*, и говорилъ « что радъ « привѣтствовать въ своей землѣ цѣ- « лья тысячи русскихъ поклонниковъ, « но что сердце его разрывается съ « досады, когда одинъ *Чифуть* (Жидъ) « проходитъ безошлинно....» Въ ша- комъ уничиженіи они утѣшаются ви- домъ Сіона и непоколебимою надеж- дою на Царя-избавителя!

Постоянныхъ жителей въ Іеруса- лимѣ считается около 13 тысячъ (*), изъ коихъ большая часть Аравляне, исповѣдующіе Мусульманскую вѣру, есть однакоже между ими нѣсколько Христіанъ. Сіи вообще очень бѣдны и питаются милоспынею отъ монасты- рей Греческихъ и Каполическаго.

(*). Не лзя ручаться за сіе исчисленіе, ибо во всей Турціи нѣтъ ни мѣрикъ, ни подушной переписи.

Все городское управленіе въ рукахъ у Турковъ. Мы сказали выше, что Іерусалимъ зависить опъ Паша Дамасскаго; но подашь съ богомольцевъ, за доступъ къ св. Гробу, принадлежишь Пашъ Акрскому и собирается его *Мутевеллемъ* (*). Сіе странное распоряженіе весьма невыгодно для Европейскихъ монаховъ, ибо подвергается ихъ двойкимъ припѣсненіямъ и вредить ходатайству Консуловъ, пребывающихъ въ Акръ и Яффъ. *Мусселимъ* присылаешся изъ Дамаска, а *Молла* (верховный судья) прямо изъ Константинополя: послѣдній пользуется большимъ уваженіемъ. —

(*) Намъ сказывали, что Акрскій Паша получаетъ сіи доходы въ званіи Попечителя главной мечети въ городъ Ремлъ, состоящемъ подъ непосредственнымъ его управленіемъ, и что земля подъ храмомъ Воскресенія есть собственности оной.

Прежде опъзда изъ сей достопамятной страны, мы хотѣли видѣть Иорданъ и Мершвое море. Мы знали что въ лѣтнее время хищные Аравляне удаляются съ своими сподами отъ рѣки на вершины горъ, и что дорога менѣе опасна, нежели весною. Въ томъ увѣриль насъ и почтенный Архіепископъ Петрскій, недавно возвратившійся изъ Епархіи, совѣтуя однакоже потребовать провожатыхъ отъ Турецкаго начальства. Все было сдѣлано по нашему желанію.

7 Сентября явилось къ намъ нѣскольکو человекъ изъ Мусселимовой спражи съ его *Чаушемъ* (приставомъ), всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, монастырскій Драгоманъ и два Шейха изъ Арабскихъ племенъ, кочующихъ за Иорданомъ. Переждавъ полдневный зной, мы пустились въ путь мимо Геосиманіи, по правой сторонѣ горы Еле-

онской; ввечеру остановились отдышаться у колодца, на дворъ обваливагося караванъ-серал. Здѣсь, за три или четыре мѣсяца до насъ, былъ ограбленъ молодой Англичанинъ, не имѣвшій при себѣ никого, кромѣ слуги и янычара. Защищаясь упорно, онъ ранилъ саблею одного изъ разбойниковъ и въ наказаніе получилъ отъ нихъ самъ точно такую же рану: примѣръ правосудія, достойный сихъ дикихъ сыновъ природы! Оттуда ѣхали мы по косогорамъ и ущеліямъ до большой равнины, окружающей Іерихонъ, и въ полночь добрались до жалкихъ остатковъ сего города, нѣкогда славнаго.

Тамошній Ага повелъ насъ дружески любно въ собственное свое жилище— въ башню, гдѣ укрываются поселяне съ ихъ стадами отъ хищническихъ набѣговъ. Ужинъ и ночлегъ были на площадкѣ вверху, подъ открытымъ не-

Бомъ. На зарѣ все вокругъ насъ ожи-
 ло: провожатые сѣдлали лошадей, а мы любовались пріятными
 видами съ высокой нашей спальни.
 Въ долину зеленѣлись деревья и ку-
 спы, откуда кабаны выбѣгали на об-
 рабатанные поля къ самымъ хижин-
 намъ. По ту сторону Иордана чернѣлся
 большой лѣсъ; а прямо передъ нами,
 между двумя рядами горъ, Мертвое
 море ярко отражало лучи восходяща-
 го солнца. Преданія священной дре-
 вности оштѣняли картинку сельской
 жизни. Величавый Аравлянинъ, по-
 потомокъ Исмаила, полунагой, съ длин-
 нымъ ружьемъ за плечами, гналъ на
 насапву козь и овецъ къ потоку, озна-
 менованному чудомъ Пророка Елиссея;
 другіе копали гряды, можетъ быть
 шамъ, гдѣ стоялъ домъ Раавы, и гдѣ
 Левишны носили кивошь завѣща на
 гибель Іерихону.... При выѣздѣ изъ

деревни, мы встрѣтили женщинъ, идущихъ съ глиняными на головѣ кувшинами за водою, въ синихъ широкихъ плащяхъ и закинувъ назадъ покрывала: наше приближеніе ихъ не встревожило. Одно слово *хаджи* (поклонникъ) удовлетворяло любопытство каждаго и прекращало всѣ вопросы.

Обширная степь, отдѣляющая отъ Иордана Оазисъ Іерихонскій, походитъ на дно морское, оставленное волнами; кой-гдѣ, около песчаныхъ бугровъ, показываются шамаринды, обыкновенно распушіе вдоль попоковъ, и колючій перновникъ. Во дни Хрисіанскаго владычества было въ сей пустынѣ множество монастырей и скиповъ (*eremitoria graciosa*); нынѣ едва примѣнны слѣды ихъ. Мѣсто крещенія Спасителя, какъ полагають Греки, въ 5 или 6 верстахъ отъ разва-

линь обишели во имя *Аввы Герасима*: достигнувъ онаго, мы спустились съ крушаго берега, обросшаго внизу камышемъ и мелкимъ кустарникомъ, и перешли въ бродъ на прошивную сторону, болѣе отлогую.

Верховья Иордана у подошвы лѣсныхъ горъ Ермона и Аншиливана: спремьясь оттуда на югъ прямою черпою, онъ проходитъ сквозь Тиверидское (Генисаретское) озеро и, подобно цѣпи, соединяетъ его съ Мерсывымъ моремъ. Сія знаменитая рѣка льшомъ не шире 10 саженой и глубины посредственной, но бѣжитъ по каменистому дну съ опмѣнною быспрошою; когда же начнутъ таять снѣга Ливанскіе, то разливаешся вдвое. Мы въ ней купались, и попомъ, слѣдуя обычаю, налили свои *готры* (плоскіе дорожные сосуды) немного

мушною, но пріятною ея водою (*). Поклонники снмъ не довольствуюш-ся, и мочашъ здѣсь просыни, кои должны при погребеніи служишь имъ саваномъ.

Впадающіе въ Іорданъ попоки по большей часи въ жары пересыхають; окружные пески совсѣмъ безводны. Его устье означаешя на поверхно-сти Мертваго моря длиною поло-сою— какъ будто бы шрун, издревле священные, мерзять смѣшеніемъ съ волнами проклятыми озера, погло-тившаго Содомъ и Гоморрь. Прежде

(*) Мы не нашли въ сей водѣ соломова-таго вкуса, какъ говоритъ Шатобріанъ, хотя были на Іорданѣ почти въ одно съ нимъ время года. Посипоявъ немного, она становишя совсѣмъ прозрачною, а дно со-суда покрываешя шемноватымъ иломъ.

* *

думали, что она продолжает свое печеніе подъ землею и соединяется въ Египтъ съ Ниломъ, или въ Сирію съ Фарромъ (см. Рипшера Geogr. § 25). Но, кромѣ другихъ доказательствъ, опровергающихъ сіе мнѣніе, мы знаемъ изъ свидѣтельства очевидцевъ, что Мертвое море возвышается и упадаетъ, смотря по прибыли и убыли Иордана.

Неподалеку отъ устья, рѣка склоняется влѣво, и только верхи кусповъ показываютъ ея направленіе: мы пустились прямо, безъ дороги, по сыпучему песку, бѣлому какъ снѣгъ отъ покрывающей его соли. Жаръ былъ несносный. На густомъ, раскаленномъ небѣ солнце рдѣло будто на закатѣ. Съ одной стороны цѣпь Аравійскихъ горъ — утесистая стѣна безъ отдѣльныхъ вершинъ, безъ зубцовъ и изгибовъ — идешь вдоль озера какъ неизмѣримая

рама. Съ другой мѣловыя холмы, чудною игрой естества, представляютъ шатры, малыя крѣпости и башни, украшенныя карнизами.— Все отлично здѣсь отъ другихъ мѣстъ на земномъ шарѣ. Въ самыхъ степяхъ Сары близость воды перемѣняетъ видъ природы: влага проникаетъ сквозь сухой хрящъ и одѣваетъ его зеленою травою; плетворный воздухъ очищается; существа живущія находятъ приюстъ въ пальмовыхъ рощахъ; и бесплодная пустыня превращается въ цвѣтущій Оазисъ— подобіе рая. Напротивъ того окрестности Мертваго моря унылы и лишены всякихъ признаковъ жизни: нѣтъ свѣжести; нѣтъ звѣрей, птицъ, растѣній; изсохшія деревья, лежащія корнями вверхъ по берегу, принесены волною съ восточнаго конца, или, можетъ быть, Иорданомъ во время разлива. Вода свѣшла, но пресыщена горь-

кими солями. Трудно повѣришь слышанному Пококомъ и Шашобрианомъ отъ какого-то монаха и отъ Виеле-емскихъ Аравлянъ, что въ ней водится рыба: намъ сказывали провожатые, что даже заходящая случайно изъ рѣки потчасъ умираетъ.

Въ длину Мершвое море (Арабск. Бахрѣ-уль-Лутъ, ш. е. *Лотово*) простирается на 75, а въ ширину на 20 верстъ; окружность его Зеецень полагаешь въ 5 дней пути. Сей новѣйшій странствователь, и еще прежде Игумень св. Саввы, Даніиль, собрали довольно подробныя свѣдѣнія объ южномъ его краѣ, отчасти подтвержденныя намъ Іерусалимскими жителями, ѣздившими въ Петру. Оно дѣйствительно оканчивается узкимъ заливомъ, чрезъ который лѣшомъ переходятъ въ бродъ по колено. — Справный образъ соляныхъ глыбъ, выбрасы-

васмыхъ озеромъ, подалъ конечно поводъ къ сказкѣ, часто повпоряемой, о видѣнномъ поклонниками *столбѣ Лотовѣ*. Что же касается до славнаго плода Содомскаго, то не всякой согласится съ мнѣніемъ Шатобріана. *Черноватыя, горькія стмена* опысканныхъ имъ малыхъ лимоновъ не похожи на *пепель*, и вообще его описаніе не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о семъ обманчивомъ яблокѣ, снаружи прекрасномъ, внутри гниломъ— *какъ радости міра*, замѣчаетъ одинъ путешественникъ.

Мы ночевали опять въ Іерихонѣ и на другой день возвратились въ Іерусалимъ новою дорогою, чрезъ монастырь св. Саввы. Отъ самаго потока Кедрскаго до Мертваго моря идешь глубокой оврагъ, называемый *юдолю* *клага*: по его пересохшему дну мы приближились къ обителю, построен-

ной уступами на ужасной крутизнѣ, и поднялись вверхъ, содрогаясь невольно при каждомъ поворотѣ. Все зданіе обнесено высокими стѣнами, и больше имѣетъ видъ укрѣпленнаго замка, нежели убѣжища для мирныхъ иноковъ. Слѣдуя за Игуменомъ по высеченнымъ въ камень ступенямъ, мы поклонились костямъ свяшыхъ опцевъ, избѣсннхъ невѣрными, и гробу св. Саввы; видѣли пещеру сего благочестиваго спуженика и финиковое дерево, имъ самимъ насажденное. На самой вышинѣ двѣ четверугольныя башни служатъ монахамъ подзорными каланчами. Окружныя горы изрыты многочисловомъ вершеповъ, гдѣ нѣкогда обитало до 10 тысячъ опшельниковъ.

Намъ еще показывали окно, изъ коего раздають ежедневно хлѣбъ кочующимъ неподалеку Аравлянамъ. Ихъ племя было издревле (какъ увѣряють)

приписано Греческими Императорами къ монашескому для услуженія, и за то получало отъ него пищу: нынѣ же требуетъ оной съ угрозами, какъ принадлежащей себѣ дани; матери приносятъ новорожденныхъ младенцовъ къ окну и берутъ за нихъ лишніе участки. Въ случаѣ ссоры съ иноками, сѣн полудикіе Мусульмане держатъ ихъ въ осаду и пресѣкають сообщеніе съ Іерусалимомъ. —

Посѣщая обители Палестинскія, мы не забывали осматривать ихъ книгохранилища — хотя неудача нашихъ исканій на горѣ Аѳонской оставляла и здѣсь мало надежды. Въ Пашріархіи есть нѣсколько рукописей: но все требники, паперки и шворенія церковныхъ училищъ. Грамоты, относящіяся къ правамъ Грековъ, съ давняго времени отосланы въ Конспанши-

пополь; прочія бумаги, нами видѣнныя, любопытны потому только, что дополняютъ печальную картину преспертваемыхъ Иерусалимскими Христіанами утѣшеній. —

14 Сентября, въ день Воздвиженія Креста, мы лобызали въ послѣдній разъ Гробъ Господень и всѣ святыни въ *великой церкви*. Архіепископъ Геосиманскій служилъ литургію на Голгоѣ: потомъ начался шоржественный ходъ изъ Греческаго *Каволикона* въ подземелье св. Елены. Архіерей держалъ на головѣ серебряное Распятіе съ частію Животворящаго Древа; за нимъ несли хоругви, кресты, иконы; народъ устилалъ ступени лѣспилицъ зелеными вышивами и цвѣтами. Во время молебна, знаменіе спасенія было шроекрапно воздвизаемо на самомъ мѣстѣ его обрѣшенія.

Въ шопъ же день мы простились съ гостепріимными Енипропами и, взявъ у Мусселима провожатыхъ до Акры, выѣхали изъ св. Града...

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СЕРАЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ (*).

Въ *Сѣверныхъ цвѣтахъ* на 1825 годъ (стр. 162 — 165) было помѣщено извѣстіе о *Серальской Библиотекѣ*, почерпнутое мною въ Константинополѣ изъ достовѣрнаго испочинка. Я

(*) Доставлено издателю при слѣдующей запискѣ: «Въ попавшейся мнѣ случайно 23 книжкѣ «*Московского Телеграфа* 1825 г. увидѣлъ я возраженіе на помѣщенную въ прошлогоднихъ *Сѣверныхъ цвѣтахъ* мою спашью о *Серальской Библиотекѣ*. Считаю долгомъ оправдаться и

разказалъ, по какому случаю Скарлашь Караджа, дѣдъ бывшаго Господаря Валахскаго, осмопрѣлъ уцѣлѣвшія въ оной Греческія и Лашинскія рукописи, и нашель, что въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного сочиненія древняго, которое не было бы уже извѣстно.

Издатель Болонскаго *всеобщаго Бюллетеня*, желая увѣришься въ истинѣ сообщеннаго мною свѣдѣнія, обратился къ сыну Господаря, Константину Караджѣ, и напечаталъ въ своемъ журналѣ (Іюль 1825) его возраженіе. *Московскій Телеграфъ* (№ 23. стр. 314 — 317) передалъ оное Русскимъ читателямъ.

« на сей разъ подписать свое имя. Благодарю « искренно г. издателя Моск. Телеграфа за его « доброе мнѣніе, и прошу извиненія въ томъ, « что печатаю свой отвѣтъ не въ его журналѣ.»

Мое положеніе запруднительно. Я долженъ, для своего оправданія, спорить съ правнукомъ самого Скарлата, утверждающимъ, что его предокъ никогда не бывалъ въ семь книгохранилищъ. Мы оба не имѣемъ и не можемъ имѣть почныхъ доказательствъ: даже въ Сералѣ мы конечно не нашли бы слѣдовъ помянутаго посѣщенія. Люди безпристрастные не потребуютъ отъ меня свидѣтельствъ подъ присягою изъ такой земли, гдѣ часто самое невинное знакомство съ Европейцомъ вмѣняется Греку въ преступленіе. Они не отвергнутъ правдоподобій, за недостаткомъ ясныхъ доводовъ, и только спросятъ: былъ ли я въ состояніи судить о *достоверности* того источника, на который ссылаюсь?

Бейзаде Константины Караджа весьма учтиво называешь мое извѣ-

стіе (*) « сказкою, не имвющею тѣ-
 « ни истины, и выдуманною, по спа-
 « рому обычаю, какимъ нибудь пуше-
 « шественникомъ; » а вслѣдъ за тѣмъ
 говоришь о *легковѣрныхъ*, « которые,
 « не зная языка и на короткое время
 « оспанавливаясь въ спранѣ, гдѣ все
 « для нихъ ново, принуждены повто-
 « рять нелѣпости, какія тамъ услы-
 « шать. » Одно заключеніе противо-
 рѣчишь другому; но молодой нашъ
 криптикъ не заботился о такой ме-
 лочи.

Онъ не зналъ моего имени; но слы-
 шалъ челоуѣка, рассказывающаго по-
 подробности о собственномъ его семей-
 ствѣ за 50 или 60 лѣтъ — подробно-
 сти, отчаспи имъ самимъ подшвер-

(*) Не имѣя у себя Италіанскаго подлинника,
 я долженъ положишься на вѣрность перевода
 въ Моск. Телеграфѣ и буду выписывать его
 точныя слова.

ждаемыя. Слѣдовательно ему не лѣзя было принять меня за минушнаго гостя въ его опчизнѣ, *принужденнаго повторять нелицности.*

Находясь нѣсколько лѣтъ сряду въ Констаншинополѣ при Россійскомъ Посольствѣ, и потомъ путешествуя по Греціи, я вездѣ навѣдывался усердно о древнихъ рукописяхъ, въ надеждѣ, что какой нибудь счастливый случай поможетъ мнѣ отыскать всего Типа - Ливія и Діодора, или утраченныя Анеологіи Мелеагра, Филиппа Фессалоникскаго, Агаѳіа... Особливо желалъ я имѣть понятіе о Серальской Библіотекѣ, вообще *для Христіанъ неприступной*, и просилъ въ 1817 году содѣйствія А. А. Фонтона, бывшаго тогда первымъ нашимъ Драгоманомъ. Онъ распрашивалъ нарочно многихъ Турковъ и Бояръ Греческихъ, и наконецъ узналъ

отъ одного изъ послѣднихъ о случившемся съ Караджею.

Г. Фоншонъ, по мѣсту своему и по долговременной опытности, могъ судить, лучше иныхъ жителей *Фанаря*, вѣроятны ли сѣи подробности? Его знакомецъ былъ человекъ свѣдущій и правдивый (*); главные обстоятельства сей повѣсти, какъ-то, болѣзнь и опасенія Мустафы III на счетъ отравы, особенное его благоволеніе къ обоимъ Караджамъ, ихъ познанія въ медицину и свободный доступъ въ Сераль, были давно извѣстны. Скарлатъ пользовался даже въ дѣлахъ государственныхъ довѣренностію Султана и помогаль ему въ любимомъ его занятіи: въ астрологическихъ исчи-

---

(*) Прибавлю еще, что сей Грекъ служилъ некогда при Драгоманѣ Порты, и что его отецъ былъ коротко знакомъ съ Господаремъ Иоанномъ Караджею.

сленіягъ. Должно ли, послѣ того, называть *нелѣпостію* дошедшее до насъ преданіе, что сему хитрому Греку удалось проникнуть и въ Серальское книгохранилище, подъ видомъ исканія записокъ о древнихъ лекарствахъ противъ яда?

Нашъ кристикъ, кажется, обречень судьбою на прошивортчія. Онъ говоритъ сперва, что, сколько ему извѣстно, ни одинъ *Христіанинъ* никогда не былъ въ сей библіотекѣ, — а потомъ, « что Генераль Себастіани, испросивъ « дозволеніе осмотрѣть оную, получилъ « въ подарокъ географію Пшоломееву « и харашейный списокъ Вешхаго и « Новаго Завѣша »... Спрашиваю: если, по словамъ К. К., было дано сіе дозволеніе иноспранному Послу, то не уже ли бы отказали въ томъ любимцу Сулшанскому, для спасенія жизни самого Государя?

Генераль Себаспіани осматриваль Сераль незадолго до начашія послѣдней войны съ Россією, въ шо время, когда Селимъ III и его *хaremъ* жили въ Бешикшашѣ. Вошь, чшо я слышаль ошь Г. Сп. Сов. Влангали, находившагося при Драгоманѣ Поршы Кн. Каллимахи, коему поручено было сопровождать Посла при семъ посѣщеніи.

На внутреннемъ дворѣ, за *вратами блаженства* (Бабъ-усь-сеадешъ), рядъ большихъ комнашь заключаешъ въ себѣ драгоцѣнности, издревле собираемыя Ошпоманскими Государями. Тамъ хранншя оружіе разныхъ Сулпановъ, множешво рѣдкихъ книгъ Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ (*); *руко-*

(*) А не однѣ учебныя Арабскія книги, какъ думаетъ К. К. (см. ниже). Ассимъ-Эфенди, переводившій на Турецкій языкъ словарь Камусъ,

писи *Греческія* и сокровища, доставшіяся Могаммеду II при взятіи Царяграда — даже часпи мощей и цѣлыя шѣла святыхъ, въ серебряныхъ вызолоченныхъ ракахъ и въ украшенныхъ алмазами ковчегахъ, предъ конми горящъ день и ночь лампы и свѣчи (*). Г. Влангали былъ прежде, по особен-

доставалъ опшуда многія важныя рукописи. *Мураджа д'Оссонъ* (*Tableau de l'Emp. Othom.* t. II. p. 493) говоритъ, что въ Сералѣ есть двѣ восточныя Библіотеки, одна Ахмеда III, а другая Мустафы III, содержащія въ его время болѣе 15 тысячъ томовъ.

(*) Не смотря на свою ненависть къ Христіанамъ, Мусульмане чщящъ многихъ нашихъ святыхъ. Въ Салоникѣ могила Великомученика Димитрія находится внутри одной изъ главныхъ мечетей и обставлена неугасающими лампадами. Славный Капуданъ-Паша, Гази-Хасанъ, возилъ всегда съ собою десницу Іоанна Крестителя, опиящую у какого-то Аеонскаго монаха, и имѣлъ къ ней особую вѣру; по смер-

ному случаю, во всѣхъ сихъ отдѣленіяхъ; но не могъ ни до чего допрогиваться, ибо Турки боятся навлечь бѣдствія на Имперію, если позволятъ невѣрнымъ разбирать оныя древности. Ему издали показывали и по святилище, въ коемъ *Хассъ-одамы* стрегутъ *Хыркаи-шерифъ* и *Санджаги-шерифъ*, ш. е. ризу и знамя Пророка (*).

ши его сія святыня была нѣсколько времени въ Сералѣ, гдѣ Кн. А. Каллимахи, отецъ Господаря Скарлаша, видѣлъ ее въ богатомъ ковчегѣ съ Греческою надписью: *αυτη εστιν η χειρ η ψυχη χοριφις τῆ δεσποτῆς*—сіа естъ рука, прикоснувшаяся верху владычню (см. службу 5 Января).

(*) Въ семь мѣстѣ каждый Султанъ, при восшествіи на престолъ, совершаетъ первую свою молитву и принимаетъ поздравленія отъ придворныхъ. Туда входятъ съ нимъ однажды въ годъ (15 Рамазана) *Садразамъ* и *Шейхъ-уль-Исламъ* (Верховный Везиръ и Муфши), съ

Генераль Себасшіани видѣлъ мимоходомъ внутреннія комнашы, сады, оружейныя и восточную Библіотеку; но не былъ шамъ, гдѣ лежатъ мощи и Греческія рукописи. Впрочемъ, судя по опличному къ нему уваженію Султана Селима (особливо послѣ неудачнаго появленія Англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ), легко станется, что онъ впорично входилъ въ Сераль и получилъ въ подарокъ нѣсколько книгъ: шѣмъ еще не доказываешся, чшобы онъ самъ выбиралъ ихъ.

первѣйшими государственнымн сановникамн, снимающъ покрывала съ ризы Могаммедовой, цѣлуютъ ея край и обмакиваютъ оный въ воду, которая пошомъ разсылзешся, какъ святыня, къ Принцамъ крови, въ харемъ Султанскій и ко всѣмъ присуществовавшимъ при семъ обрядѣ.

Кришикъ продолжаетъ : « въ Кон-
 « станшинополѣ люди, болѣ другихъ
 « знающіе внутренность Серая, по-
 « лагають, что тамошня Библіоте-
 « ка состоить изъ небольшого количе-
 « ства учебныхъ книгъ Греческихъ, Ла-
 « тинскихъ и Арабскихъ, изъ нѣсколь-
 « кихъ старинныхъ медицинскихъ книгъ,
 « на Латинскомъ языкѣ, и что въ ней
 « нѣтъ ни одного классическаго пво-
 « ренія. » Трудно говорить о семъ
 утвердительно, если подлинно *ни*
одинъ Христіанинъ не бывалъ въ Би-
 бліотекѣ; Турки же не учатся Евро-
 пейскимъ языкамъ и не стануть рысь-
 ся въ пыли и гнили, дабы удовле-
 творить любопытство *Гяуровъ*. Но я
 гошовъ допустить сіе заключеніе,
 и желаю только знать: въ чемъ К.
 К. со мною спорить? Отвергаемое
 имъ приключеніе его предка есть об-
 шчашельство совсѣмъ постороннее,

и было сообщено единственно для показанія, отъ кого могли узнать, что въ Сералѣ нѣтъ Греческихъ и Лапинскихъ рукописей, важныхъ и донынѣ неизвѣстныхъ. Тоже самое и почти въ тѣхъ же словахъ утверждаетъ нашъ Бейзаде, хотя началь-было говорить о сказкахъ и нелѣпостяхъ... Не похожъ ли онъ на того Ирландца, который въ богословскомъ преніи отвѣчалъ своему противнику: « твое предложеніе справедливо, и « вошь какъ я его оспариваю! »

Скажу наконецъ, что Италіанскій журналистъ напрасно обратился съ своимъ запросомъ къ молодому человеку, выѣхавшему изъ Константинополя въ 1812 году почти ребенкомъ и могущему судить о настоящемъ дѣлѣ по однимъ слухамъ, а не къ опцу его, Господарю Іоанну. Мнѣніе

сего опытнаго старца было бы гораздо убѣдительнѣе для всѣхъ чинашелей — и для меня самого.

Д. Дашковъ.

П О Э З І Я.

О. С. ПУШКИНОЙ.

Насъ случай свель; но не слѣпцемъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:
Поэза другъ, сестра и геній милой,
По сердцу ты и мнѣ давно родня.

Такъ, въ памяти сердечной безъ закаша
Мечта о немъ горитъ шеперь живѣй:
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата;
Братъ по сестрѣ еще мнѣ спалъ милѣй.

Удѣлъ его: блескъ славы вѣчнольстивой,
Но часто намъ сіяющій изъ тучь;
И отъ нея ударитъ яркій лучъ
На жребій твой въ безопасности счастливой.

Но для него ты благотворнѣй будь:
Свѣти ему звѣздою безмянежной,
И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной
Ты усладяй тоскующую грудь.

Князь Вяземскій.

КЪ N. N.

—*—

Среди прудовъ и важныхъ музъ,
 Среди учености всемирной
 Ты не утратилъ нѣжный вкусъ:
 Еще ты любишь голосъ лирной,
 Еще въ душѣ твоей огонь,
 И сердце наслажденій проситъ,
 И Аполлоновъ борзый конь
 Ошъ музъ себя въ Киверу носитъ.
 Ошъ древней Спарты до Афинъ,
 Ошъ гордыхъ памятниконъ Рима
 До степей Пальмиры и Солима
 Умомъ шы міра гражданитъ.
 Ты любишь опдыхать съ Эрапой
 Разнообразной и живой,
 И насъ уносишь за собой
 Въ міры фантазій крылатой.
 Тебѣ легко: шы награжденъ,
 Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ;
 Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
 Но будно въ Ашпикѣ рожденъ.

К. Батюшковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ АЛА.

Въ странѣ, любимой небесами,
 Гдѣ величалъ рѣка
 Между цвѣтущими брегами
 Играешь ясными спруями,
 Тамъ, гдѣ Альбершова рука
 Лишила княжескаго права
 Неосторожнаго Всеслава,
 Гдѣ послѣ грозный Іоаннъ,
 пылая местию кровожадной,
 Кизнилъ за Магнуса граждацъ
 Неумолимо, безпощадно,
 Гдѣ добрый геній старины
 Надъ чистымъ зеркаломъ Длины
 Хранишь донынѣ, какъ свяшину,
 Останки каменной снѣны
 И кавалерскую швердыню,
 Въ дому опцовскомъ, въ шишинѣ,
 Какъ цвѣшь эдема разцвѣпала
 Очаровапельная Ала.
 Межь щѣмъ въ сосѣдней споронѣ

Устами Пашкуля къ войнѣ
 Свобода смѣлыхъ вызывала,
 И удалаго короля
 Имъ угнетенная земля
 Съ валовъ балтійскихъ принимала,
 Когда, прославившись мечемъ,
 Онъ шелъ съ полуночнымъ царемъ
 Извѣдать силы боевыя,
 Не зная, дерзкій, какъ бодра
 Желѣзной волею Петра
 Преображенная Россія.

Родитель Алы доходилъ
 Къ предѣлу жизненной дороги.
 Онъ долго родинѣ служилъ,
 Видалъ кровавыя тревоги,
 Бывалъ рѣшителемъ побѣдъ,
 Потомъ покинулъ шумный свѣтъ:
 И, безмятежно догарая,
 Прекрасенъ былъ, какъ вечеръ мая,
 Закашъ его почтенныхъ лѣтъ.
 Но вдругъ . . . И кино не молодѣетъ,
 Своимъ годамъ кино поминишь счетъ,
 Чей духъ не крѣпнеть, не смѣлѣетъ,
 Чья длань желѣза не беретъ,
 И взоръ отвагой не сверкаетъ,
 И грудь воспоргомъ не полна,

Когда знамена развиваетъ
 За честь и родину война ?
 Онъ вновь надѣлъ одежду брани:
 Стальную саблю напочпалъ;
 Казалось, старца оживилъ
 Священный жаръ его желаній.
 Онъ призвалъ дочь и говорилъ:
 « Уже лишентъ я прежнихъ силъ
 Неумолимыми годами;
 Прошла пора, какъ швой ошецъ
 Былъ знаменишійшій боецъ,
 Между Ливонскими бойцами,
 Свершалъ геройскія дѣла:
 Все старость жадная взяла. . . .
 Не все взяла! Еще волнуешь
 Мою хладѣющую кровь
 Къ добру и вольности любовь;
 Еще оправдно сердце чуетъ
 Ихъ благодѣшительный призывъ, —
 Ему, какъ юноша, внимаю
 И снова смѣлъ и снова живъ
 Служить отеческому краю;
 Гремитежъ бранныя поля,
 Пирвите мужесиво и мщенье!
 Чшо намъ судьбы опредѣленье?
 Опянь ли силы короля
 Подавяшъ милую свободу,

Или торжественно она
 Опдаситъ Ливонскому народу
 Ея злые времена;
 Победа, смерть ли: будь, что будетъ,
 Лишь бы не стыдъ! Пускай же насъ
 Къ мечамъ хощя въ послѣднй разъ
 Глазъ родины, какъ неба глазъ,
 Отъ сна позорнаго пробудишь!
 Сказалъ, и взоры спарика
 Мягкимъ пламенемъ сверкали,
 И быстро падала рука
 На рукоять военной сабли:
 Такъ въ шучь рвется огонь,
 Когда съ грозовыми громами
 Она плыветъ подъ небесами;
 Такъ, слыша битву, ярый конь
 Кишитъ и шлепаетъ ногами.

Н. Языковъ.

ПОДРАЖАНІЕ КОРАНУ.

Съ Тобою дравль, о Всесильный,
 Могучій соснизашься мнилъ
 Безумной гордосшью обильный;
 Но Ты, Господь, его смирилъ:
 Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
 Я смершью землю наказую,
 На все подьяпа длань моя.
 Я шакже, рекъ онъ, жизнь дарую
 И шакже смершью наказую:
 Съ Тобою, Боже, равень я.
 Но смолкла похвальба порока
 Онъ слова гнѣва швоего:
 Подьемлю солнце я съ востока;
 Съ закаша подыми его!

А. Пушкинъ.

ПОДРАЖАНІЕ 136 ПСАЛМУ.

На чуждыхъ берегахъ, гдѣ властвуетъ тиранъ,
 Въ пльну мы слезы проливали
 И, глядя на Эвфратъ, тебя воспоминали,
 Родимый Иорданъ!

На лозахъ блѣдныхъ ивъ, склонившихся къ рѣкѣ,
 Качались томно наши лиры;
 Увы, а мы оиѣ нихъ, безмолвные и сиры,
 Сидѣли вдалекѣ!

Рабы (вкругъ насъ ревѣлъ свирѣпой стражи гласъ).
 Въ неволѣ пользы нѣшь оиѣ спона;
 Воспряныиѣ духомъ вы и пѣсню Сіона
 Пролейте радость въ насъ!

Ахъ! намъ ли пѣсни пѣшь среди своихъ враговъ,
 Они съ опчиной разлучили,
 Гдѣ наша колыбель, гдѣ сладость жизни пѣли,
 Гдѣ нашихъ персиль опцовъ!

Прилипни навсегда языкъ къ устамаъ моимаъ,
Замри рука моя на лиръ:
Когда забуду я тебя, древнѣйшій въ мѣръ,
Свяшый Ерусалимаъ!

Напомни, Господи, Эдомовымъ сынамаъ (*)
Ужасный день, когда ихъ злоба
Вопила: смерть имъ, смерть, и пламень вмѣсто гроба!
Рушь все: престоль и храмъ!

Но горе, горе злымъ: нашъ мспитель въ небесахъ.
Содрогнись, чадо Вавилона!
Онъ близокъ, онъ гремитъ, низвергнися со трона:
Пади предъ нимъ во прахъ!

***

(*) Идумеяне хотя и бели родъ свой отъ Авраама, но вступили въ союзъ съ Вавилонянами противъ Иудеевъ и были злѣйшими ихъ врагами.

 СТАНСЫ КЪ Д***

Д***, какъ бы съ нашей лѣнью
 Хорошо въ деревнѣ жить,
 Подъ наслѣдственною сѣнью
 Липецъ прадѣдовскій пить;

Беззаботно въ полдень знойный
 Ондыханъ въ саду гусномъ;
 Вышши подъ вечеръ спокойный
 Передъ сладкимъ, долгимъ сномъ;

Ждешь поутру на постелѣ,
 Не зайдешь ли муза къ намъ;
 Позабышь всѣ дни въ недѣлѣ
 Называшь по именамъ,

И съ любовью неревнивой,
 Безъ чиновъ и безъ хлопотъ,
 Какъ въ Сатурновъ вѣкъ счастливой,
 Провожашь за годомъ годъ!

Плетневъ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(Стихи, приписанные къ собранію стихотвореній А. Х. Востокова).

О чемъ я въ юности мечталъ,
Ведомъ надеждою опрадной,
Что наконецъ и опытъ хладной
Иль опровергъ, пль оправдалъ,
Найдете здѣсь изображеннымъ
И позвращишесь вы со мной
Къ днямъ беззаботнымъ и блаженнымъ,
Когда мы зрѣли міръ иной.

Всегда ли умѣе мы съ лѣтами?
Повѣрять; мудросишь любить жить
И межъ весенними цвѣтами,
И муза можетъ насъ дружишь
Съ судьбой, столь часто къ намъ жестокой
И можешь испины высокой,
Играючи, завѣсу вскрышь!

А. Востоковъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ С. Г. К—ОЙ.

Во имя Феба и харитъ
Я швой альбомъ благословляю
И, по внушенью сонидъ,
Его судьбу предвозвѣщаю :
Въ немъ перескажешъ дружба вновь
Всѣ увѣренья, всѣ мечтанья,
И безъ намѣренья любовь
Свои окроешь ожиданья.

Баронъ Дельвицъ.

КЪ АННЕТЪ.

Когда Климена подарила
На память эпо мнѣ кольцо,
Ея умильное лицо,
Ея улыбка говорила:
Оно швое; когда нибудь
Сама и вся швоей и буду;
Лишь ты меня не позабуди,
А я тебя не позабуду!
И черезъ день я былъ забытъ.
Теперь кольцо ея, Аннета,
Твой вѣчный другъ тебѣ дарить:
Увы, недобрая примѣта
Тебя, бышь можешь, поразить!
Но неспособенъ я къ измѣнѣ:
Носи его и не шужи,
А въ оправданіе Клименѣ
Ея обѣщаніе мнѣ сдержи!

Е. Баратынскій.

СМЕРТЬ ФИГНЕРА.

(Опытъ народной поэзіи).

I.

Ужь солнце скрылось за лѣса.
 Пойдемъ и сядемъ здѣсь, любезный.....евичъ!
 Ты закрути свои два длинные уса!
 И шны, какъ сказочный Иванъ-царевичъ,
 Слыхалъ, видалъ большія чудеса!...
 Но я одинъ, и вижу какъ въ картинѣ
 Живой, картинный твой рассказъ,
 Какъ бились вы на смерть надъ Эльбой на пло-
 тинѣ,
 Гдѣ Фигнеръ-партизанъ, какъ молнія, угасъ....
 О, Фигнеръ былъ великій воинъ
 И не простой..... онъ былъ колдунъ!.....
 При немъ Французъ былъ вѣчно безпокоенъ...
 Какъ невидимка, какъ лешунъ,
 Вездѣ неузнанный лазупчикъ,
 То вдругъ Французамъ онъ попушникъ,
 То гостъ у нихъ: какъ Нѣмецъ, какъ Полякъ;

Онъ ѣдетъ вечеромъ къ Французамъ на бивакъ,
И въ карты козыряетъ съ ними,
Поетъ и пѣетъ..... и разпроснился онъ
Какъ будто съ братьями родными.....
Но успалыхъ въ пиру еще обдержитъ сонъ,
А онъ, шишкомъ, съ своей командой зоркой,
Прокравшись изъ лѣса подъ горкой,
Какъ шутъ!.... Пардонъ! » Имъ нѣтъ пардона;
И не испранивъ ни патрона,
Беретъ двѣ шпрети эскадрона.....
И вопль опяль на мѣснѣ спалъ,
Какъ будто и не онъ!....

. . . . .
. . . . .

II.

Онъ широко шагаль!
И часто, послѣ шибкой драки,
Его летучіе биваки
Сіяли гдѣ нибудь въ глуши:
Въ болошѣ шонкомъ, въ чащѣ лѣса,
На гребнѣ дикаго утеса.....
И вопъ Орловской самъ каршину съ нихъ пиши!
Храпятъ у коновязи кони,
Звѣнятъ надъ кормомъ удѣла:
« Никпо не смѣй снимашъ сѣдла!

« Кругомъ Французъ!... Мы шупъ какъ рыба
въ ипонѣ;

Дремалъ безъ сна и будь готовъ!»
Такъ онъ приказывалъ... И, лежа вокругъ коп-
ловъ,

Курялтъ табакъ усатые Гусары
И зорко вдаль глядитъ Козакъ...

И онъ своимъ рассказываетъ такъ:

« Я бился съ Туркомъ, мнѣ знакомы янычары:
Тогда служилъ я съ пушкою пѣшкомъ.

« Гоповы лѣспницы?» сказалъ Каменской.

А было то подѣ грознымъ Рущукомъ:

Но ровъ не вымѣрялъ... Тушъ съ хипросипю
женской

Потребно мужество... И кто изъ удалцовъ
Украдкой проползетъ и вымѣряетъ ровъ?»

Онъ все сказалъ. И я пустился....

Темнѣло въ полѣ и въ садахъ,

Муллы сзывали на молитву.

И Турки, говоря про битву,

Табакъ курили на валахъ...

Финилъ надъ пушкою дымился,

Дремалъ усталый часовой...

Я подошелъ..... перекрестился.....

И лотѣ, на снурѣ, въсовой

Тихонько съ берега скапился....

И вымѣрилъ, и возвратился.

И храбрый Руской Генераль
Спасибо руское за подвигъ мнѣ сказаль,
И я въ душѣ ношу спасибо это.
Хозяинъ мудрый правишь свѣпомъ:
Товарищи, нашъ Богъ великъ!
Онъ оиъ погибели спасаетъ неминучей.»
Такъ онъ рассказываль.... и красный лучъ зарит
Уже проглядываль вдали за синей тучей.....
Тогда въ Саксоніи вели войну цари,
И прошивъ ихъ Наполеонъ могучій,
Какъ темная гроза, надъ Эльбою споялъ,
И въ перемиріе онъ бившы замышлялъ.....
.....
.....

III.

..... Чу, кто тамъ проскакаль
Близъ городка красиваго *Дессау*?
Конечно къ *Верлицу*? Да, *Верлицъ* садъ на славу!
Я самъ въ немъ былъ и онъ меня плѣнялъ.....
« Смотрите, и не пьянъ, а по колѣно море:
« Вошь Партизанъ прямой! Въ груди слышавъ горе,
« Въ веселый садъ онъ мчится погуляшь!
« А можешь и не еъ садъ.... Какъ знашь?
« Ужъ перемирію конецъ..... оиашъ шревоги:
« Французской конницей засшавлены дороги;

* *

« Въ Саксонскихъ городахъ вездѣ Французъ!....

« Нашъ Партизанъ лихой! Ужъ подлинно не
трусъ....

« И онъ безъ устали... Всю ночь считаешь
звѣзды!

« Самъ повѣряешь цѣпь и ставишь самъ развѣзды....

« При немъ никто не смѣй звать! »

Но кто вздумалъ песокъ зыбучій?

Что тамъ синѣется? Какъ издали узнашь?....

Быть можешь, лѣсъ, бышь можешь, тучи....

Ахъ, нѣтъ, то къ Верлицу валишь Французовъ
рашь....

IV.

« Бей сборъ! Муштучь! труби! Вся партія къ
походу!

Французъ объѣхалъ насъ дугой

И жмешь къ рѣкѣ. Друзья, назадъ намъ прямо
въ воду!

Впередъ, на штыкъ, на смертный бой!

Но я, друзья! за васъ въ надеждѣ,

Что слово смерти не испугаетъ васъ:

Не всель равно, что годомъ прежде,

Что позже десятью возметъ могила насъ!....

Слушай! спюшь! не суетишься!

Патронъ и мужество беречь!

Спрѣлкамъ по соснамъ размѣститься :

Ни слова.... ни дохнуть, въ пищи сшеречь !

Драгуны могутъ, спѣшась, лечь....

А вы, мои залешные Гусары !

Бодри коней и снаровляй удары ,

Ни вы меня, ни я друзей не выдавалъ !

Дай саблѣ поцѣлуй, и бьемся на повалъ ! »

.....
.....

V.

Шумить.... вдали песокъ дымится :

Французъ сквозь часный боръ проникъ.

Палящъ!.... Вотъ конница и пѣшихъ крикъ :

Уланы польскіе.... и все на насъ валился

Какъ лѣсть!.... « Молись и на коня !

Сюда, на узкую плотину :

Одна смѣняй другую половину.

И всѣ смотрише на меня!....

Ужь я съ женой, въ душѣ, проспился,

Сказалъ послѣдній мой завѣщъ :

Я зналъ, когда на свѣтъ родился,

Что вѣдь должно жь осипавить свѣщъ....»

Сказалъ.... пошелъ.... и закипѣло....

.....
.....

VI.

Ну, ... евичъ! Эпо дѣло
Изъ самыхъ славныхъ русскихъ дѣлъ....

Ужъ бой давно, давно горѣлъ:
Дрались въ лѣсу и на порѣчьи;
Послался трупомъ узкій пушъ;
И руская прещала грудь.
Никпо не думалъ объ увѣчьи:
Прочь руку, сабля ужъ въ другой!
Ни фершаловъ, ни перевязки!...
Признашья, развѣ только сказки
Расскажущъ о борьбѣ шакой...

. . . . .
. . . . .

VII.

Но гдѣ жъ союзники? Ко времени бѣ и мѣсяцу
Теперь имъ бышь!... На нихъ надежда ужъ
плоха!

Дерись... годна намъ лиха! »
Такъ два отчаянныхъ, влюбленныхъ жениха
До смерти рѣжущся за милую невѣсту....
Что зашумѣлъ громче лѣсъ?
Еще звончѣй и ближе топотъ...
Беруть Французы перевѣсъ!
У нашихъ слышенъ тайный ропотъ....
То не боязнь, но злой!... то топотъ:

« Чѣло не видать его въ огнѣ? »
Доселѣ, въ буркѣ, на конѣ,
Онъ все была путь, въ глазахъ маячилъ,
Онъ самъ, онъ первый рубку началъ...

.....
.....

VIII.

Взошла, какъ и всегда, луна,
И въ ясной Эльбѣ попонула;
Какая мертвая, глухая тишина!...
Но развѣ днемъ не эта сторона
Кипѣла адомъ? Да! и вопль уснудал!
И врагъ и другъ въ непробудимой сонѣ!...
О берегъ, берегъ Эльбы дальной!
Что мнѣ скажешь женѣ печальной?
Гдѣ онъ, Герой? Куда жъ дѣвался онъ?
Пикипо не знаешь, не извѣстно!
Его искали повсемѣстно;
На полѣ бишвы, по лѣсамъ;
Но онъ оспался въ ненайденныхъ,
Ни между шѣлъ, ни между плѣнныхъ:
Его безвѣстенъ жребій намъ!...
Лишь ты, любезный .....евичъ,
Порою, вспомянувъ о немъ
Мнѣ говоришь: « онъ былъ прямымъ богатыремъ
И чудомъ... какъ Бова Додонскій королевичъ!... »

Ты помнишь, какъ тебѣ швердилъ я : » говори!
(Какъ вмѣстѣ мы запрошлымъ жили лѣномъ)

Разказывай мнѣ, другъ, о челоуѣкѣ эшомъ :

Я радъ прослушать до зари!

И проводили мы въ расказахъ дни и ночи.

Тогда какимъ огнемъ твои пылали очи!

Летѣли мимо насъ вечерніе часы,

Слеза въ очахъ твоихъ свѣшилась

И шихо изъ очей капилась

На длинныя усы!....

Ө. Глинка.

---

17 СЕНТЯБРЯ 1824.

Блаженъ, кому съ привѣтливой улыбкой

Надежда въ міръ предпечешъ!

Его челнокъ по морю жизни зыбкой

Сшремитъ безпрепешный полешъ.

Блаженъ и топлъ, чья пламенная вѣра

Ошчизну видитъ въ небесахъ!

Огонь и мечъ и львиная пещера

Ему ничло : онъ швердъ въ бѣдахъ.

Но избранникъ святаго Провидѣнья
 Любовью чистою хранимъ:
 Не знаешь слезъ, не вѣдаешь волненья;
 Ему соупникъ Серафимъ,

Слетѣвшій въ мѣръ отъ горячаго чертога,
 Творецъ сердечной тишины,
 Посолъ Всевышняго и отблескъ Бога
 Въ прелестномъ образѣ жены.

Э Л Е Г И Я.

Когда на зовъ души унылой
 Встаютъ изъ тайной глубины,
 Какъ привидѣнья надъ могилой,
 Минувшихъ лѣтъ златые сны,
 И ей представляется какъ прежде
 Въ знакомой сердцу красотѣ,
 Мечты въ блистательной одеждѣ,
 Любовь въ цвѣтущей наготѣ,
 И все, что рано обольстило
 Зарю счастливыхъ первыхъ лѣтъ,
 Чѣмъ примамила къ себѣ шакъ мило

Младую жизнь лукавый свѣшъ,
 Когда въ чадѣ очарованья,
 Воспорговъ и надеждъ полна,
 Всѣ радости, всѣ упованья,
 Емѹ повѣрила она;
 Когда мечта волшебной властью
 Прекрасный созидала мѣръ,
 И съ вѣрой пламенной ко счастью
 Богошворила свой кумиръ,
 Въ грядущемъ смѣло начерпала
 Свою судьбу персипомъ злалымъ,
 И быстро юность улетала
 Какъ легкій съ жершвенника дымъ;
 Когда сзовешъ воспоминанье
 Въ вѣ призраки минувшихъ лѣтъ:
 Ихъ опдаленное сіянье,
 Ихъ ушѣшишельный привѣтъ
 Часы унынья сокращаешъ.
 Чшо память? Черная доска,
 На коей времени рука
 Всю нашу жизнь изображаетъ,
 И долгій вечеръ спарика
 Началомъ повѣсни плѣняетъ.

Θ. Туланскій.

ЧЕРТЫ ОСЕНИ.

Ужъ вѣтеръ валъ на валъ кашитъ по жатвѣ зрѣлой;
Черника лоснилась, малина ошошла;
Въ саду зардѣлся яблокъ спѣлой;
Ужъ бѣлка зимовье себѣ свила,
И ладились медвѣдь въ берлогъ;
Желтѣетъ лиснѣ, змѣя въ норѣ,
Мѣсами мерзнетъ на зарѣ;
Копышъ и колесо звончѣ на дорогѣ...
Вездѣ какая-то мелькаетъ пестроша;
Въ водахъ и на небѣ сѣдѣетъ перламушромъ;
Про осень говоритъ народъ у церкви ушромъ
Въ день *Воздвиженія престопаго Креста.*

Ө. Глинка.

МІРЪ ФАНТАЗІИ.

Тамъ нѣгою вѣстѣ вокругъ вѣшерокъ,
Тамъ шепчешся съ берегомъ сребристой потокъ,
Тамъ свѣтомъ волшебнымъ денница горитъ,
Тамъ все наслаждашься природою манишь.

Тамъ злашомъ трепещетъ лимонъ на вѣтвяхъ,
Тамъ спелюшся класы въ цвѣтущихъ поляхъ,
И жизнию дышитъ шамъ гроздь молодой,
И персикъ спыдливой плѣняетъ красой.

Тамъ вѣчное утро, безоблачный день,
Тамъ длинныя годы мелькаютъ какъ тѣнь,
Тамъ вѣчнось ничтожна, шамъ времени нѣтъ:
Въ сей міръ вдохновенный спремится поэтъ.

Ознобишинъ.

БАРАТЫНСКОМУ.

Изъ Бессарабіи.

Сія пустынная страна
 Священна для души поэта :
 Она Державинымъ воспѣша
 И славой Рускою полна.
 Еще донинѣ шѣнь Назона
 Дунайскихъ щещѣ береговъ ;
 Она летишъ на сладкій зовъ
 Пипомцевъ музъ и Аполлона,
 И съ нею часто при лунѣ
 Брожу вдоль берега крутого :
 Но, другъ , обняшь мнѣ мнѣ
 Въ шебѣ Овидія живаго.

Е му же.

Я жду обѣщанной тешради :
 Чпожь медлишь , милый прубадуръ !
 Пришли се мнѣ Феба ради
 И награди тебѣ Амуръ !

А. Пушкинѣ.

ЯВЛЕНИЕ КЛОРИНДЫ ТАНКРЕДУ.

(Изъ Освобожденнаго Герусалима).

О ней зарей и вечеромъ о ней
 Крушился онъ и плачетъ и стонаетъ ;
 Такъ въ темну ночь тоскуя соловей ,
 Когда ловець жестокой похищенъ
 Его еще не вскормленныхъ дѣшей ,
 Поетъ и боръ печально оглашаетъ .
 Въ шомленьи силъ невольно легкимъ сномъ
 Забылся онъ передъ румянымъ днемъ .

И та , о комъ душа въ тоскѣ мечтала ,
 Чело въ звѣздахъ , подъ свѣтлой пеленой ,
 Въ чудесномъ снѣ очамъ его предстала ,
 Блещущая божественной красой ,
 Но и въ красѣ небесной сохраняла
 Знакомый видъ любви его земной .
 « О милый другъ ! Взгляни , какъ я прекрасна ,
 Какъ весела : печаль швоя напрасна !

Ты далъ мнѣ все: неглѣпнымъ ты вѣнцемъ
Мня вѣнчалъ, а мечъ обманушь мглою.
Что бранный міръ! Ужь я передъ Творцемъ;
Я въ хорѣ дѣвъ, безсмертною, святою,
Живу, люблю, молюся объ одномъ
И жду тебя, и вѣчный предъ тобою
Возблещетъ свѣтъ, и взоръ плѣнится твоимъ
Красой небесъ, и въ нихъ моею красой.

Спрямися къ намъ душою непзмѣнной!
Волненьямъ чувствъ упорснвуй и живи!
Люблю тебя, другъ сердца незабвенной,
И не шажушь шеперь моею любви. »
Рекла, въ очахъ блеснулъ огонь священной,
Невиданный у смертныхъ на земли,
И вдругъ, въ своемъ сіяньи упоая,
На синевѣ исчезла дѣва рая.

И. Козловъ.

С. М. С — ОЙ.

(Сонетъ.)

Была пора: ты въ безмятежной снѣи
Какъ лилія душистая цвѣла,
И твоего веселаго чела
Не омрачалъ задумчивости геній.
Пора надеждъ и новыхъ наслажденій
Невидимо подъ снѣю твоею пришла,
И въ новый край невольно увлекла
Тебя отъ игръ и сновъ невинной лѣни.

Но ясный взоръ и голосъ твой и видъ,
Все первыхъ лѣтъ хранишь очарованье,
Какъ свѣтлое о прошломъ воспомнанье,
Когда съ душой оно заговоритъ.
И въ насъ опять незапно пробудитъ
Минувшихъ благъ уснувшее желанье.

Плетневъ.

РАЗВАЛИНЫ.

Восточный , легкій въперокъ
Прохладой утреннею дышетъ
И воды озера колышетъ ;
Унесистъ берегъ и высокъ ;
Между лѣсистыхъ горъ равнина ,
Какъ голубой коверъ лежилъ ;
Въ шуманѣ край ея сокрытъ .

Высокаго холма вершина
Возноситъ къ мрачнымъ небесамъ
Разрушенный вѣками храмъ .
Вы преснули , крупные своды !
Вы пали , гордые столпы !
И тамъ , гдѣ некогда толпы
Спекались пѣшь Творца природы ,
Тамъ нынѣ ласточка одна
Гнѣздо свиваетъ у окна
И будитъ мертвое молчанье .

Гдѣ предки наши ? Лишь преданье
О нихъ осталось ! Мы живемъ ;

Но быстро предкамъ въ слѣдъ пройдемъ.
Ихъ нѣтъ: о насъ попомство скажешь,
И съ нами въ шуже землю ляжешь.

Потокъ несется въ бездну съ горь.
Не удержишь его стремленья!
Едва за нимъ успѣешь взоръ! . . .
Рѣка времянь, рѣка забвенья.
Быстрѣе: все умчишь она,
Безвѣспность, славу, немощь, силу
Въ бездонную вѣковъ могилу,
Гдѣ грозный мракъ и тишина.

Масальскій.

С Л А В А   Б О Г У .

— * —

О, слава Богу, слава Богу!
Я не влюбленъ, свободенъ я;
Я выбралъ лучшую дорогу.
На скучной степи бытія:
Не заняшь свѣшомъ и молвою;
Я знаю тихія мечты,
И не поклонникъ красоты,
И не обманушь красоюю!

Н. Языковъ.

ПОЩАДА ПѢВЦА.

Зевсъ, нахмурясь, глядѣль на древнюю грѣшницу
землю;

Вдругъ онъ изъ орлихъ когтей взялъ окри-
ленный перунъ,

Черныя шучи созвалъ и небо завѣсилъ грозою,
Руку подъялъ и хотѣлъ казнями мѣръ пось-
шить.

Въ оное время поклонникъ боговъ и страстный
любовникъ

Къ милой, въ темную даль, шелъ беззаботный
пѣвецъ.

Пылокое сердце билось ; шаги, удвоясь, лепѣли;

Кары не зря надъ собой, онъ уже лѣсъ мино-
валъ;

Садъ открылся ему, бѣлѣющей сладостнымъ
снѣгомъ

Флоры, въ который она любилъ Помону ря-
дилъ.

Тамъ, между яблонь и грушь, межъ липъ и березъ
благонныхъ

* *

Высились радостный домъ; храмъ чудотвор-
 ный шуда
 Къ шеплымъ молитвамъ зовешъ толпу земле-
 дѣльцевъ смиренныхъ;
 Юноша бодрый шуда, къ мѣсту другому, спѣ-
 шилъ.
 Вдругъ огонь разорвалъ темношу, и грянул
 грома;
 Вихоръ, кружась, поднялся; по полю чернымъ
 сполпомъ
 Прахъ передъ нимъ побѣжалъ; зашмилась, смѣ-
 шалась окрестность;
 Зевсъ раздраженный приникъ грозный на
 трепешный мѣръ!
 Фебъ изъ-за облака зрѣлъ, какъ яросный царь
 Уранидовъ
 Страшнаго града схватилъ, пагубный, полную
 горсть,
 Какъ онъ молніи шуйцей мешалъ и десною
 занесся,
 Да ударомъ однимъ юный посѣвъ испребилъ,
 Ниву, заботу бессонныхъ ночей, надежду се-
 лений.
 Гибель предвидѣлъ Лапой, жалостный Богъ,
 и печаль
 Вкралась въ душу его; предъ олицемъ, преклоня
 колѣна:

« О Крононъ! (возопилъ), все сокрушаетъ
твоя гнѣвъ :

Днеши, и вселенна дрожишь; речеши, ч смуща-
ются бездны!

Гордыхъ Титановъ карай: горе и горе полкамъ
Злосильнымъ, дерзнувшимъ воспастъ на шею,
на царя-громовержца!

Но человекъвъ щадн, жаждущихъ, быспрыхъ
гостей,

Званыхъ на мигъ ко сполу скупой, улешающей
жизни!

Въ племени семъ еще естъ чпители вѣчныхъ
боговъ!

Съ трона склонись и взгляни; со мой и Киприды
любимецъ!

Юпиперъ, если когда гласомъ Камень я воз-
могъ

Скуку съ безсмертнаго свѣяшь чела, и если
Даная,

Мая и Леда тебѣ въ опдыхъ опъ царственныхъ
дѣлъ

Чашу отрады подносили когда: не прѣзри мо-
ленья,

Голосу сына внемли, будь милосердъ и щадн! въ
Фебъ-Аполлонъ замолчалъ; всемоцный отецъ
улыбнулся;

Градъ дождемъ возшумѣлъ, въ жаркой разпаявъ
рукъ!
Ожили рощи подъ нимъ, освѣжились холмы и
долины;
Но лобызала до дожда милую спраспный
пѣвецъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Недаромъ, мимо всѣхъ живыхъ и мертвыхъ,
Онъ рускимъ гениемъ пожалованъ въ Парѣжъ:
Опѣлкой языка, сказать и я готовъ,
Онъ къ Сумарокову изъ всѣхъ новѣйшихъ ближе,
А шворчествомъ, огнемъ и полношой спиковъ
Онъ разѣмъ малымъ чѣмъ Хераскова поуже.

Князь Вяземскій.

Л. С. П — НУ.

Повѣрь, мой милый, твой познѣ
Тебѣ соперникъ не опасной:
Онъ на закашѣ юныхъ лѣтъ,
На пламенной зарѣ ты юности прекрасной!
Живаго чувства полный взглядъ,
Уста цвѣтуція, румяныя ланиты
Влюбленныхъ пѣсенокъ слышь и говорятъ
Съ душой догадливой Хариты.
Когда съ тобой наедиятъ
Порой красавица спихи мои похвалишь;
Тебя напрасно опечалишь
Ея вниманіе ко мнѣ:
Ей видѣть хочется начальное волненіе
Души неопытной ливоей,
И счастлива она, когда замѣтишь въ ней,
Свидѣтельство любви, ревнивое мученье.
Тебѣ ль завидовать смѣшной моей судьбѣ?
Что, что я приобрѣлъ, красавицъ воспѣвая?
Одно: моимъ спихомъ Хариты молодая,
Бышь можешь, выразишь любовь свою къ тебѣ!

Счастливыи баловень Киприды,
Знай сердце женское, о, знай его вѣрнѣй,
И за притворныя обиды
Лишь плапы пребовайшь умѣй!
А мнѣ, мнѣ предоставь тайнѣ огонь бесплодной,
Рожденный иногда воззрѣньемъ красоты,
Умомъ оспоривайшь сердечныя мечты
И чувство прикрывайшь улыбкою холодной!

Е. Баратынскій.

И Д Е А Л Ъ.

Благословляю сѣнь дубровъ,
Мою деревню, садъ и поле!
Небѣдень я, живу на волю,
Не знаю нягоспныхъ прулловъ;
Есть полка книгъ, гряда цвѣшковъ,
Пишу стихи: чего жъ мнѣ болѣ!

Плетневъ.

ПЕРСИДСКІЙ РОМАНСЪ.

(Изъ повѣсти: *Орсанъ и Леила*).

Я жду тебя и не дождуся:
Нейдешь, нейдешь подъ склопъ оливъ;
Ты мраченъ, грустенъ, молчаливъ;
Я въ ожиданіи томлюся.

Приди подъ шелковый намешъ,
Усни на мѣхъ неизмяпомъ (*):
Здѣсь скорпіоновъ вредныхъ нѣшъ,
Здѣсь розы дышатъ ароматомъ
И въ чашѣ искрится шербешъ.
Взойди на свѣтлый холмъ со мною,
Окинь глазами пышный садъ!
Въ немъ роскошь съ милой простотою

(*) Для безопасности отъ скорпіоновъ Персы и вообще всѣ восточные народы спяшъ на мѣхахъ.

Твой прояснятъ суровый взглядъ.
 Колю скучно средь зеркаль гарема!
 Возлягъ при зеркаль ручья!
 Послушай пѣсни соловья:
 Онъ Сади сладоспный эдема.
 Его живипеленъ вапѣвъ,
 И звуковъ помныхъ переливы
 Оспраднѣй для души поскливой,
 Чѣмъ пѣснь плѣнишельная дѣвъ.

* * *

Я жду тебя и не дождуся:
 Неидешь, неидешь подь склонъ оливъ;
 Ты мраченъ, груспенъ, молчаливъ;
 Я въ ожиданіи помлюся.

Пл. Ободовскій.

СТРОЕНИЕ СКАДРА.

(Изъ Сербскихъ народныхъ пѣсень. Кн. II.)

N. 5.)

Городъ строили три брата родные,
 По ошечесиву Мрлявевичи братья;
 Одинъ былъ братъ Вукашинъ кракъ,
 Другой Угльша воевода,
 А третій Мрлявевичъ Гойко;
 Городъ строили Скадаръ на Боянѣ 1).
 Строить три года, мастеровъ триста,
 И не могутъ склать основанья,
 А того меньше города поспроить.
 Чшо въ день они выведуть строеня,
 То все Вила 2) за ночь разрушить.
 Ужь когда наступилъ годъ четвертый,
 Тогда съ горъ провѣщилась Вила:
 Ты не мучь себя, Вукашинъ кракъ,
 И не трачь казны понапрасну;
 Не склать тебѣ краю основанья,
 А того меньше города поспроить,

Пока не найдешь ты приличныхъ
 Два имени: Стою и Стояна;
 Чѣмъ были по братъ и сестрица.
 Когда ихъ заложишь въ основанье
 Подъ башню; тогда будетъ твердо,
 И тогда ты выстроишь городъ.
 Какъ услышалъ по Вукашинъ краль,
 Призываетъ онъ слугу Десимира:
 Десимиръ, мое чадо дорогое!
 Ты былъ мнѣ вѣрнымъ слугою,
 Опиныи зову тебя сыномъ:
 Бери, сынъ мой, коней и колымагу,
 Бери съ собой сокровищъ шесть вьюковъ,
 Поѣзжай по бѣлому свѣпу
 Искать два имени приличныхъ,
 Отыскивать Стою и Сшояна,
 Чѣмъ были братъ и сестрица;
 И похитишь ли ихъ гдѣ, или купишь,
 Привези ихъ къ Скадру на Бояну
 Заложить подъ башню въ основанье:
 Авось либо будетъ оно твердо,
 Авось либо выстроимъ мы городъ!
 То услышавъ, Десимиръ поспѣшавъ,
 Беретъ коней и колымагу,
 Беретъ съ собой сокровищъ шесть вьюковъ,
 И ѣдетъ по бѣлому свѣпу
 Искать два имени приличныхъ,

Отыскивать Стою и Стояна.
 Онь цѣлые три года ищешъ ;
 Не нашелъ приличныхъ именъ двухъ,
 Не нашелъ онь Стою и Стояна.
 И вернулся къ Скадру на Бояну.
 Отдаетъ краю коней и колымагу,
 Отдаетъ ему сокровищъ шесть выюковъ
 Вошь, крадь, твою сокровища обратно;
 Не нашелъ я приличныхъ именъ двухъ,
 Не нашелъ я Стою и Стояна.
 Какъ услышалъ шо Вукашинъ крадь,
 Онь позвалъ опять зодчаго Рада,
 Тотъ работниковъ своихъ прехъ сошь,
 И опять строятъ Скадаръ на Боянѣ.
 Что построять, шо Вила разрушинъ.
 Недасть положить основанья,
 А того меньше города построить.
 Тушь опять съ горъ провѣщалась Вила :
 « Эй, не мучь себя, Вукашинъ крадь !
 Не трашь казны понапрасну :
 Тебѣ не скласшь основанья,
 А того меньше города построить ;
 Но васъ шрое братьевъ, и каждый
 Имѣешъ свою вѣрную любу :
 Чья выйдесть упромъ на Бояну
 И вынесешъ работникамъ зашпракъ,
 Ту подѣ башню въ основанье закладите :

И будетъ твердо основанье,
 И вы построите городъ.
 Какъ услышалъ то Вукашинъ краля,
 Призвалъ онъ братьевъ родимыхъ:
 Вы слышали ль, братья дорогие,
 Что Вила съ горъ провъщаетъ:
 Мы трапимъ казну понапрасну,
 Не дастъ Вила склестъ основанья,
 А шого меньше города построишь;
 И что она еще объявляетъ:
 Настъ шрое братьевъ, и каждый
 Имѣетъ свою вѣрную любу;
 Чья выйдетъ упромъ на Бояну
 И вынесетъ работникамъ завтракъ,
 Ту подъ башню намъ закласишь въ основанье,
 И будетъ основаніе швердо,
 И мы шогда городъ построимъ.
 Дадимъ же слово вѣрное другъ другу,
 Не сказывать о томъ нашимъ любамъ,
 А лучше оставимъ на удачу,
 Чьей женѣ роковый будетъ выходъ!
 И дали въ томъ слово другъ другу.
 Домой пришли вечеромъ поздно,
 И послѣ господской трапезы
 Есякъ съ женой опочить удалися.
 Но послушайте великаго чуда!
 Вукашинъ краля слово нарушилъ;

Онъ первый открылъ своей любѣ:
 Берегись, моя вѣрная любя,
 Выходить завтра упрямъ на Бояну
 Выносишь работникамъ завтракъ!
 Пойдешь, свою голову погубишь:
 Закладуишь себя подѣ башню въ основанье.
 И Угльша слово нарушилъ,
 И онъ объявилъ своей любѣ:
 « Смотри, въ обманъ не вдавайся:
 Не ходи завтра упрямъ на Бояну
 Выносишь работникамъ завтракъ:
 Пойдешь, моя милая, погибнешь,
 Закладуишь себя подѣ башню въ основанье.»
 Младъ Гойко слова не нарушилъ,
 Ничего онъ не сказалъ своей милой.
 На упрю, ранымъ раненько,
 Встаютъ братья, выходятъ на Бояну,
 Туда, гдѣ строился городъ.
 Воилъ пора уже нести завтракъ.
 Госпожи была очередь кралицы,
 А она говоритъ своей невѣсткѣ,
 Невѣсткѣ, Угльшиной любѣ:
 Невѣстшушка, мнѣ неможешся что-то,
 Голова болишь, иппи я не въ силахъ.
 Снеси-да ты работникамъ завтракъ!
 Жена Угльшина ей отвѣчаетъ:
 Ахъ, невѣстшушка, госпожа кралица,

У меня рука болитъ, не въ мочь мнѣ;
 Попроси младшую невѣстку!
 Она проситъ младшую невѣстку:
 Невѣстуха, Гойковица, свѣтъ мой!
 Голова болитъ, ишли я не въ силахъ.
 Слеси-ка шы работникамъ завтракъ.
 Но Гойкова жена молодая
 Предсказываетъ ей свои недосуги:
 « Машушка, госпожа кралица,
 Я охотно бѣ тебѣ услужила;
 Дитя глупое у меня не обмыто,
 Да и бѣлое не выстирано плашье. »
 « Ничего! » говорила кралица,
 « Ты снеси только работникамъ завтракъ,
 А я шное выстираю плашье,
 Невѣстка дитя шное обмоешь. »
 Нечѣмъ Гойковой женѣ отговориться.
 Понесла она работникамъ завтракъ.
 Какъ пришла на рѣку, на Бояну,
 Увидалъ ее Мрявчевичъ Гойко.
 Разгорѣлось въ немъ решивое сердце;
 Жаль ему вѣрныя любви,
 Жаль ему дитяши въ колыбели:
 Дитяши мѣсяць шолько минулъ!
 У молодца выслупили слезы.
 Примѣшивъ шо, жена молодая
 Къ нему крошкой посшущью подходитъ

И тихою рѣчью вѣщаетъ:
 Что спалось тебѣ, милому другу?
 О чемъ или слезы роняешь?
 Олвѣчаетъ ей Мрлявчевичъ Гойко:
 О горе миѣ, моя вѣрная любя!
 У меня было яблоко золотое;
 Оно пало сегодня въ Бояну:
 О томъ плачу я, о томъ не упѣшусь!
 Не кручинься, говоришь она мужу;
 Тебѣ бы только Богъ далъ здоровье,
 Съешь себѣ яблоко и получше.
 Тогда жалость имъ пуще овладѣла,
 И онъ въ сторону самъ отвернулся,
 Чтобъ больше не видѣль своей милой.
 А другіе два брата подскочили,
 Два деверя Гойковой молодежи;
 Ее взяли за бѣлыя руки,
 Повели на закладку основанья.
 Они кликнули зодчаго Рада;
 Топъ своихъ работниковъ сзываетъ.
 Но смѣешься тому молодежи;
 Она думавишь, шутку съ нею шутятъ.
 Поставили ее на закладку,
 И всѣ шрисиа работниковъ разомъ
 Прикапчили каменьевъ и бревенъ,
 Обложили ее до колѣна.
 Еще-таки смѣешься молодеца,

Еще думаетъ, что все съ нею шутящъ.
 Но тѣ свое дѣло продолжающъ:
 Нанесли каменьевъ и бревенъ,
 И до пояса ее обложили.
 Гнепущъ ее каменья и бревна.
 Тогда видишъ, что ей бѣдной тошуютъ,
 И завонила жалобнымъ воплемъ.
 Умоляетъ она деверьевъ милыхъ:
 Не давайше, если Бога боишесь,
 Закладываю каменьемъ молодую!
 Умоляетъ, но все бесполезно;
 Деверья на нее и не смотряшъ.
 Уже ей не до сызда и зазора.
 Обращаешся къ мужу и проситъ:
 Не давай меня ты, милый другъ мой,
 Закладываю каменьемъ молодую!
 Попли къ моей мапушкѣ спарой;
 У мапушки довольно богашсшеа:
 Пущь купишъ тебѣ раба или рабыню,
 Чтобъ подъ башню заложитъ въ основанье.
 Умоляетъ, но все безуспѣшно.
 Какъ увидѣла злосчастлива молодица,
 Что всѣ ея просьбы напрасны,
 Обращаешся она къ зодчему Раду:
 « Будь мнѣ брашомъ по Богу, о зодчій!
 Оставь для груди моихъ оконце,
 И высунь мои бѣлыя груди:

Принесутъ какъ если младенца,
 Моего несчастнаго Юву,
 Пасосалъ бы дитя моей груди, »
 Исполнилъ по желаніе зодчій,
 Оставилъ для груди ея оконце,
 И высунулъ ея бѣлыя груди,
 Принесутъ когда бѣднаго Юву,
 Пасосалъ бы дитя ея груди.
 Опянь зодчаго бѣдная просипъ:
 « Будь мнѣ брашомъ по Богу, о зодчій!
 Оставь еще для глазъ моихъ оконце,
 Чшобъ глядѣшь, какъ изъ дому будущъ
 Приносишь ко мнѣ Юву младенца,
 И прочь ошносишь когда будущъ. »
 И по зодчій желанье исполнилъ;
 Оставилъ для глазъ ея оконце,
 Чшобъ глядѣла, какъ изъ дому будущъ
 Приносишь къ ней Юву младенца,
 И прочь ошносишь когда будущъ.
 И шакъ ее въ стѣну заградилъ.
 Приносятъ дитя изъ колыбели,
 Она грудью его кормитъ съ недѣлю,
 Чрезъ недѣлю голосъ потеряла.
 Но младенца еще грудь ея пипала;
 Цѣмой годъ его той грудью кормила.
 Какъ тогда было, такъ и осшалось:
 Молоко ошшоло шечель и понынь

* *

Для чуда, и для изцѣленья,
У которой жены молока нѣшь 3).

А. Востоковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *Скадаръ* Сербское названіе города Скодры или Скушари въ Албаніи. *Бояна* имя рѣки.

2. *Вила*. Такъ называютъ Сербы баснословное существо, подобное нашей Русалкѣ. Вилы живутъ на высокихъ горахъ и на прибрежныхъ скалахъ. Ихъ воображаютъ молодыми, прекрасными, одѣшыми въ тонкое, бѣлое платье. Долгія ихъ волосы разпущены по плечамъ и по груди. Онѣ не дѣлаютъ зла никому, развѣ только, кто ихъ оскорбитъ (панкнувшись на ихъ хороводъ, и ш. под.); того онѣ убиваютъ спирѣлами.

3. Издашель Сербскихъ пѣсень, Вукъ Стефановичъ, замѣчаетъ, что между земляками его носится молва, будто бы и понынѣ изъ того окошка, гдѣ продѣшны были сосцы, печетъ какая-то жидкость, сгущающаяся по снѣгъ въ видѣ извѣстки. Ее носятъ при себѣ, и разведенную водою пьютъ женщины, у коихъ нѣшь молока, или у коихъ болятъ сосцы.

А Л Б О М Ъ .

Альбомъ, какъ жизнь, противорѣчій смѣсь,
 Смѣсь добраго, худаго, пуспословья :
 Здѣсь дружбы дань, тушь свѣпскаго условья,
 Тушь жаръ любви, памъ умничанья спѣсь.
 Изящное въ немъ наряду съ ничтожнымъ,
 Умъ съ глупостью, иль истинное съ ложнымъ:
 Идей и чувствъ пестрѣетъ маскарадъ;
 Все счѣтомъ, все въ обрѣзъ и по наряду;
 Часпехонько ни складу нѣпъ, ни ладу:
 Здѣсь рѣмъ наборъ, а памъ пуспый обрядъ.
 Какъ въ жизни, такъ не шочноль и въ альбомѣ
 Плоды души сжимаетъ свѣтскій ледъ,
 Подъ свой аршинъ приличье всѣхъ гнететъ,
 И на цѣпи, какъ узникъ въ желпомъ домѣ,
 Кошпорого намъ видѣшь смѣхъ и жаль,
 Иль потъ звѣрокъ, чпо къ колесу привязанъ,
 Въ одномъ кругу вертѣшься умъ обязанъ
 И двигаясь не подвигаясь въ даль?
 Пуспъ отомститъ мнѣ пчель альбомныхъ жало,
 Но я еще сравненье имъ припасъ :

Поэзіи и меда въ жизни мало,
 А въ сихъ стихахъ и менѣе подъ часъ.
 Къ цвѣтныимъ листкамъ альбомовъ спихъ болшавы
 Радъ примѣнишь песпрѣющіе дни:
 Есть свѣтлые, какъ радуги опливы,
 Есть темныя, померкшіе въ пѣни!
 Какъ на вѣку день на день не придется
 И будни въ слѣдъ за праздникомъ; равно
 Въ альбомѣ поже: здѣсь сердце улыбнется,
 А тамъ звенеть съ разсудкомъ заодно.
 Иной листокъ для памяти сердечной
 Дороже намъ поэмы долговѣчной,
 И день иной намъ памяншій, чѣмъ рядъ
 Бесплодныхъ лѣтъ, что выдохлись, какъ чадъ.
 Счастливы, кому, по милости форшуны,
 Отсчитанъ день для сердца вѣчноюный!
 Счастливы и пошъ, чей спихъ, любовь друзей,
 Какъ сердца звукъ на сердцѣ ошзовенся:
 Тошъ безъ молвы стопрубной обойденся
 И безъ прислугъ журнальныхъ трубачей!
 Боясь въ дверяхъ безсмертнѣя душной давки,
 Сшремглавъ не рвусь къ ступенямъ книжной лавы
 И счастья жду въ смиренномъ уголкѣ:
 Пусть гордый свѣтъ меня купаешь въ Лешъ,
 Лишь былъ бы я у дружбы на примѣшъ
 И живъ у васъ на памяншомъ листкѣ.

Князь Вяземскій.

Н. И. ГИЃДИЧУ.

Муза вчера мнѣ, пѣвецъ, принесла закоцип-
ную новость :

Въ темный недавно Айдесъ тѣнь Славянина
пришла;

Тамъ, окруженная сонмомъ тѣней любопыт-
ныхъ, пропѣла

(Слушала и древній Омеръ) пѣснь Иліады швоей.

Спарецъ нашъ, къ персямъ вожапаго-юноши
сладко приникнувъ,

Вскрикнулъ: вошъ слава моя, вошъ чего вѣки
я ждалъ!

— Д. —

О Т Р Ы В К И

*изъ второй пѣсни Евгенія Онегина,
поэмы А. Пушкина.*

XXIV.

Ея сестра звалась Ташьяна...
 Впервые именовъ такимъ
 Страницы нѣжныя романа
 Мы своевольно освяшимъ.
 И чтожь? Оно пріятно, звучно,
 Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
 Воспоминанье шарипы
 Иль дѣвичьей! Мы все должны
 Признаться: вкусу очень мало
 У насъ и въ нашихъ именахъ
 (Не говоримъ ужь о сипихахъ);
 Намъ просвѣщенье не пристало,
 И намъ доспалось отъ него
 Жеманство, больше ничего.

XXV.

И такъ, она звалась Татьянаю.
 Ни красотою сестры своей,
 Ни свѣжестью ея румяной
 Не привлекла бѣ она очей.
 Дика, печальна, молчалива,
 Какъ лань лѣсная боязлива,
 Она въ семьѣ своей родной
 Казалась дѣвочкой чужой.
 Она ласкалась не умѣла
 Къ онцу, ни къ мамери своей;
 Диня сама, въ толпѣ дѣшей
 Играшь и прыгаешь не хотѣла,
 И часно цѣлый день одна
 Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивостьъ, ея подруга
 Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
 Теченье сельскаго досуга
 Мечтами украшала ей.
 Ея изиѣженные пальцы
 Не знали иглъ; склоняясь на пяльцы,
 Узоромъ шелковымъ она
 Не оживляла полотна.
 Охоты властвовать примѣта,
 Съ послушной куклою диня

Приготавливается шупя
 Къ приличію, закону свѣта,
 И важно повтораешъ ей
 Уроки маминьки своей.

XXVII.

Но куклы даже въ эти годы
 Татьяна въ руки не брала,
 Про вѣспни города, про моды
 Бесѣды съ нею не вела.
 И были дѣтскія проказы
 Ей чужды: страшные рассказы
 Зимсю въ темношѣ ночей
 Пѣняли больше сердце ей.
 Когда же няня собирала
 Для Ольги на широкой дугѣ
 Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
 Она въ горѣлки не играла;
 Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ
 И шумъ ихъ въпреныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
 Предупреждать зари восходъ,
 Когда на блѣдномъ небосклонѣ
 Звѣздъ исчезаетъ хороводъ
 И тихо край земли свѣтлѣетъ

И, вѣспникъ утра, вѣтеръ вѣшетъ
 И всходитъ постепенно день.
 Зимой, когда ночная шѣнь
 Полміромъ долъ обладаетъ
 И долъ въ праздной тишинѣ
 Восшокъ лѣнивый почиваетъ,
 Въ привычный часъ пробуждена,
 Вспавала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
 Они ей замѣняли всё:
 Она влюблялася въ обманы
 И Ричардсона и Руссо.
 Отецъ ея былъ добрый малый,
 Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;
 Но въ книгахъ не видалъ вреда:
 Онъ, не читая никогда,
 Ихъ починалъ пуспой игрушкой
 И не заботился о томъ,
 Какой у дочки тайный томъ
 Дремалъ до утра подъ подушкой.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
 Владиміръ Ленскій посѣнилъ
 Сосѣда памятникъ смиренный

И вздохъ онъ пеплу посвящилъ:
 И долго сердцу грустно было.
 Роог Yoric! молвилъ онъ уныло,
 Онъ на рукахъ меня держалъ!
 Какъ часно въ дѣлствѣ я игралъ
 Его Очаковской медалью!
 Онъ Ольгу прочилъ за меня,
 Онъ говорилъ: дождусь я дня!
 И полонъ искренней печалью
 Владиміръ путь же начерпалъ
 Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И памъ же надписью печальной
 Отца и матери въ слезахъ
 Почтилъ онъ прахъ патриархальной.
 Увы, на жизненныхъ браздахъ
 Мгновенной жашвой поколѣнья
 По тайной волѣ провидѣнья
 Возходятъ, зрѣютъ и падушъ!
 Другія имъ во слѣдъ идущъ.
 Такъ наше вѣпреное племя
 Ростешъ, волнуется, кипитъ
 И къ гробу прадедовъ шѣснитъ.
 Придетъ, придетъ и наше время,
 И наши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра выдѣснитъ и насъ!

XXXIX.

Покаместъ упивайтесь ею,
 Сей легкой жизнию, друзья!
 Ея ничтожность разумью
 И мало къ ней привязанъ я.
 Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
 Но ошдаленныя надежды
 Тревожатъ сердце иногда:
 Безъ непримѣннаго слѣда
 Миѣ было бѣ грустно мѣръ оставитъ.
 Живу, пишу не для похвалъ,
 Но я бы, кажется, желалъ
 Печальный жребій свой прославить,
 Чѣмъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напомнилъ хощь единый звукъ.

XI.

И чье нибудь онъ сердце пронесетъ,
 И сохраненная судьбой,
 Быль можетъ, въ Лестѣ не попошетъ
 Спрофа, слагаемая мной;
 Быль можетъ (лесная надежда!),
 Укажетъ будущій невѣжда
 На мой прославленный портретъ
 И молвитъ: то-то былъ поэтъ!
 Примижь мои благодаренья,
 Поклонникъ мирныхъ ариадъ,

О ты, чья память сохранишь
Мои летучія шкоренья,
Чья благосклонная рука
Пошреплешъ лавры сшарика.

Н А Д П И С Ъ

Къ Портрету Лирика.

Потомство! воля Петровъ,
Счастливейшій поэтъ время Екашерны:
Его герои, исполнены;
И самъ онъ по уму и духу былъ шаковъ.

***

ПОДРАЖАНІЕ АРІОСТУ.

(La Virginella è simile alla rosa.)

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взлелѣянной весной подѣ сѣнію надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры паспуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ;
Но въперъ сладосиный, но роци благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

К. Батюшковъ.

НАРВСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Несись съ неукротимымъ гнѣвомъ,
Машежной влаги властелинъ!
Надъ шипиной окрестной ревомъ
Господствуй, бурный исполинъ!

Жемчужною, кипящей лавой
За валомъ низвергая валъ,
Сердитой, дикой, величавой
Перебегай ступени скалъ!

Дождь брызжетъ отъ упорной сшибки
Волны, сразившейся съ волной,
И влажный дымъ, какъ облакъ зыбкій,
Вдали ихъ предшавляешъ бой.

Все разъяренный, все угрюмый
Лепишь, какъ гений непогодъ:
Я мыслью погружаюсь въ шумъ
Междоусобно-бурныхъ водъ.

Но какъ вокругъ все безмятежно,
И, утомленные побой,
Какъ чудесна опдыхаютъ нѣжно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берегъ чуждъ смятенью,
На немъ цвѣшеть весны краса,
И вмѣстѣ миру и волненью
Свѣтлѣющъ шѣже небеса.

По ты, созданье тайной бури,
Игралице глухой войны,

Ты не зеркало ихъ лазури,
Вошше блестящей съ вышины.

Противорѣчіе природы,
Подъ грознымъ знаменемъ превогъ
Въ залогъ вѣчной непогоды
Ты бышія пріялъ залогъ.

Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный
Одинъ свирѣпснвуешь въ глуши,
Какъ вдоль пустыни вихоръ знойный,
Какъ страсіе въ святилищѣ души.

Какъ ты, внезапно разразится,
Какъ шы, растетъ она въ борьбѣ,
Терзаетъ лоно, гдѣ роднша,
И поглощается въ себѣ.

Князь Вяземскій.

МЫ.

Бѣдныя мы! Что нашъ умъ? Сквозь туманъ
озарющій факель
Бурей гонимый нашъ чолнъ по морю бѣдспивъ
и слезъ;
Счастіе наше въ невѣденье жалкомъ, въ меч-
тахъ и безумствѣ:
Свѣчку хвапашъ дитя, юноша ищетъ любви.
Баронъ Дельвицъ.

Э П И Т А Ф І Я.

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ
игрушкой.
Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась памъ.
Баронъ Дельвицъ.

Н А Д П И С Ь.

Взгляни на ликъ холодный сей!

Взгляни; въ немъ жизни нѣтъ!

Но какъ на немъ былыхъ страстей

Еще замѣнешь слѣдъ!

Такъ ярый шокъ, оледенѣвъ,

Надъ бездною виситъ ,

Утрашивъ прежній, грозный ревъ ,

Храня движенья видъ.

Е. Баратынскій.

~~~~~

ПОЯСЪ КИПРИДЫ.

Отрывокъ изъ XIV пѣсни *Иліады*.

Зевсъ, воспретивъ богамъ вспомошествовать и Ахеямъ и Троянамъ (Пѣс. VIII), самъ удалился отъ Олимпа, свлѣ на Идѣ и отвратилъ очи отъ Трои. (Пѣс. XII) Трояне не могли одолѣвать Ахеянъ, отразили отъ города, прогнали къ стѣнѣ, защищающей корабли, пробили стѣну и приступаютъ къ кораблямъ. Посейдонъ, покровитель Ахеянъ, является (Пѣс. XIV), вопреки Зевсу, на полѣ битвы и ободряетъ ихъ. Гера, также Ахеямъ благосклонная, увидѣла Посейдона съ Олимпа и чтобы не дать его увидѣть Зевсу и болѣе доставить времени для ободренія Ахеянъ, предпринимаетъ обольстить супруга своимъ и любовію, и для этого спрашиваетъ поясъ у Киприды.

Ст. 153. Гера, царица боговъ злопотропная, спавъ на Олимпѣ,
Взоръ съ высоты устремила, и быстро богиня
узнала

Въ брани уже поборавшаго, бой воздвизавшаго
славный

Браша и деверя мощнаго: радость проникла
ей душу.

Зевса жь на высяхъ сѣдящаго Иды, попоками
шумной,

Гера узрѣла, и былъ ненавистенъ онъ сердцу
богини.

Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,

Какъ обольстивъ ей божественный разумъ ца-
ря Эгіоха?

Лучшею сердцу богини сія показалася дума:

Зевсу на Идѣ явисься, прелестно себя изукра-
сивъ.

Можетъ быть, грозный Кронидъ возжелаетъ
любви насладиться,

Видя ея красоту; а она и глубокой и сладкой,

Можетъ быть, сонъ проліетъ на зѣницы его и
на разумъ.

Гера вошла въ почивальню, кошорую сынъ ей
любезный

Создалъ Гефестъ и плотную дверь укрѣпилъ
верями

Съ тайнымъ замкомъ, ни однимъ отъ бессмерт-
ныхъ еще неопровержимымъ;

Въ оную Гера вснупись, затворила блестящія
двери.

Тамъ, амброзической влагой она до малѣйшаго
праха

Съ пѣла прелестнаго смывъ, умастилася ма-
слою чистѣйшимъ,

Сладкимъ, небеснымъ, изящѣйшимъ всѣхъ у
нее ароматомъ:

Чуть сотрясали его въ мѣдностѣнномъ Зевсо-
вомъ домѣ,

Вдругъ до земли и небесъ разливался божествен-
ный запахъ.

Имъ умастившись Гера, густые волосы расче-
сала,

Хитро сплела и сложила, и волны блистатель-
ныхъ кудрей,

Пышныхъ, небесно-душистыхъ съ бессмерт-
ной главы низпустила.

Станъ облекла благовоною ризою, какую Афина

Ей сошкавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ
узоровъ.

Ризу златыми застежками выше грудей застег-
нула;

Спань опоясала поясомъ, шьюю бахромъ опу-
шеннымъ.

Въ уши прекрасныя серги, съ тройными под-
вѣсами, вдѣла,

Ярко игравшія : прелесть во всемъ на богинѣ
блистала.

Легкимъ покровомъ главу осѣнила державная
Гера

Пышнымъ, новымъ, кошорой какъ солнце сіялъ
близною.

Къ свѣтлымъ ногамъ привязала красы велелѣп-
ной плесницы.

Такъ, для очей восхищительнымъ, шью украсивъ
убранствомъ,

Вышла изъ ложницы Гера и Зевсову дочь
Афродиту

Вдаль отъ собора боговъ отозвала и пакъ го-
ворила :

« Чпо я скажу, пожелаешь ли, милая дочь,
мнѣ исполнить?

« Или опвергнешь, Киприда, въ душѣ на меня
сокрывая

« Гнѣвъ, что я за Данаевъ, а ты благосклонна
Троянамъ?

Ей ошвѣчала немедленно Зевсова дочь Афро-
дита :

« Гера, богиня верховная, отпращь великаго
Крона!

« Молви, чего ты желаешь; исполнишь сердце
велишь мнѣ,

« Если исполнишь могу я, и если оно исполнимо.

Ей, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная
Гера:

« Дай мнѣ любви, Афродита, дай мнѣ тѣхъ
сладкихъ желаній,

« Койми ты покоряешь сердца и бессмертныхъ
и смертныхъ.

« Я отхожу далеко, на предѣлы земли многодар-
ной,

« Видѣшь бессмертныхъ опца Океана и мать
Тевису.

« Боги питали меня и лелеяли въ собственномъ
домѣ,

« Юною взявши ошъ Реи, какъ Зевсъ непре-
дѣльно гремѣщій

« Крона подъ землю низвергъ и подъ волны без-
плоднаго моря.

« Ихъ я иду посѣщить, чтобы раздоры жесто-
кіе кончить.

« Долго, бездѣнные сердцу, объятій и брачна-
го ложа

« Долго туждлюшя боги : вражда имъ вселеняся
въ души.

« Если родителей я примирю моими словами ,

« Если на одръ возведу, чптобы вновь сочеша-
лись любовью,

« Вѣчно остануся я и любезной для нихъ и поч-
тенной.

Ей, улыбаясь плѣнительно, вновь отвѣчала
Киприда :

« Мнѣ не возможно, не должно твоихъ отвер-
гать убѣждений :

« Ты почитаешь въ обаянїяхъ бога всемогнутаго,
Зевса.

Такъ говоря, разрѣшила на персяхъ, иглой из-
пещренный,

Поясъ узорчатый; всѣ обаянїя въ немъ заклю-
чались :

Въ немъ и любовь и желанїя, шопоть любви,
обольщенїй

Сладкія рѣчи, неразъ уловляющїя умъ и разум-
ныхъ ;

Геръ его подала и шакїя слова говорила :

« Вошь мой поясъ узорный, на лонѣ сокрой
его, Гера!

« Въ немъ заключается все; и въ чертоги Олим-
па, богиня,

« Ты не прійдешь, не исполнивши пламенныхъ
сердца желаній.

Такъ изрекла; улыбулась лидейнораменная
Гера,

И съ улыбкой сокрыла блистательный поясъ на
лонѣ.

Къ сонму боговъ возвратилася Зевсова дочь Аф-
родита.

Гера же, вдругъ устремившись, осшавила выси
Олимпа,

Вдругъ пролетѣла Піэріи холмы, Эмавіи доли,

Быстро промчалась надъ снѣжными конныхъ
Фракіянъ горами,

Выше утесовъ паря и стопами земли не касаясь;

Съ гордой Аеоса вершины сошла на волнистое
море;

Тамъ низпустилася въ Лемнѣ, Фоасовомъ градѣ
священномъ;

Тамъ со Сномъ повстрѣчалася, братомъ воз-
любленнымъ Смерши;

За руку бога взяла, называла и такъ говорила:

« Сонъ, повелитель всѣхъ небожителей, всѣхъ
земнородныхъ!

« Если когда либо слово мое исполнялъ шы
охошно,

« Нынѣ исполни еще: благодарность моя без,
предѣльна.

« Сонъ, усыпи для меня Громодержцевы ясных
очи

« Въ самый пошъ мигъ, какъ на ложѣ приму я
въ объятія бога.

« Въ даръ ошъ меня шы получишь пронъ веле-
лѣпный, нешлѣпный,

« Злашомъ сіяющій: сынъ мой, художникъ, Ге-
фесшъ хромоногій,

« Самъ для себя сошворишь и подножіемъ выш-
нымъ украсишь,

« Нѣжныя ноги тебѣ на пиршесствахъ сладкихъ
покоишь.

Геръ державной не медля ошвѣпствоваль Сонъ
усладипель:

« Гера, богиня верховная, опрасль великаго
Крона!

« Каждого я изъ боговъ, населяющихъ небо и
землю,

« Сномъ одолѣю легко; усыпаю я и самыя
волны

« Древней рѣки Океана, ошъ коего все произхо-
дишь.

- « Къ Кронову жь сыну царю и приближиться
я не посмѣю,
- « Въ сонъ не введу Громодержца, поколъ не
самъ повелишь онъ.
- « Помню, меня онъ и древле своей образумилъ
грозою.
- « Въ день, какъ возвышенный духомъ Гераклъ,
порожденный Зевесомъ,
- « Плылъ отъ береговъ Иліона, Троинскаго града
рушитель:
- « Въ оный я день обаялъ Эгіоха всеильнаго ра-
зумъ,
- « Сладко разлившись; ты жь устроила папасши
Гераклу;
- « Ты неистовыхъ вѣтровъ воздвигнула бурю
на море;
- « Сына его далеко отъ друзей, далеко отъ оп-
тизны
- « Бросила къ берегу Кооса. Воспрянулъ Кро-
нидъ, и грозою
- « Всѣхъ Олимпійскихъ разсыпалъ по небу, меня
яапаче
- « Гнѣвный искалъ, и на гибель съ эфпра забро-
силъ бы въ море,
- « Если бы Ночь не спасла, и безсмертныхъ и
смертныхъ царица.

« Къ ней я, спасаясь, прибѣгъ. Укропился, какъ
ни былъ разгнѣванъ,

« Зевсъ молнелюбець: священную Ночь оскор-
биль оупъ спашилъ.

« Ты же велишь мнѣ ояшь посягнуль на опас-
ное дѣло.

Вновь говорила ему волоокая Гера богиня :

« Сонъ усладилъ, почшо безпокойныя мысли
пишаешь?

« Или ты думаешь, будешь Троянъ защищать
Громовержець

« Такъ же , какъ въ гнѣвъ своемъ защищалъ оупъ
любезнаго сына?

« Шестивуй; шебѣ въ благодарность юнѣйшую
дамъ я Харитиу ;

« Ты обоймешь наконецъ, назовешь ты своею
супругой

« Ту Пазисею, по коей давно ты всѣ дни воз-
дыхаешь.

Такъ изрекла, и ошвѣшествовалъ Сонъ, вос-
хищенный обѣщомъ.

« Гера , клянись ненарушимой клятвою, Сипик-
са водою ;

« Руки простири и коснися, одною земли мно-
годарной,

« Свѣшлаго моря другою, да будешь свидѣтели
кляшны

« Всѣ преисподніе боги, присущіе древнему
Крону:

« Ими клянися, что мнѣ ты супругой младую
Харитиу

« Дашь Пазисею, по коей давно я всѣ дни воз-
дыжаю.

Рекъ, и ему покорилась лилейно - раменная
Гера;

Руки простерши клялась, и какъ онъ повелѣлъ,
призывала

Всѣхъ преисподнихъ боговъ, Тишанами въ мірѣ
зовомыхъ.

Ими клялась, и страшную клятву едва соверши-
ла,

Оба взвились и оставили Имбра и Лемна пре-
дѣлы;

Оба, одѣтые облакомъ, быстро по воздуху
мчались.

Скоро увидѣли Иду, звѣрей многоводную ма-
терь;

Около Лекта оставивши понтъ, божества надъ
землею

Быстро шекли, и опъ стоишь ихъ дубравъ по-
трясались вершины.

Тамъ разлучилсѣ: Сонъ, ошъ Кронидовыхъ взо-
ровъ шаяся,

Слыть на огромнѣйшей снѣ, какая въ то время
на Иды

Высшая, гордой главою сквозь воздухъ въ зенрь
уходила.

Тамъ онъ сидѣлъ, укрываясь подъ мрачными
вѣшьями снѣ,

Пшицѣ подобяся звонкоголосой, вшталницѣ гор-
ной,

Въ сонмѣ бесмертныхъ слывущей Халкидой,
у смертныхъ Киминдой.

Гера владычица быстро всходила на Гаргаръ
высокій,

Иды горы на вершину: богиню узрѣлъ Тучево-
децъ,

Только узрѣлъ, и мудрую душу зажгло вожде-
ленье

Тѣмъ же огнемъ, съ какимъ наслаждался онъ пер-
вой любовью,

Первымъ супружескимъ ложемъ, онъ мплыхъ
родипелей шайнымъ.

Встрѣчу супругъ воспалъ Тучеводецъ и бы-
стро возкликнулъ:

« Гера супруга! Почто же ты шествуешь такъ
онъ Олимпа?

« Я ни коней при шебѣ, ни злшой колесницы
не вижу.

Зевсу, коварствуя сердцемъ, въшла державная
Гера:

« Я опхожу, о супругъ мой, къ предѣламъ зем-
ли даровиной,
« Видѣть безсмертныхъ опца Океана и маперъ
Теѣису.

.....
« Коня при мнѣ, у подошвы обильной попока-
ми Иды,
« Ждушь, и опшолъ меня и по сушѣ помчатъ и
повлагъ.
« Но сюда я, Кронидъ, прихожу для шебя опъ
Олимпа,
« Ты бъ на меня, о супругъ, не разгнѣвался, если
безмольно.
« Въ домъ опойду Океана, глубокія лющаго воды.

Быспро, се прерывая, опвѣштвовалъ пучъ
воздымашель:
Гера супруга, ипши къ Океану и послѣ шы
можешь;
Нынѣ почіемъ съ шобой и взаимной любви на-
сладимся.
Гера, шакя любовь лякогда ни къ богинѣ, ни
къ смерпной

« Въ грудь не вливалась мнѣ и душою моею не
владѣла.

.....

« Полный къ тебѣ я любви, вожделеніемъ слад-
кимъ пылаю.

Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала держав-
ная Гера:

« Страшный Кроніонъ! Какія ты рѣчи, суро-
вый, вѣщаешь?

« Здѣсь ты желаешь починуть и объятій любви
насладишься,

« Здѣсь, на вершинѣ Идейской, гдѣ все для взо-
ровъ открыто?

« Что жь? и случисься что можетъ, если ка-
кой изъ безсмертныхъ

« Насъ, почившихъ примѣшишь и всѣмъ, населя-
ющимъ небо

« Злобный укажешь? Никакъ не дерзну я, воз-
ставшая съ ложа,

« Въ домъ швоемъ Олимпійскомъ явиться; по-
зорно мнѣ будетъ.

« Если желаешь, и если швоей душѣ что пріятно,

« Есмь у тебя почтительна, которую пышно
устроишь

« Сынъ твой любезной и плошную дверь укрѣ-
пилъ верями.

« Въ оной почить удалимся, когда ты желаешь
покоя.

Геръ быстро ошѣпсшвовалъ тучъ воздыма-
тель Кроніонъ:

« Гера супруга! Ни богъ, на меня положиися,
ни смершній

« Настъ не увидишь: шакой надъ шобою кругомъ
я разкпну

« Облакъ златой; сквозь него не проглянешъ
ни самое солнце,

« Чье лучезарное око все проникаетъ и видитъ.
Рекъ и въ объяшя спльныя Зевсъ заключаешъ
супругу.

Быстро подъ ними земля возрастила цвѣту-
щія травы:

Лопшсь росисшый, Сафранъ и цвѣшы Гіакши-
еы гуспые,

Гибкіе, павши подъ нихъ, ошъ земли высоко
подымалп.

Боги на нихъ почивали; кругомъ разпростерся
прекрасный

Облакъ златый, и блишательной ихъ орошалъ
онъ росю.

Н. Глѣдитъ.

О Б Ъ Я С Н Е Н И Е .

Я врагъ, дикъ, людей бѣгу.
Хотѣлъ бы иногда ихъ видѣть;
Но я не долженъ, не могу:
Боюсь друзей возненавидѣть.

Не смѣю никого обнять,
На чьей нибудь забылся груди;
Мнѣ тяжело воспоминашь,
Мнѣ страшно думать: это люди.

Плетневъ.

СТАНСЫ

КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГНѢДИЧУ.

(На Кавказѣ и Крылѣ).

Мечтатель пламенный, любимецъ вдохновены
Звучишь ли на горахъ волшебный лиры гласъ?
Хіоскаго слѣпца внимаешь ли пѣснопѣнья
Восторженный Кавказъ?

Ты зрѣлъ, съ какой красой власть чудны
природы
Громады дикихъ скалъ вѣнчаетъ яркимъ льдомъ
Какъ благодатныя въ долинахъ хлещуть воды
Кипучимъ серебромъ!

Тамъ въ синихъ небесахъ снѣги вершинъ
сіяють,
Надъ безднами виситъ пурпурный виноградъ,
И лучи подъ шобой клубяся заспилають
Резущій водопадъ.

Ты видишь, между скалъ какъ рыщетъ горный
житель,
Черкесь, отважный другъ свободы и коня,
Тамъ, гдѣ прикованъ былъ къ ушесу похититель
Небеснаго огня!

Но долъ роковой Титанъ не покорился,
Лишь Громовержца оя надменно укорялъ;
Сшрадалъцу гордому разгнѣванный дивился,
И громъ въ рукъ дрожалъ.

Иль, другъ, уже теперъ въ объятяхъ шихой
лѣни
Вечернею зарей или смотришь на Салгиръ,
На сладострастныхъ Таврическихъ сѣни,
На радужный эфиръ.

Тамъ сѣверный пѣвецъ въ садахъ Бахчисаря
Задумчиво бродилъ мечтами окружёнъ;
Тамъ въ сумракъ предъ нимъ мелькнула тѣнь
младая;
И струнъ раздался звонъ.

Ты слышалъ, какъ фонтанъ шумитъ во тмѣ
полночной,
Какъ пламенно поетъ надъ розой соловей!
Но сладостный фонтанъ и соловей воспоной
Не слаще, не звучнѣй.

Быть можешь, давнихъ дней воспоминанья
полный,
И видя, какъ суда несутся по зыбамъ,
Ты душой шайною стремишься черезъ волны
Къ далекимъ берегамъ.

Чьи башни гордыя съ двурогими лунами
Къ лазурнымъ небесамъ такъ дерзко вознеслись,
Гдѣ плещетъ Гелеспонщъ, гдѣ дремятъ надъ
спирюами

И миртъ и кипарисъ ?

Въ ихъ темной зелени на лонѣ водъ бѣлѣетъ
Гаремъ съ решетками и кровлей золотой,
И нѣжный ароматъ отъ розъ огнистыхъ вѣетъ
Съ прохладою ночной.

Ахъ, ясный неба сводъ и шумъ валовъ сребри-
стыхъ,
И розы пышныя и мирные лѣса,
И нѣга томная ночей швоихъ душистыхъ,
И дѣвъ швоихъ краса,

Ничто, прелестный край, ничто народъ су-
ровый
Не въ силахъ укрощить; онъ съ каждымъ днемъ
грозный:

И мчатъ твоимъ сынамъ и гибель и окопы
Армады кораблей.

Но мечь, свободы мечь, блеснулъ ужаснымъ
блескомъ;
Съ нимъ Богъ, ужь онъ разилъ враговъ родной
земли,
И, огненнымъ сіяньемъ взлеса къ небу, съ
шрескомъ
Пылають корабли.

Ихъ пламень освѣшилъ пучину роковую,
И рдѣнь зарево во мракъ черныхъ пучь,
И вѣщаго пѣвца на урну гробовую
Упалъ багровый лучь.

Иванъ Козловъ.

О Т Р Ы В К И

*Изъ Персидской повѣсти: Орсанъ и
Леила.*

Преданье было въ Испаганъ,
 Что души праведныхъ царей,
 И всѣхъ умершихъ въ царскомъ санѣ,
 Въ часъ обновленія луны,
 Изходятъ изъ гробницы мирной
 Въ врата съ восточныхъ спраны,
 Одѣты ризою эфирной;
 Съ луной по небесамъ плывутъ
 Въ предѣлъ безоблачнаго края:
 И Персы тѣ врата зовутъ
 Вратами радостнаго рая.

Вѣстие Орсана и Леилы.

.....
 ..... Воцарилась
 Въ мѣстахъ пустынныхъ шипина,
 И запорогая луна

На краѣ неба появилась ;
 Плышетъ, и вошь она горитъ
 Средь проясненнаго полсвода ;
 Предъ ней въ сіяніи лежитъ
 Уже уснувшая природа.
 И, къ спраку Мавровъ, надъ дворцомъ
 Вошь мѣсяць, блѣдный и печальной,
 Повисъ, какъ въ сумракъ nocturno
 Надъ гробомъ свѣточъ погребальной ;
 Разверзлись райскія врата
 Двѣ тѣни въ дымъ вылетающъ.
 Видѣній младосишь, красота
 Арабовъ очи ослѣпляютъ.
 Оипъ ихъ воздушныхъ, свѣтлыхъ ризъ
 Ясминовъ сладкій запахъ вѣснъ ;
 Ихъ чела юный кипарисъ
 Лиспами свѣжими лелѣетъ ;
 Промчались... скрылись... аромашъ
 Остался слѣдомъ ихъ явленья :
 Померивы, блѣдны, безъ движенья,
 Во прахъ войны лежатъ.

Пл. Ободовскій.

В Е Ч Е Р Ъ.

(Изъ Шиллера).

Скройся, богъ свѣта! Нивы желаютъ
Влаги прохладной; смертный унылъ;
Медленно идушъ томные кони:
Скройся, богъ свѣта, въ струяхъ!

Зри, кто изъ моря въ волны кристалльны
Съ милой улыбкой друга манитъ!
Быстро помчались грозные кони
Въ царство богини морей!

Къ персямъ прекрасной Фебъ наклонился;
Правишь бродами юный Амуръ;
Богу послушны гордые кони,
Плещутся рѣзво въ струяхъ.

Съ звѣзднаго неба легкой сипою
Ночь прилегла, съ нею любовь.
Фебъ почиваетъ въ нѣгѣ роскошной;
Спише въ объятяхъ любви!

С. Шевыревъ.

КЪ УВЯДАЮЩЕЙ КРАСАВИЦЪ.

—*—

Взгляните на нее! Смиренье
И кротость на ея чель :
Она и Бога и творенье
Могла прославишь на землѣ.
Взгляните на нее! Какъ ѣжно
Въ сихъ угасающихъ очахъ,
Въ ея улыбкѣ безнадежной
Видна упраша лучшихъ благъ
И скорбь души безъ упованья!
Такъ въ зимній кладный день одна
На блѣдномъ сводѣ безъ сіянья
Стоишь безцвѣтная луна.

Θ. Туланской.

М О Л И Т В А.

Благослови, всеисильный Боже,
Ея полунощный покой!
Алтарь невинности святой
Есть непорочной дѣвы ложе.
Къ нему до утра призови
Съ толпой счастливыхъ сновидѣній
Мечту небесную любви,
Восторги чистыхъ наслаждений!
Да безмятежно въ сладкомъ снѣ
Играешь съ ней веселость шаже,
И у возглавья въ тишинѣ
Поставь къ ней Ангела на стражѣ!

Θ. Туланской.

Т Р И С Л Ъ П Ц А .

Судьбой на всѣ страны земныя
Поспановленъ одинъ законъ;
Вселенной правятъ три слѣпыхъ:
Фортуна, Смерть и Купидонъ.
Жизнь наша пирь : съ привѣшной лаской
Фортуна отворяешъ залъ,
Амуръ распоряжаетъ пляской,
Приходишь смерть , и конченъ балъ.

А. Иллитевскій.

НАДПИСЬ КЪ ИСТОЧНИКУ.

—*—

Прозрачнаго сего ручья
Всегда спокойны, шихи воды.
Не шакъ ли льется жизнь швоя,
Другъ мудрости и другъ природы!

А. Иллитевскій.

Н. Н., ПОДНОСЯ ЕЙ ЯБЛОКО.

—*—

Я выбранъ, какъ Паридъ, судьей,
Ты торжествуешь, какъ Киприда,
Рѣшилъ не хуже я Парида,
Заплашишь ли подобно ей?

А. Иллитевскій.

КНЯЖНЪ С. Р — ЛЬ.

Твоя безоблачная младость
Цвѣтешъ пѣвнической красой;
Ты улыбаешься какъ радость,
Ясна и взоромъ и душой.

Рукой ли бѣлой и послушной
По звонкимъ струнамъ пробѣжишь,
Иль спройно въ рѣзвостни воздушной
Кружишься, вьешься и лешишь:

Ты радугой горнишь предъ нами;
Она шакъ блещетъ лѣтнимъ днемъ
И разноцвѣтными огнями
Играетъ въ небѣ голубомъ.

Но въ тѣ часы, какъ ты снимаешь
Вѣнокъ изъ розовыхъ цвѣшовъ
И съ милой помносною внимаешь
Мезшамъ задумчивыхъ пѣцовъ;

Какъ ты младенческой душою,
Участница въ чужихъ бѣдахъ,

Грустишь невинною шпосою,
И слезы ангела въ очахъ:

О, такъ въ саду росою чистой
Лилея пѣжная блеститъ,
Когда луна цвѣпокъ душистой
Силѣемъ шомнымъ серебритъ!

И. Козловъ.

P. S. Такъ въ привидѣннхъ идеала
Ему представилась ты:
И кисть поэта срисовала
Твой воздушныя черны.

Его потухнувшія очи
Печальною покрыны мглой;
Но и во мракъ тяжкой ночи
Онъ видѣлъ ясно образъ твой.

Еще онъ видитъ, что прекрасно,
Какъ мы на темныхъ небесахъ
Осенней ночью мѣсяцъ ясной
Видаемъ въ шоккихъ облакахъ.

Плетневъ.

СТЕПНАЯ ЖИЗНЬ. ВОСПОМИНАНІЯ. ПОХОДЪ.

Пространны здѣсь сухія степи ;
 Онѣ синѣютъ въ далекѣ ;
 Кургановъ закругленныхъ цѣпи
 Мѣсами тянутся къ рѣкѣ...
 Здѣсь широки разливы Буга ;
 Сюда далекая подруга,
 Рѣка степей, къ нему слѣшитъ
 И, съ нимъ обнявшись, кипитъ
 Въ однихъ берегахъ его пологихъ...
 Сюда сбѣжались три дороги ;
 Здѣсь прехъ границъ была черта :
 Здѣсь Турки свой шабакъ курили,
 И противъ гордой Польской мила
 Торчала Руская верста.
 Теперь все тишь и пустоша,
 И нѣтъ уже границъ здѣсь больше.
 Какъ мнѣ не помнишь милой Польши ?
 Давно ль, полуродимый край,
 Мы у себя, какъ дома, жили,
 Младыхъ дѣвицъ своихъ хвалили

И пили старый твой пожай!...
 Любовь играла съ нами въ жмурки;
 Мнѣ памянны твои мазурки
 И пляска Краковятскихъ горъ
 И дѣвъ пвонхъ Сарматскихъ очей,
 Ихъ легкой спань, ихъ свѣтлой взоръ...
 Меня и свидѣнья ночи
 Мандишь своею красотою:
 Я долго ею утѣшаюсь
 И неохотно пробуждаюсь,
 Гонясь за сладкою мечпою.
 О время, время дорогое!...
 Но пустьъ въ глазахъ совѣтъ другое!...
 Плыветъ пустынная рѣка....
 На знойной выси поднебесной
 И на долинѣ бездревесной
 Все тихо.... только свиснѣ сурка,
 Тоскливый опкликъ кулика,
 Иль крикъ немзаной шѣлеги
 Тревожатъ мой заснувшій слухъ,
 Привыкшій къ звукамъ сладкой нѣги...
 Но онъ красивъ, широкій Бугъ,
 Когда играетъ въ немъ денница,
 Или огнистая зарница
 Бѣжитъ по дремлющимъ волнамъ...
 Тухъ миловидно по ночамъ
 Огни у пасшырей пылають,

И вдругъ, на крикъ спорожевой,
Снапцы псовъ степныхъ залаюшъ...
Чу... слышенъ отзвѣтъ боевой,
И прочь шоска и сердца раны...
Гремятъ знакомымъ барабаны,
Свѣлѣютъ въ линіи шпыки...
То наши Рускіе полки
Идутъ путемъ на Дубосары.
Походъ... Несутъ грозу и кары
На Турка задунайскихъ странъ,
Чтобъ запалить шамъ бишвы пламя
И Руское святое знамя
Поставишь смѣло на Балканъ.

Ө. Глинка.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

ЦЫГАНЫ.

С т а р и к ъ .

Ты любишь насъ, хоть и рождень
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кпо къ нѣгъ пріученъ.
Межь нами есть одно преданье:
Царемъ когда-по сосланъ былъ
Полудня жительство къ намъ въ изгнанье;
Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье.
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
Не оскорбляя никого,
Людей рассказами плѣняя;

Не разумѣлъ онъ ничего;
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣши:
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣши.
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Они святаго шарика
Пушистой кожей покрывали;
Но онъ къ печалямъ жизни бѣдной
Привыкнушь никогда не могъ;
Скipped онъ изсохшій, блѣдной,
И говорилъ, что гнѣвный богъ
Его каралъ за пресупленье;
Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье;
И все несчастный тосковалъ,
Бродилъ по берегамъ Дуная,
И горьки слѣзы проливалъ,
Свой дальный градъ воспоминая;
И завѣщалъ онъ умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости
И смертью чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

А л е к о .

Такъ, вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о дивная держава!

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава:
Минувшій гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или, подъ сѣнью дымной кущи,
Цыгана дикаго расказъ.

Александръ Пушкинъ.

СЕМЬ ПЯТНИЦЪ НА НЕДѢЛѢ.

День черный *пятница*: кричитъ
Намъ суевѣръ, покорный страху,
И повѣряетъ жизни быть
По Брюсовскому альманаху.
Счастливицу каждый день хороше!
Но кто у счастья въ черномъ шлѣ,
По неудачамъ топъ и сплоше
Сочтешъ семь пятницъ на недѣлѣ.

« Ужь былъ я въ пятницу дуракъ! »
Какъ будио въ пятницу? « Какъ въ ящикъ,
Меня упряпали въ просакъ
Жена, пріятель и прикащикъ! »

Мой другъ . нейдетъ попышка въ счётъ:
Баръ многихъ вижу я опсель ,
У коихъ дома круглый годъ
Твоихъ семь пашницъ на недѣль .

« Женюсь ! Нѣтъ , путь женатыхъ скользкъ .
Подомъ въ описавку ! Нѣтъ , ни слова !
Въ Парижъ поѣду ! Нѣтъ , въ Тобольскъ !
Прочшу Сенеку ! Нѣтъ , Графова ! »
Такъ завсегда по колесу
Верпяпся мысли въ пустомель ;
Воптъ , что зовется : на часу
Имѣль семь пашницъ на недѣль .

Устроишь флюгеръ изъ пера ,
Иной шакъ пишешь , какъ подуешь :
У шѣхъ , на коихъ вралъ вчера ,
Сегодня ножки онъ цѣлуешь .
Флюгаринъ , или Фигляринъ , шопъ
Набилъ ужь руку въ этомъ дѣлѣ :
Онъ и семь совѣшей сочнешъ ,
Да и семь пашницъ на недѣль .

У должниковъ и знапныхъ баръ
Дню *никогда* завтра не намѣстникъ :
День *завтра* часто очень старъ ,
И не упомнишь , чей ровесникъ ;

Онъ день отмѣнный, и сравню
Его и съ первымъ днемъ въ апрѣлѣ:
Кипо вѣрнѣе завтрешнему дню,
Тотъ знай семь пятницъ на недѣлѣ.

« Эрнестъ въ бреду: вдругъ слезы льетъ,
Вдругъ пляшетъ; то клянeshь, то молишь,
То волоса съ себя дерешь,
То ояъ ихъ въ кудри вьешъ и холишь! »
Сей бредъ по имени зови,
Когда слыхалъ о хипромъ Лелѣ;
Эрнестъ влюбленъ, а у любви
Всегда семь пятницъ на недѣлѣ.

Семь пирамидъ, семь мудрецовъ
И семь чудесъ намъ древность славить,
Владыкѣ снилось семь коровъ,
Римъ семь холмовъ подошвой давить,
Семь городовъ входили въ споръ
О славной Грекамъ колыбелѣ,
Да и вездѣ, какъ на подборъ
Семь пятницъ на одной недѣлѣ.

Пригнали въ пятницу меня
Къ брегамъ попушныя желанья:
Друзья, изъ будничнаго дня
Будь праздникъ свѣтлаго свиданья!

Играй вино на числомъ днѣ,
Какъ кровь играешь въ юномъ шлѣ!
О небо, вѣкъ даруй пы мнѣ
Такихъ семь пашницъ на недѣлѣ.

Князь Вяземскій.

Л У Н А.

Я вечеромъ съ трубкой сидѣлъ у окна;
Печально глядѣла въ окошко луна;
Я слышалъ: потоки шумѣли вдали;
Я видѣлъ на холмы шуманы легли.
Въ душѣ замутилось, я дико вздрогнулъ,
Я прошлое живо душой вспоминалъ!
Въ серебряномъ блескѣ вечернихъ лучей
Явилась мнѣ Лила, веселье очей.
Какъ прежде, шепнула когарная мнѣ:
Быть вѣчно твоею клануся лунѣ.
Какъ прежде, за тучи луна уплыла,
И насъ разлучила невѣрная мгла.
Изъ трубки я выдулъ сгорѣвшій табакъ,
Вздохнулъ и на брови надвинулъ колпакъ.

— Д —

К Ъ Л И Д Ъ.

Подражаніе К. Галлу.

Лида, веселье очей распаленныхъ,
 Зависнь и чудо красотъ несравненныхъ,
 Лида, ты лицій восточныхъ бѣдѣй,
 Розы румянѣй, ясмина нѣжнѣй;
 Мнѣшь предъ тобою двухъ жизней мнѣ мало...
 Дѣва воспорговъ сними покрывало;
 Дай насмотрѣться на злато кудрей,
 Дай мнѣ насыпити насыпность очей
 Шия и плечь снѣговой ѳлизною;
 Дай надивисься бровей красотою,
 Дай полюблянься взорамъ моимъ
 Опивѣномъ розъ на ланипахъ живымъ.
 Нѣжся взоромъ на взорѣ прелестномъ,
 Я утонувъ бы въ воспоргѣ небесномъ,
 Съ длинныхъ рѣсницъ не спустилъ бы очей:
 Лида, сними покрывало скорѣй!

Скромный хранитель красотъ, покрывало
 Не хотя кудри осмывая упало;
 Мнѣю, пылаю, дивлюсь красотамъ...

Лида, скорѣе устами къ вѣспѣмъ!
 Жалокъ и мигъ пролетѣвшій напрасно;
 Дай поцѣлуй голубицы мнѣ сираспной..
 Сладокъ мнѣ твой поцѣлуй огневой;
 Лида, онъ слился съ моею душой....

Полно же, полно, о дѣва любви!
 Дай усмириться волненію крови;
 Твой поцѣлуй, какъ дыханье боговъ,
 Въ сердце вливаетъ чистѣйшую кровь..
 Дымка слетѣла, и груди перловы
 Вскрылись, и вскрыли элизій мнѣ новый.
 Сладко.. дыханіе нарда и розъ
 Въ воздухъ тонкомъ отъ нихъ разлилось.
 Тихій ихъ трепетъ, роскошные волны
 Жизнью несмертннн небесною полны.
 Лида, о Лида, набрось поскорѣй
 Дымку на перлы живые грудей;
 Въ нихъ неземное бѣненъе, движенъе;
 Съ нихъ упомяенный я пью испощенъе.
 Лида, накинь покрывало на грудь,
 Дай мнѣ опъ роскоши нѣгъ ошдохнуть!

Рауль.

КЪ МНИМОЙ СЧАСТЛИВИЦЪ.

Мнѣ грустно, на тебя смотря;
Твоя не вѣрился мнѣ радость,
И розами твоя увѣчанная младость
Есть дня холоднаго блестящая заря.

Нѣтъ прозаическаго счастья
Для поэтической души:
Поэзіей любви дни наши хороши,
А ты чужда ея святаго сладострастья.

Нѣтъ, нѣтъ: оя не любимъ побой;
Нѣтъ, нѣтъ: любить его не можешь;
Въ стихіи спорныя одно движеніе вложишь,
Съ фальшивымъ вѣрный звукъ сольешь въ со-
гласный строй.

Насильствомъ хитраго искусства
Стишенная теоришь природа чудеса,
Но не позволяшь небеса,
Чтобъ предрасудковъ власть уравнивала чув-
ства.

Сердцамъ избраннымъ данъ языкъ,
Непосвященному невнятной:

Кто въ тайнства его съ рожденя не проникъ,
Тотъ не достигнетъ ихъ награды благодашней.

Гдѣ въ двухъ сердцахъ нѣтъ тайнаго сродства,
Повѣрья общаго. сочувствія, понимая;
Тамъ холодны любви права,
Тамъ холодны любви объяшья!

Товарищи въ земномъ плѣну житейскихъ узъ,
Другъ другу чужды вы внѣ роковаго круга:
Не промыслъ васъ берегъ и прочилъ другъ для
друга,
Но свѣша произволь вамъ наложилъ союзъ.

Я знаю, ты не лицемеришь;
Какъ свѣжая роса, душа твоя свѣпла;
Но суевѣрная разсудку слѣпо вѣришь
И сердце на его поруку опдала.

Ты вѣришь, что, какъ честь, насильственнымъ
объпомъ

И сердце вольное нетрудно обложитъ
И что ему подъ добровольнымъ гнетомъ
Долгъ можешь счастье замѣнить!

О женщины, какой мудрецъ васъ разгадаетъ?
Въ васъ двѣ природы, въ васъ два спорятъ су-
щества.

(110)

Въ васъ часто любитъ голова
И часшо сердце разсуждаетъ.

Но силою ли души, иль слѣпотою почестъ,
Когда вы жизни сей, дарами столь убогой,
Надежды лучшія дерзаете принести
На жершвенникъ обязанности спугой?

Что къ отрѣченью васъ влечетъ? Какая власть
Васъ счастья призракомъ даритъ на плахъ сча-
стья?

Смиренья ль чистаго возвышенная страсть,
Иль безмяшежный сонъ холоднаго безспрастья?

Вы совершеннѣй ли, иль хладнокровнѣй насъ?
Вы жизни выше ли, иль какъ въ избранный ка-
мень

Отъ Пигмальноновой любви, равно и въ васъ,
Ударитъ долженъ чистый пламень?

Иль, въ тяжбѣ съ обществомъ и съ силою въ
борьбѣ,

Страшась испытывать игру превратныхъ долей,
Заранѣ ищете убѣжища себѣ
Въ благоразумьи и неволѣ?

Умѣренность расчешъ: когда начнутъ отъ
лѣтъ

Умъ болѣ повѣрять, а сердце менѣй вѣрять;

Необходимостью свои желанья мѣривъ
Намъ и природы гласъ и опыта совѣтъ.

Но въ возрастѣ пошлѣ, когда печальныхъ
вспинѣ свнпокъ
Въ мерцаньи радужномъ еще сокрытъ отъ насъ,
Для сердца жаднаго и самый благъ избытокъ.
Есть недоспаючный запасъ.

А ты, разбивъ сосудъ волшебной
И съ жизни оборвавъ поэзіи цвѣтны,
Чѣмъ сердце обольстивъ, когда рукой враж-
дебной
Сердечный міръ разворожила ты?

Есть къ счастью выдержка въ долині золь и
плача,
Но въ свѣтѣ заброшенный небесный сей залогъ;
Не положишельный извѣстныхъ благъ ишогъ
Не алгеброй ума рѣшенная задача.

Нѣтъ вдохновеніемъ дается счастье намъ,
Какъ искра творческа живой душѣ поэта,
Какъ розѣ свѣжій оиміамъ,
Какъ нѣга звучная пѣвцу любви и лѣта.

И горе смертному, который въ слѣпошѣ
Взысканьямъ общеснва сей вышній даръ усту-
пилъ,

Иль, робко жертвуга приличью и щещь,
Земныя выгоды его цѣною купишь.

Мнѣ грустно, на тебя смотря;
Твоя не вѣрится мнѣ радость,
И розами швоя увѣчанная младость
Если дня холоднаго блестящая заря.

Съ полудня свѣтлаго переселенецъ милой,
Цвѣнокъ, предчувствіе о лучшей сторонѣ,
Къ раснѣню сѣвера привинный гнѣвной силой,
Цвѣшешь не радостно тоскуя по веснѣ.

Иль, жертва долгая минуты ослѣпленья,
Младая Перя, дочь воздушныхъ семьп,
Изъ чаши благъ земныхъ не почерпнешь забвенья
Обышованныхъ ей возпорговъ и любви.

Любуйся шишиной подѣ небомъ безмятеж-
нымъ,
Но хладъ разсудка, хладъ до сердца не проникъ;
Въ немъ пламень не поухъ: шакъ подѣ уборомъ
снѣжнымъ
Кипишь невидимо земныхъ огней шайникъ.

Въ сердечномъ забыши, а не воснѣ спокойномъ,
Еще шайшь въ себѣ мятежныхъ думъ слѣды:

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Изъ Байрона.

Бессоннаго солнце, въ шуманъ луна!
Горишь ты далеко, грушна и блѣдна;
При тускломъ мерцаньи мракъ ночи страшнѣй:
Такъ въ памяти радость утраченныхъ дней!
Минувшее блещетъ межъ горестныхъ тучъ,
Но сердца не грѣшетъ помпильный лучъ,
И радость былая, какъ ночью луна,
Видна, но далеко, ярка, но хладна.

Иванъ Козловъ.

КЪ ПОДАРЕННОМУ ЛОКОНУ.

И такъ теперь ты пѣвникъ мой,
О милый локоновъ изгнанникъ!
Судбины злой невольный дѣлникъ,
Жестокой отдѣленъ рукой
Отъ милаго тебѣ убора;
Теперь уже не будешь ты
Служишь опрадою для взора,
Служа убранствомъ красоты;
Уже не будешь, развѣвая,
Наину милую ласкать,
И какъ бы спросишь къ ней пылая,
Въ невольной ревности мѣшаешь
Зефиру рѣзвому, играя,
Красы ланишь ея лобзая.
Какъ часто, взоръ мой устремляя
Съ невольной зависью къ тебѣ,
Я упрекалъ моей судьбѣ,
Твои движенья наблюдая;
Какъ часто бышь тобой желалъ!
Но все преходчиво: ты палъ,
Враждебной пораженный спашью,

И какъ бы преданный шокъ
 Приникъ съ невольною печалью
 Къ тебѣ ласкающей рукъ.
 Но будь утѣшенъ: ты со мною,
 Съ Наиной ты не разлученъ;
 Предавшись ей моею душою,
 Мой каждый часъ ей посвященъ;
 О ней всѣ тайныя желанья,
 Всѣ чувства тайныя о ней,
 И каждый звукъ моихъ рѣчей
 Твердишь мнѣ милое названье.
 Какъ даръ любезной красоты,
 Какъ жизнь оправдѣвшихъ мечтаній,
 И украшеньемъ будешь ты
 Моихъ любимыхъ воспоминаній !

И. Великопольскій.

ЛИЛІЯ И РОЗА.

(Въ Альбомѣ Т. Е. Е — ой.)

Средь пышныхъ Флоридныхъ садовъ,
 Гдѣ радость, миръ и нѣга вѣютъ,
 Сестры: Невинность и Любовь
 Два цвѣта милые лелѣютъ.
 Цвѣтъ первый, крошкой бѣлизной
 Сіяя весело, какъ радость,
 Плѣняетъ прелестью живой
 И очаровываетъ младость;
 Поники скромною главой
 На свѣшлый покъ рѣки струистой,
 Любуется во влагѣ чистой
 Своею чистою красой:
 То цвѣтъ невинности Лилія.
 Второй, роскошно пламенѣя
 Пурпуровымъ зари огнѣмъ,
 Какъ утро майское блистаетъ,
 И надъ пылающимъ цвѣткомъ

Воздушнымъ плавая крыломъ,
 Зефиръ прохладу навѣваетъ:
 То Роза, то любви цвѣтъ.
 Какой же изъ цвѣтовъ милѣе?
 Иль крошкя въ тиши Лилея,
 Иль Роза пламенная? Нѣтъ:
 Не все ль въ цвѣтахъ равно прекрасно!
 Но вдвое намъ милѣи они,
 Когда цвѣшутъ красой согласной,
 И Роза, пышный цвѣтъ любви,
 Сплелась съ Лилеей нѣжной, скромной,
 Чело вѣнчаетъ дѣвы скромной.
 Но гдѣ, у Флоры ли въ садахъ,
 Въ какой спранѣ очарованья,
 Въ роскошныхъ блещетъ красотахъ
 Чудесное цвѣтовъ слиянье?
 Не тамъ, не тамъ! У дѣвъ младыхъ
 Невинность и любовь согласно
 Въ цвѣтахъ возлюбленныхъ своихъ
 Всю чистоту сердецъ живыхъ,
 Всю душу выразили ясно.
 Во цвѣтѣ дѣвственныхъ ланитъ
 Горящій пурпуръ Розы слитъ
 Со снѣжной Лиліи бѣлизною,
 И дивный цвѣтъ равно блещитъ
 И крошестью и красотою.
 Тамъ свѣтлая любовь нѣжной

Стыдливый пламенемъ играешь,
И кроткой Лилией мнѣй
Невинность пламень опощиваешь.

С. Шевыревъ.

НА ПОГРЕБЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО
ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА.

И з ъ М у р а.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ несъ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опушили.

И бѣдная почестъ въ ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Намъ тускло свѣшила въ шуманъ луна,
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежишь не въ досчашой неволѣ:

Обернуть въ широкій свой плащъ боевой,
Усулъ онъ, какъ рапники въ полѣ.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.

Бышь можетъ, на утро внезапно явись,
Врагъ дерзкой, надменности полный,
Тебя не уважишь товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ свѣ
До храбраго дума печали;
Твой одръ одинокій въ чужой споронѣ
Родимыя руки посплали.

Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой,
И часъ наступилъ, разлученья,
И съ валу ударилъ перунтъ вѣстовой,
И вамъ онъ не вѣстникъ сраженья.

Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ швоею безсмертною славой.

И. Козловъ.

ЭПИТАФИЯ.

Оставя кредиторовъ полкъ,
Дамонъ скончался въ прошломъ годъ:
Одинъ онъ только опдалъ долгу,
То ешь, послѣдній долгу природу.

А. Иллитескій.

МОЯ ЭПИТАФИЯ.

(Подражаніе Скаррону).

Здѣсь прахъ лежить спрадальца одного;
Игралищемъ себѣ судьба взяла его:
Все здѣсь вело его къ перзанию,
И зналъ покой онъ по названью.
Прохожій, удались! Скорѣе прочь,
Чтобъ шумомъ ногъ его не разбудишь невольно:

Вопль первая ему случилась ночь,
Которую онъ спитъ покойно.

А. Ос — об.

Э Л Е Г И Я.

Невидимо полпятся годы;
Въ ихъ безднѣ исчезають дни,
Какъ въ море льющіяся воды,
Какъ мигъ блестящія огни.
За пайной мглой кроешь время
День улетающей за днемъ,
И пягопѣетъ жизни бремя,
А годы кажутся намъ сномъ.
Инаго память упоминалась,
Счишая рядъ прожитыхъ лѣтъ;
Ей жизнь какъ будто бы приснилась,
Минувшее какъ дымный слѣдъ.
Но тамъ, въ толпѣ полупрозрачной,
Мелькають памятные дни,
Какъ сквозь туманъ долины мрачной
Блестятъ привѣтныя огни;
На нихъ ли радости сіянье,

Иль скорби черная печать,
Они живутъ въ воспоминанъхъ,
Ихъ любятъ сердце оплачашъ;
Ихъ время ошъ него не спрячешъ,
И снарецъ , покидая свѣтъ,
И улыбнется и заплачешъ,
Взглянувъ на жизнь минувшихъ лѣтъ.

Ө. Туманской.

М А Д Р И Г Л Ъ .

Прощаясь, просите вы памяти ошъ насъ,
Какъ будно позабыли сами,
Что кто минуто пробывъ съ вами,
Уже безъ памяти ошъ васъ.

А. Иллитескій.

Д В Ъ К А Р Т И Н Ы .

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣсило дня,
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ;
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ пучина водяная
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣшетъ,
Едва колышущся лѣса,
Какъ блески золота, свѣплѣешь
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося берега
Споютъ готовые для бѣга
И тихо плещущъ паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсни руская, живая
Разносятся по лону водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
 Когда блистательнымъ столбомъ
 Свѣпило искрился ночное
 Въ его кристаллѣ голубомъ;
 Какъ шѣвъ отброшенная тучей,
 Вдоль искриленныхъ береговъ,
 Чернѣютъ образы лѣсовъ
 И кое-гдѣ огонь пловучій
 Горитъ на челнахъ рыбаковъ.
 Безмолвна синяя пучина;
 Въ дубровахъ ночь и тишина;
 Небесъ далекая равнина
 Сѣмья мирнаго полна;
 Лишь изрѣдка съ богатымъ ловомъ
 Подъема сѣпи изъ воды,
 Рыбакъ живишь веселымъ словомъ
 Своихъ товарищей шруды;
 Или пушемъ дугообразнымъ,
 Съ небесныхъ падая высокошь,
 Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
 Огнемъ рассыплется алмазнымъ
 И въ ошдаденъи пропадетъ.

Н. Языковъ.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночьку пропоешь?
Кипо-то бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаешь себя,
Не смыкаючи очей,
Упопаючи въ слезахъ?
Ты лети, мой соловей,
Хошь за придевяшь земель,
Хошь за синія моря,
На чужія берега;
Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и въ городахъ:
Не найми себя нигдѣ.
Горемышиѣ меня.
У меня ли у молодой
Дорогъ жемчугъ на груди,
У меня ли у молодой
Жаръ-колечко на рукѣ,

У меня ли у молодой
Въ сердцѣ миленькій дружокъ:
Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ попускавъ,
Въ зимнюю почку на рукѣ
Разпаялося кольцо,
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милой.

Баронъ Дельвигъ.

Э Л Е Г И Я.

Желанье сердца не свершилось,
Сокрылися мечпы мои:
Пришворство гнусное шаялось
Подъ маской пламенной любви.

Въ обманъ отдавшия душою
Покой навѣкъ я схоронилъ,
Проснилъ съ дружбою свяшою,
И благо жизни погубилъ.

Румянецъ нѣги , взоровъ шомность ,
 Ея пылающая кровь ,
 Ея минутная нескромность ,
 Все мнѣ ручалось за любовь .

Но щещно , щещно ждалъ участья ,
 Коварной давъ надъ сердцемъ власть ,
 Я вижу въ ней или безстрашье ,
 Или расчешистую страсть .

М. Яковлевъ.

Д В Ъ З В Ъ З Д О Ч К И .

Со мною мать прощалася
 (Съ полкомъ я шель въ далекий край);
 Весь день лила родимая
 Потюки слезъ горячюе ,
 А вечеромъ свела меня
 Къ сестрѣ своей кудесницѣ;
 Въ дверь спукнула , нѣтъ опклякка ,
 А за дверью шелохнулось ;
 Еще стучипъ , огонь сѣкутъ ;
 Въ окно глядимъ , шамъ свѣшится .

Вошъ въ шрешій разъ спужишь , кричишь :
— Ты скажешься ль , опкликнешься ль ,
Ошопрешься ль ? — Нѣшъ опзыва !
Мы часъ споймъ , другой споймъ :
А за дверью огонь горишь ,
Дрова пирещашъ , кошлы кипяшъ ,
Ворчашъ , поюшъ неруское .
Но полночь бѣшъ , все смолкнуло ,
Все смолкнуло , погаснуло !
Мы ждашъ , пождашъ , дверь скрипнула ,
Идешъ , поешъ кудесница :

« Туманъ , шуманъ ! Въ шуманъ свѣшъ !
То , дшпяшко , звѣзда шволя !
Туманъ тебѣ : немилый край ;
Туманный свѣшъ : шуманно жишъ .
Молись , молись ! Туманъ пройдетъ ,
Туманъ пройдетъ , звѣзда блеснешъ ,
Звѣзда блеснешъ привѣшнѣ ,
Привѣшнѣ , прилучнѣ ! »

Ахъ , съ той поры въ краю чужомъ
Давнымъ давно я вѣдаю
Тоску-печаль , злодѣйку-грусть ;
Злодѣйка-грусть въ душѣ живешъ .
Такъ , старая кудесница ,
Туманъ , шуманъ немилый край !

Въ немъ тошно жишь мнѣ молодцу!
Но та звѣзда, та ль звѣздочка
Свѣтик иль нѣтъ, мнѣ дѣла нѣтъ!
Въ краю чужомъ у молодца
Другія есть двѣ звѣздочки
Привѣщныя, прилучныя:
Глаза ль моей красавицы!

Баронъ Дельвигъ.

К О Н Е Ц Ъ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02975 6007

